

РУСИСТИКА

2024 Том 22 № 3

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Научный редактор *Л.В. Рацибурская*

DOI 10.22363/2618-8163-2024-22-3

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72956 от 25.05.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Шаклеин В.М. — академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), член Совета по русскому языку при президенте РФ, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: shaklein-vm@rudn.ru

Ответственный секретарь

Стрельчук Е.Н. — доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: strelchuk-en@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Алефиренко Н.Ф. — действительный член Российской академии социальных наук, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Белгородский государственный университет, Белгород, Российская Федерация

Бальщина Т.М. — академик РАЕН, академик Нью-Йоркской академии наук, доктор педагогических наук, профессор, Москва, Российская Федерация

Вальтер Харри — член президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), доктор филологических наук, профессор, профессор Института славистики, Университет имени Эрнста Морица Арндта, заместитель председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, Грайсвальд, Федеративная Республика Германия

Гаврилина М.А. — доктор педагогики, профессор, Латвийский университет, Рига, Латвийская Республика

Гусман Тирадо Рафаэль — член президиума МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии, Гранадский университет, Гранада, Королевство Испания

Дейкина А.Д. — заслуженный деятель науки и образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

Дэвидсон Дэн — почетный президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ и АКСЕЛС, старший академический советник и директор научно-исследовательского центра Американских советов по международному образованию, директор Института русского языка, иностранный член Российской академии образования, PhD по филологии, профессор по русскому языку и изучению иностранного языка, Брин-Мор колледж, Вашингтон, Соединенные Штаты Америки

Загоровская О.В. — председатель Совета по русскому языку при администрации Воронежской области, доктор филологических наук, профессор, профессор русского языка, современной русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Российская Федерация

Макарова Вероника — PhD по лингвистике, профессор кафедры языкознания, Саскачеванский университет, Саскачеван, Канада

Маслова В.А. — член президиума ВАК Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Витебский государственный университет, Витебск, Республика Беларусь

Мокиенко В.М. — действительный член Европейского общества фразеологов «ЕВРОФРАЗа», доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Перотто Моника — PhD по педагогике, профессор, научный сотрудник кафедры русского языка, факультет иностранных языков и литературы, Болонский университет, Болонья, Итальянская Республика

Протасова Е.Ю. — доктор педагогических наук, профессор, профессор-адъюнкт отделения языков, гуманитарный факультет, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика

Рацибурская Л.В. — действительный член комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

Рязанова-Кларк Лара — член Королевского лингвистического общества, PhD по филологии, заведующая русским отделением, Эдинбургский университет, академический директор Российского центра княгини Дашковой при Эдинбургском университете, директор научного центра «Русский язык в контексте», Эдинбург, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии

РУСИСТИКА

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Цель и тематика

Научный журнал «Русистика» специализируется на рассмотрении актуальных вопросов русского языка и методики его преподавания как родного, неродного и иностранного в условиях русской, близкородственной и неродственной языковых сред.

Журнал является площадкой для научного сообщества в области отечественной и зарубежной русистики, освещает спектр проблем как собственно лингвистических, так и связанных с культурно-историческими и социальными аспектами изучения и преподавания русского языка.

Миссия журнала заключается в предоставлении возможностей русистам из различных стран и регионов объективно информировать международное научное сообщество о состоянии исследований русского языка, проблемах его функционирования в многополярном мире, привлекать дополнительный интерес ученых к этим проблемам.

Цель журнала: создание научного-исследовательского, образовательного и информационного пространства для взаимного обмена достижениями российских и зарубежных ученых, специализирующихся в области русского языка и методики его преподавания.

Задачи:

1. Обмен научными достижениями российских и зарубежных коллег в области русистики, публикации результатов научных центров по проблемам развития и сохранения русского языка в многополярном мире.

2. Рассмотрение теоретических исследований по проблемам функционирования русского языка в России и зарубежных странах.

3. Актуализация проблем методики преподавания русского языка как родного, неродного, иностранного.

4. Анализ современных тенденций в развитии школьной и вузовской русистики.

5. Отражение вопросов изучения и преподавания русского языка как иностранного и проблем сохранения русского языка в диаспоре.

6. Проблемы развития русского языка как языка науки.

7. Освещение государственной политики в области русского языка и методики его преподавания.

8. Презентация медиаладидактических и электронных средств обучения русскому языку и методике его преподавания.

Очередные выпуски журнала, как правило, являются тематическими и посвящены наиболее актуальным проблемам русистики. Выход тематических номеров анонсируется на сайте журнала.

Материалы могут быть представлены в виде научных статей (теоретических, научно-практических, научно-методических), обзорных научных материалов, рецензий, аннотаций, а также научных сообщений, посвященных деятелям российской и зарубежной науки. Для начинающих ученых предназначена рубрика «Страничка молодого исследователя».

К публикации принимаются только оригинальные статьи, ранее не опубликованные. Самоплагиат не допускается.

Журнал входит в Перечень рецензируемых периодических изданий, публикации которых принимаются к рассмотрению ВАК РФ при защите диссертационных исследований.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Журнал имеет международный статус, который определен составом редколлегии и рецензентами (известные ученые иностранных академий и университетов из России, США, Беларуси, Испании, Италии, Латвии, Финляндии, Германии, Великобритании).

Журнал выходит один раз в квартал (4 номера в год). Подписка на печатную версию журнала оформляется в почтовых отделениях РФ. Индекс журнала в каталоге подписных изданий — 36433.

Редактор *О.В. Горячева*

Редактор англоязычных текстов *С.С. Микова*

Компьютерная верстка *Н.В. Маркеловой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.ru

Подписано в печать 05.11.2024. Выход в свет 15.11.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 14,70. Тираж 500 экз. Заказ № 1065. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН им. Патриса Лумумбы

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

2024 VOLUME 22 NUMBER 3

ACTIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIAN WORD FORMATION

Science Editor *L. V. Ratsiburskaya*

DOI 10.22363/2618-8163-2024-22-3

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Viktor M. Shaklein — member of the Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Professor, Honoured Employee of Higher Education of the Russian Federation, Honoured Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), member of Presidential Russian Language Council, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: shaklein-vm@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena N. Strelchuk — Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: strelchuk-en@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Nikolay F. Alefirenko — Full Member of the Academy of Social Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Language, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation

Tatyana M. Balykhina — Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the New York Academy of Sciences, Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow, Russian Federation

Dan Davidson — President Emeritus and Director of American Councils Research Center (ARC), American Councils for International Education, Director of Russian Language Centre, Foreign Member of Russian Academy of Education, PhD in Philology, Professor of the Russian Language and Foreign Language Studies, Bryn Mawr College, Washington, United States of America

Alevtina D. Deikina — Honoured Worker of Science and Education, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Methods of Teaching Russian, Institute of Philology, Moscow Pedagogic State University, Moscow, Russian Federation

Margarita A. Gavrilina — Doctor of Pedagogy, Professor, Lithuanian University, Riga, Republic of Latvia

Rafael Gusman Tirado — member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology, Granada University, Granada, Kingdom of Spain

Veronika Makarova — PhD in General Linguistics, Professor, Department of Linguistics, University of Saskatchewan, Saskatchewan, Canada

Valentina A. Maslova — member of the Presidential Board of Higher Attestation Commission of Belarus, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University, Vitebsk, Republic of Belarus

Valeriy M. Mokienko — Full Member of European Society of Phraseologists "EUROPHRAS", Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Slavonic Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Monica Perotto — PhD in Pedagogy, Professor, research assistant and Associate Professor of the Chair of the Russian Language Foreign Languages Faculty, Bologna University, Bologna, Italian Republic

Ekaterina Yu. Protasova — Doctor of Pedagogy, Professor, Associate Professor of Language Department, Humanitarian Faculty, Helsinki University, Helsinki, Republic of Finland

Larisa V. Ratsiburskaya — Full Member of Slavonic Education Commission under International Committee of Slavistics, Doctor of Philology, Professor, Chairperson of the Chair of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Lara Ryazanova-Clarke — member of Royal Linguistic Society, PhD in Philology, Chairperson of Russian Department of Edinburgh University, Academic Director of Russian Centre of Princess Dashkova in Edinburgh University, Director of Scientific Centre "Russian Language in Context", Edinburgh, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland

Harry Walter — member of the Presidium of International Association of Teachers of Russian Language and Literature, Doctor of Philology, Professor, Ernst Moritz Arndt University, Institute of Slavistics, Deputy of Chairperson of Phraseological Commission under International Committee of Slavists, Greifswald, Federal Republic of Germany

Olga V. Zagorovskaya — Chairperson of Russian Language Council of Voronezhskaya Oblast Administration, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature, Voronezh State Pedagogic University, Voronezh, Russian Federation

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Aims and Scope

The journal "Russian Language Studies" is specialized in actual problems of the Russian language and methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language under the conditions of Russian, closely related and unrelated linguistic environment.

The journal presents a platform for Russian and foreign scientists, reflects not only linguistic, but also cultural, historical, social aspects of learning and teaching Russian.

The mission of the journal is to give the opportunity to specialists in Russian philology from different countries and regions to objectively inform international scientific community about modern research in the Russian language, its functioning in the multipolar world and to draw the scientific attention to these problems.

The aim of the journal is to create scientific, research, educational and information space for presenting the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies and methods of teaching Russian as a foreign language.

The targets of the journal are:

1. Delivering the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies, publishing the results of scientific centres in developing and keeping the Russian language in the multipolar world.
2. Characterizing theoretical papers on Russian language functioning in Russia and abroad.
3. Pointing out the problems in methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language.
4. Analyzing modern trends in Russian language teaching at school and university.
5. Reflecting problems of learning and teaching Russian as a foreign language and keeping the Russian language in diasporas.
6. Problems of developing Russian as a language of science.
7. Presenting Russian national policy in the Russian language and methods of its teaching.
8. Demonstrating media-didactic and electronic means of teaching Russian.

Next issues of the journal are planned as thematic ones and are devoted to the most actual problems of Russian language studies. Thematic issues are announced at the journal site.

The journal publishes scientific articles (theoretical, academic and research, methodical), review articles, book reviews, annotations, scientific reports about Russian and foreign scientists. The articles written by starting investigators are published on the "Page of a young scientist."

The journal publishes only original articles which have not been published before. Self-plagiarism is not allowed.

The journal has an international status proved by the editorial board and reviewers including outstanding scientists from Russia, the United States, Belarus, Spain, Italy, Latvia, Finland, Germany, Great Britain.

The journal is published every three months with 4 issues a year. Readers can subscribe to the journal in post-offices of the Russian Federation. The index of the journal in subscription edition catalogue is 36433.

Copy Editor *O.V. Goryacheva*
English Text Editor *S.S. Mikova*
Layout Designer *N.V. Markelova*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rlj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Ефремов В.А. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Лукинова О.В. (Москва, Санкт-Петербург, Российская Федерация)** Этикет русской электронной деловой переписки: влияние интернет-коммуникации 333
- Жданова Е.А. (Нижний Новгород, Российская Федерация), Рацибурская Л.В. (Нижний Новгород, Российская Федерация)** Лексико-словообразовательные новации в русскоязычной интернет-коммуникации: продуктивные словообразовательные модели 350
- Иссерс О.С. (Омск, Российская Федерация), Радбиль Т.Б. (Нижний Новгород, Российская Федерация)** Прагматика верификаторов в свете активных процессов в дискурсе отечественных интернет-СМИ 363
- Маркова Е.М. (Москва, Российская Федерация; Братислава, Словацкая Республика)** Компрессия языковой формы в современной русской речи 375
- Николина Н.А. (Москва, Российская Федерация)** Тенденции развития компрессивного словообразования в современном русском языке 392
- Палоши И. (Будапешт, Венгрия)** Метафоры и субъективно-оценочные аффиксы как средства выражения речевой агрессии: агентивы в российском медийном дискурсе 406
- Радченко М.В. (Закарпатская область, Украина)** Языковая игра на русскоязычных интернет-форумах 417

МЕДИАДИДАКТИКА И ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ

- Азимов Э.Г. (Москва, Российская Федерация), Жильцов В.А. (Москва, Российская Федерация), Филиппова В.М. (Москва, Российская Федерация)** Лингводидактический потенциал языковых сред в метавселенных при обучении русскому языку как иностранному 433

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

- Fatkullina F.G. (Ufa, Russian Federation), Dastamooz S. (Tehran, Iran)** Linguistic-culturological characteristics of a conflicting linguistic personality in modern Internet discourse (Лингвокультурологическая характеристика конфликтной языковой личности в современном интернет-дискурсе) 451

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ: ПОЗИЦИЯ УЧЕНОГО

- Иванова-Жданова Е.Ю. (Новосибирск, Российская Федерация), Матханова И.П. (Новосибирск, Российская Федерация)** Таксис в высказываниях с глаголами движения в русском языке: нестандартные ситуации одновременности 465

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

- Маркелова Т.В. (Москва, Российская Федерация), Новикова М.Л. (Москва, Российская Федерация)** Аксиология стилистических помет в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова и новая лексикографическая реальность 480

CONTENTS

ACTIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIAN WORD FORMATION

KEY ISSUES OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

- Efremov V.A. (Saint Petersburg, Russian Federation), Lukinova O.V. (Moscow, Saint Petersburg, Russian Federation)** Digital business etiquette: the influence of Internet communication 333
- Zhdanova E.A. (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Ratsiburskaya L.V. (Nizhny Novgorod, Russian Federation)** Lexical and word-formation innovations in the Russian-language Internet communication: productive word-formation models 350
- Issers O.S. (Omsk, Russian Federation), Radbil T.B. (Nizhny Novgorod, Russian Federation)** Pragmatics of verifiers in the aspect of active processes in Russian Internet media discourse 363
- Markova E.M. (Moscow, Russian Federation; Bratislava, Slovak Republic)** Language form compression in modern Russian speech 375
- Nikolina N.A. (Moscow, Russian Federation)** Trends of compressive word formation in modern Russian language 392
- Palosi I. (Budapest, Hungary)** Metaphors and subjective-evaluative affixes as means of expressing verbal aggression: nomina agentis in Russian media discourse 406
- Radchenko M.V. (Zadar, Republic of Croatia)** Language play on Russian-language Internet forums 417

MEDIADIDACTICS AND ELECTRONIC MEANS OF INSTRUCTION

- Azimov E.G. (Moscow, Russian Federation), Zhiltsov V.A. (Moscow, Russian Federation), Filippova V.M. (Moscow, Russian Federation)** Linguodidactic potential of metaverse language environments for teaching Russian as a foreign language 433

CULTURAL LINGUISTICS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

- Fatkullina F.G. (Ufa, Russian Federation), Dastamooz S. (Tehran, Iran)** Linguistic-culturological characteristics of a conflicting linguistic personality in modern Internet discourse 451

SCIENTIFIC DISCOURSE: SCIENTIST'S OPINION

- Ivanova-Zhdanova E.Yu. (Novosibirsk, Russian Federation), Matkhanova I.P. (Novosibirsk, Russian Federation)** Taxis in utterances with verbs of motion in the Russian language: non-standard simultaneity situations 465

ON CULTURAL HERITAGE OF RUSSIAN PHILOLOGY

- Markelova T.V. (Moscow, Russian Federation), Novikova M.L. (Moscow, Russian Federation)** Stylistic marks axiology in the "Explanatory dictionary of the Russian language" edited by D.N. Ushakov and the new lexicographic reality 480

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

KEY ISSUES OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-333-349

EDN: RTFGMS

Научная статья

Этикет русской электронной деловой переписки: влияние интернет-коммуникации

В.А. Ефремов¹, О.В. Лукинова^{2,3}¹ Институт лингвистических исследований РАН,
*Санкт-Петербург, Российская Федерация*² Московская высшая школа социальных и экономических наук,
*Москва, Российская Федерация*³ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
 valef@mail.ru

Аннотация. Деловая коммуникация значительно расширила арсенал используемых инструментов и начала осваивать те технологии, которые раньше были площадками для частного неформального общения: социальные сети и мессенджеры. Актуальность и новизна темы исследования обусловлены тем, что до сих пор не подвергнутый собственно лингвистическому анализу современный цифровой этикет деловой переписки требует не просто описания и кодификации, но и анализа тех трансформаций, которые приводят к изменениям коммуникативного поведения участников делового интернет-общения. Цель исследования — проанализировать элементы неформальной интернет-коммуникации, присущие мессенджерам и оказывающие влияние на современную электронную деловую переписку. Рабочая гипотеза заключается в том, что переход бизнес-коммуникации в мессенджеры приводит к тому, что письменное деловое интернет-общение все больше приобретает черты устной речи: оно становится более динамичным, степень диалогичности возрастает, а сами нормы деловой коммуникации трансформируются, утрачивая строгость. Основным методом исследования — социолингвистический опрос в форме интернет-анкетирования. В качестве материала исследования использованы данные массовых интернет-опросов, проведенных с 2017 по 2024 г. в авторском телеграм-канале О.В. Лукиновой «Цифровой этикет». Для иллюстрации и подтверждения аксиологических оценок в языковой рефлексии интернет-пользователей периодически использовали интернет-мемы. Доказано, что деловая коммуникация в мессенджерах одновременно испытывает влияние нескольких факторов: деловой эпистолярной традиции, этикета электронных писем и паттернов неформального общения, которые изначально были присущи мессенджерам. Выявлено, что под влиянием последних в цифровой деловой переписке изменяется роль формул вежливости, происходит поиск баланса между синхронностью и асинхронностью коммуникации, изменяется роль графических символов, переосмысливается устно-письменный характер интернет-общения. Перспективным направлением исследования может стать сопоставительный анализ использования тех или иных этикетных формул, элементов и реквизитов традиционной (бумажной) и электронной деловой переписки.

© Ефремов В.А., Лукинова О.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: интернет-общение, эпистолярный этикет, деловая коммуникация, цифровой этикет, мессенджеры, русский язык

Вклад авторов: *Ефремов В.А.* — концепция исследования, научное консультирование, общая концепция статьи, обработка результатов исследования, написание и редактирование статьи; *Лукинова О.В.* — анализ литературы, подбор первичного материала, обобщение опыта исследователей, сбор данных, анализ данных и полученных результатов, обработка материала, написание статьи.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 03.03.2024; принята к печати 13.05.2024.

Для цитирования: *Ефремов В.А., Лукинова О.В.* Этикет русской электронной деловой переписки: влияние интернет-коммуникации // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 333–349. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-333-349>

Введение

Изначально электронная коммуникация использовалась как для личных, так и для деловых целей. Чаты, мессенджеры, блоги, форумы заменили людям личное общение и телефонные разговоры, а электронные письма сменили бумажную корреспонденцию.

В XXI в. появилось множество справочников и пособий по составлению деловых писем: часть из них — учебники и пособия по ведению деловой переписки (Ильяхов, Сарычева, 2018; Северская, Селезнева, 2019; Трофимова, Купчик, 2019; Кирсанова и др., 2022); часть — сборники образцов писем разных жанров для разных ситуаций (Загорская и др., 2006).

Широкое распространение таких пособий во многом стало реинкарнацией жанра письмовников — сборников образцов писем, широко распространенных в России в конце XVIII—XIX вв. (например, Курганов, 1769; Наливкин, 1847; Полный русский письмовник... 1887). Популярность печатных письмовников в начале XIX в. (так, книга Н.Г. Курганова была переиздана 18 раз) объясняется тем, что русский эпистолярный жанр сильно трансформировался в сравнении с предыдущими эпохами, требовал отточности формулировок и соответствия принятым европейским стандартам.

Возобновление активной роли писем в деловой коммуникации XXI в. потребовало актуализации навыка деловой переписки и привело к возникновению современных аналогов письмовников — пособий по электронной переписке, в которых подробно описаны стандартные формулы приветствия, благодарности, изложения просьб, деловых предложений, завершения коммуникации.

Электронная деловая переписка, несмотря на сильное и разноаспектное давление интернет-коммуникации, не может не учитывать принятые нормы делового общения и речевого этикета, одновременно находясь под сильным влиянием тех процессов, которые происходят в неформальной интернет-коммуникации, прежде всего — в социальных сетях и мессенджерах.

Эти процессы в неформальном письменном интернет-общении уже становились предметом исследований (Интернет-коммуникация... 2018; Кронгауз, 2013). Однако раньше внимание лингвистов сосредоточивалось в большей степени на таких формах интернет-коммуникации, как чаты, форумы,

блоги, существующие вне официально-делового дискурса. Исследователи почти единогласно говорят о том, что интернет-коммуникация формирует новую ипостась языка — устно-письменную: «При увеличении синхронности жанра увеличивается устно-разговорная направленность коммуникации, и соответственно, повышается уровень гибридизации форм существования языка в интернет-коммуникации» (Лысенко, 2010: 6).

Среди признаков устно-письменной коммуникации выделяют синхронность, диалогичность, разговорность, эмоциональность, высокий темп, доминирование фатической функции, упрощение синтаксиса, фонетизацию письма, отход от нормативности (Барышева, 2021; Клушина, Николаева, 2019; Иванова, Клушина, 2021; Колокольцева, 2016; Хазова, 2023; Hanson, 2021; McCulloch, 2019).

Большая часть исследований, выполненных до середины 2010-х гг. и описывающих устно-письменный характер интернет-коммуникации (Интернет-коммуникация... 2018; Русский язык и новые технологии, 2014; Трофимова, 2011 и др.), связывала изменения в языке с техническими особенностями тех платформ, на которых коммуникация происходит в формате обмена мгновенными сообщениями: интернет-чаты и программы типа ICQ. Общение в подобных форматах могло происходить только если все собеседники находятся онлайн, т.е. исключительно в синхронном формате. В большинстве интернет-чатов сообщения исчезали сразу же после выхода участника из сети. Подобная синхронная коммуникация требовала повышенного темпа обмена сообщениями и высокой степени диалогичности. Практически сразу же программы обмена сообщениями стали интернет-платформами неформального общения.

Однако необходимо подчеркнуть, что уже с начала 2010-х гг. происходят серьезные технические изменения в самих инструментах коммуникации, создаются и активно распространяются программы мгновенного обмена сообщениями нового поколения: в 2009 г. появляется WhatsApp, а в 2013 г. — «Телеграм». Сейчас львиная доля интернет-коммуникации происходит именно в мессенджерах: по данным исследовательской компании Mediascope, в 2023 г. в России ежедневно 47 % населения пользуется «Телеграмом», 67 % — WhatsApp¹.

Эти мессенджеры имеют ряд технических особенностей, которые значительно изменили формат мгновенного обмена сообщениями, характерный для эпохи Web 1.0. Например, мессенджеры сохраняют историю переписки и даже дают возможность отправлять «отложенные» сообщения, т.е. позволяют пользователям обмениваться сообщениями в асинхронном формате. Благодаря этому быстрый темп общения и моментальная реакция на сообщения собеседника перестают быть обязательной чертой такого рода коммуникации (Giurge & Bohns, 2021).

Последующее развитие мессенджеров все больше отдаляло их от привычных чатов и все больше сближало по техническим характеристикам и функциям с сервисами электронной почты. Например, в них появилось разноас-

¹ Mediascope: доля пользователей Telegram достигла почти половины населения России // Коммерсантъ. 06.02.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6493795> (дата обращения : 20.02.2024).

пектное форматирование сообщений, функция прикрепления файлов, поиск и структурирование информации.

Удобный функционал мессенджеров расширил сферу их применения и привел к тому, что мессенджеры стали все чаще использоваться не только для личной, но и для деловой коммуникации. В разгар пандемии, в апреле 2020 г. в телеграм-канале «Цифровой этикет» был проведен опрос об инструментах коммуникации: в ответ на вопрос «Какой способ общения по работе для вас предпочтительнее в самоизоляции?» 38 % из 2664 опрошенных назвали самым удобным инструментом электронную почту, а 70 % — мессенджеры². Представляется, что мессенджеры становятся такими востребованными средствами интернет-общения именно потому, что позволяют находить баланс между синхронностью и асинхронностью коммуникации.

Отметим, что и пособия по деловой переписке начинают давать рекомендации не только о том, как писать электронные письма, но и о том, как общаться в мессенджерах. Так, автор нескольких пособий по деловой коммуникации, Саша Карепина в книге «Переписка 2.0»³ учит, как прагматически правильно строить сообщение для того, чтобы удерживать внимание адресата именно в мессенджере. Ее книга имеет подзаголовок «Как решать вопросы в чатах, соцсетях и письмах», свидетельствующий о том, что чаты и соцсети теперь используются в т.ч. и для решения деловых вопросов, делового общения, а не только для частных целей. Кстати, в этой же книге автор фиксирует расширение значения старинного термина «деловая переписка»: теперь это «любая переписка по делу».

Итак, техническое совершенствование мессенджеров привело к тому, что современная деловая коммуникация разворачивается на тех платформах, которые изначально считались вотчиной исключительно неформального личного общения.

Цель исследования — проанализировать элементы неформальной интернет-коммуникации, присущие мессенджерам и оказывающие влияние на современную электронную деловую переписку.

Методы и материалы

Основной метод исследования — социолингвистический опрос в форме интернет-анкетирования. Анализируются результаты многочисленных опросов об интернет-коммуникации, которые проводились с 2017 по 2024 г. в авторском телеграм-канале «Цифровой этикет» (@digitaletiquette), освещающем вопросы этичной и эффективной цифровой коммуникации. На 1 марта 2024 г. у телеграм-канала более 22 000 подписчиков; в регулярных опросах принимает участие не менее 3 000 человек. Данные опросов отражают языковую рефлексию интернет-пользователей.

При помощи опросов выясняются, во-первых, коммуникационные практики самих пользователей (например, способы выражения смеха в интернет-

² Какой способ общения по работе для вас предпочтительнее в самоизоляции? // Цифровой этикет. URL: <https://t.me/digitaletiquette/394> (дата обращения : 20.02.2024).

³ Карепина А.В. Переписка 2.0 : как решать вопросы в чатах, соцсетях и письмах. М. : СилаУма-Паблицер, 2019. 320 с.

переписке, использование слов вежливости в поручениях подчиненным), во-вторых, отношение к некоторым языковым и коммуникативным явлениям (например, исчезновение точки в конце реплики, голосовые сообщения) и, в-третьих, представления пользователей о нормах цифрового общения (нужно ли здороваться в чате, отвечать на «спасибо» в мессенджере и т.д.).

Основной материал для анализа — данные двухэтапного интернет-опроса «Самые раздражающие фразы в деловой переписке» (осень 2022 г.), в рамках которого 92 формулы и выражения (например, «доброго времени суток», «приветствую», «заранее спасибо», «спс», обращение «коллеги» и др.), используемые в электронной переписке, были оценены 3464 интернет-пользователями.

Отдельным объектом наблюдения стали мемы (Smith & Hemsley, 2022) о тех ли иных аспектах интернет-коммуникации, которые вирально распространяются в социальных сетях.

Как правило, мемы становятся сверхпопулярными только в том случае, если созвучны опыту пользователей, которые их републикуют. Массовый характер распространения мемов позволяет эксплицировать тренды интернет-коммуникации и отношения интернет-пользователей к тем или иным языковым явлениям.

Результаты

С 2013 г. (год создания «Телеграм») деловая коммуникация значительно расширила арсенал инструментов и начала осваивать такие каналы, которые раньше были площадками исключительно частного, неформального общения.

Доказано, что современная официальная и в еще большей степени полуофициальная деловая коммуникация в мессенджерах (например, переписка или чаты сотрудников) одновременно испытывают влияние нескольких факторов: (1) деловой эпистолярной традиции, (2) этикета электронных писем и (3) паттернов неформального общения, которые изначально были присущи мессенджерам.

Активное использование мессенджеров в бизнес-коммуникации приводит к тому, что письменное деловое общение становится более динамичным, начинает тяготеть к более высокой степени диалогичности, а сами нормы деловой коммуникации трансформируются: становятся менее строгими, в некоторых случаях сближаются с письменным неформальным разговором, утрачивая официальный модус.

На выбор языковых средств в деловом общении значительно влияют экстралингвистические, а именно технологические факторы: изменение функционала мессенджеров приводит к изменению представлений о нормах коммуникации.

Нормы современной деловой интернет-коммуникации зачастую регулируются цифровым этикетом — негласным сводом правил поведения в цифровом пространстве. Цифровой этикет стремится сделать интернет-общение более удобным, предсказуемым и доброжелательным и потому влияет на выбор языковых средств и форм коммуникации.

Частью цифрового этикета становятся формулы вежливости, используемые в интернет-коммуникации. Специфика общения в мессенджерах в значи-

тельной степени трансформирует эти формулы и приводит к новому формату их использования. Выявлено, что под влиянием мессенджеров в цифровой деловой переписке изменяется роль обращений и приветствий, происходит поиск баланса между синхронностью и асинхронностью коммуникации, изменяется роль графических символов, переосмысливается устно-письменный характер интернет-общения.

Таким образом, деловая электронная коммуникация претерпевает изменения в связи с переходом в мессенджеры. Однако и мессенджеры перестают быть территорией только разговорного и неформального общения, как это представлялось прежде.

Обсуждение

Изменение делового письма с переходом в мессенджеры

Усиление диалогичности — ключевое изменение, которое повлек за собой переход переписки из электронной почты в мессенджеры.

Электронное письмо, как и классическое, бумажное, никогда не предполагало мгновенного ответа: так, разные справочники по деловому этикету дают рекомендации отвечать на электронные письма в срок от нескольких часов до 1 недели, усредненная и наиболее частая рекомендация — в течение суток (Деловой этикет... 2021: 314). Однако мессенджеры предполагают большую скорость коммуникации, а потому сообщение строится исходя из возможности провести коммуникацию максимально синхронно. Например, в мессенджерах возникает частотная ситуация, когда приветствие отправляется отдельным сообщением и только после того, как адресат ответит на приветствие (продемонстрирует, что готов к синхронной коммуникации), собеседник отправляет следующее сообщение. Это сближает мессенджеры с устной беседой, хотя, безусловно, нарушает такой базовый постулат Г.П. Грайса, как информативность.

Иногда запрос на синхронную коммуникацию выражается более эксплицитно: «Ты здесь?», «Можно задать вам несколько вопросов?», «Могу отвлекь?». Эти реплики не несут никакой информации (нарушен тот же постулат Грайса), но призваны привлечь внимание собеседника, реализуя исключительно фатическую функцию.

Стремление к диалогичности в мессенджере может проявляться и в том, что одно послание разбивается на несколько реплик, хотя вполне могло быть отправлено и одним сообщением. Некоторые эксперты по цифровым коммуникациям мотивируют это удобством для выстраивания диалога: собеседник сможет отвечать на отдельную реплику, не создавая путаницы в диалоге⁴.

Реплика 1: *Наталья, добрый день! У меня есть несколько вопросов по поводу вашего предстоящего выступления:*

Реплика 2: *Планируете ли вы использовать презентацию?*

Реплика 3: *Понадобится ли флипчарт и маркер?*

⁴ Как общаться в мессенджерах: манифест нормальных людей // Кинжал. URL: <https://kinzhal.media/howto-messenger/> (дата обращения : 20.02.2024).

Однако в целом пока такое решение следует признать скорее контрпродуктивным: раздробленный на несколько сообщений текст вызывает скорее негативную, чем положительную реакцию усредненного интернет-пользователя.

Мессенджеры традиционно использовались для неформальной коммуникации, поэтому степень нормативности и официальности лексики и языковых средств в современном деловом интернет-общении тоже снижается. Разумеется, степень официальности зависит от того, в каких отношениях находятся собеседники. Если коммуникация осуществляется между незнакомыми людьми или между людьми, которые находятся в иерархических отношениях, то речь будет формальной с минимальными отступлениями от литературной нормы. Если коммуникация происходит между коллегами, которые находятся в постоянном взаимодействии, то степень формальности будет снижаться.

Снижение формальности выражается прежде всего в использовании сленгизмов («*асан*» ‘срочно’), офисных фразеологизмов («*дедлайн — вчера*»), сокращений («*ДД*» вместо «*Добрый день*», «*кста*» и др).

Отдельного внимания заслуживает написание личного местоимения «вы». Правило писать «Вы» с прописной буквы при обращении к одному человеку (Правила... 2022: 166) в электронной переписке все чаще редуцируется. Анализ языковой рефлексии носителей языка убеждает, что все больше людей воспринимают написание «Вы» как неуместное или устаревающее. Так, в рамках опроса о самых раздражающих фразах в деловой переписке⁵ из 3464 участников написание «Вы» признали неуместным 58 %. Одновременно написание «вы» с маленькой буквы при обращении к одному человеку назвали раздражающим всего 18 %. Такое соотношение ответов доказывает, что из неформальной деловой переписки постепенно уходит чрезмерный формализм и избыточность языковых средств («*Разве обращение на „вы“ уже не подразумевает уважение? Зачем это так подчеркивать?*» — реплика участника дискуссии). Итак, сегодня в мессенджерах и электронной почте написание «Вы» с прописной буквы все чаще маркирует сообщения более официального стиля. Написание «вы» применительно к одному адресату чаще встречается в диалогах между постоянно взаимодействующими людьми, которые хорошо знают друг друга и находятся на одном уровне служебной иерархии.

Благодаря тому, что деловая переписка разворачивается в мессенджерах и социальных сетях, в нее проникают традиционные атрибуты неформального общения — **графические символы**, которые используются для невербальной передачи интонации или отношения пишущего к предмету обсуждения. При этом можно выстроить своеобразную градацию этих символов по степени формальности.

Так, в наименее формальных рабочих чатах можно встретить стикеры — крупные графические изображения, которые пользователи отправляют отдельными сообщениями (рис. 1).

Как правило, стикеры имеют большую эмоциональную нагрузку и яркий образный ряд, что в большей степени характеризует ситуацию неформального общения.

⁵ Самые раздражающие фразы в переписке. URL: <https://digitaletiquette.ru/badwords> (дата обращения : 20.02.2024).

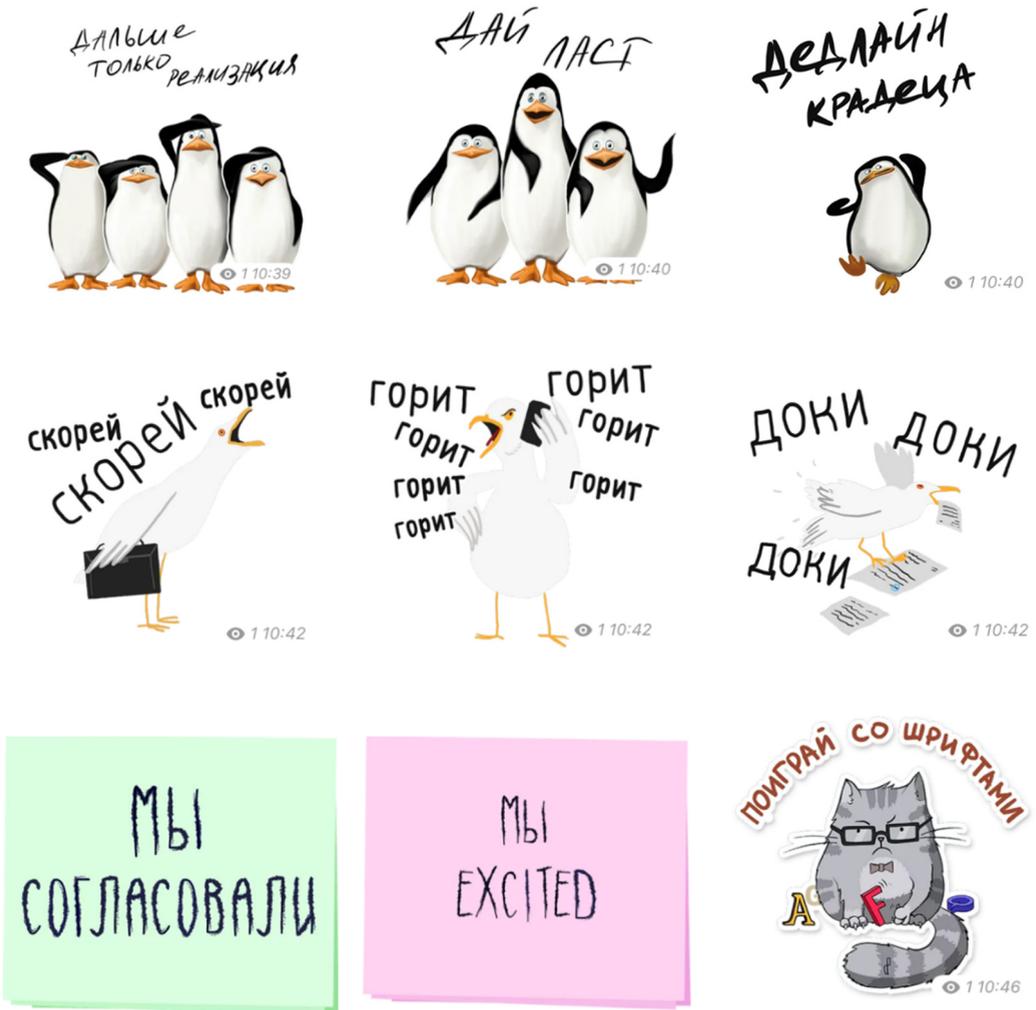

Рис. 1. Примеры стикеров
 Источник: Стикерпаки «Телеграм». URL: <https://tigrm.ru/stickers>

Эмодзи (😊, 😞, 😟, 😠, 🙋, 👍, 🙌, 🤝, 🍷, 🍷 и мн. др.) — это пиктограммы, изображающие либо лица и жесты, выражающие те или иные эмоции, либо предметы или персонажей: они «привлекают внимание читателя и настраивают его на визуальное восприятие» (Бусарева, 2022: 88). Как правило, эмодзи используют в одном сообщении с вербальным текстом. Графическая природа эмодзи соотносит его с неформальной коммуникацией, но идеальная сочетаемость графических символов с основным текстом позволяет им проникать и в полуформальную переписку (Siever, 2019). Одновременно стоит заметить, что в целом в западной деловой переписке отношение к эмодзи стремительно улучшается (Riordan & Glikson, 2020).

С наибольшим успехом в деловую коммуникацию интегрировались графические символы, состоящие из привычных знаков препинания: двоеточие и скобки. Интернет-пользователи младшего поколения называют закрывающуюся скобку в конце реплики «вежливой точкой»: ее функция — показать благожелательный настрой: «*Буду рада сотрудничеству с вами*») или «*Спасибо*»).

Сегодня уместными для деловой переписки становятся графические образы с минимальным количеством символов, что особенно хорошо видно по результатам опроса о самых раздражающих элементах⁶. Так, негативные оценки использования в деловой переписке разного количества закрывающихся скобок для выражения эмоции распределились следующим образом:

- 53 % негативно оценили «))))))));
- 20 % против «)»;
- 19 % назвали неуместным в деловой переписке даже «)».

Иными словами, избыточное выражение эмоций в деловой переписке большинству пользователей кажется неуместным. Это подтверждает и негативное отношение участников опроса к использованию избыточных знаков препинания: 89 % пользователей назвали неуместными и раздражающими такие графические элементы, как «???????» и «!!!!!!!!!».

83 % опрошенных посчитали раздражающим использование капитализации, или капслока (написание слов или предложений полностью прописными буквами). Негативное отношение к капслоку подтверждается и такими мемами, как: «*Не капслочь на меня!*» и «*Не повышай на меня шрифт!*». В этих случаях «капслочить» становится синонимом глагола «кричать», а «повышение шрифта» соотносится с разговором на повышенных тонах.

Разумеется, такое отношение к капслоку и избыточным знакам препинания / графическим средствам наблюдается не только в деловой переписке, но и в частной.

Цифровой этикет деловой переписки и мессенджеры

Цифровой этикет регулирует взаимодействие пользователей и призывает к следованию нормам общественно одобряемого интернет-поведения. В первой работе по цифровому этикету, сборнике «Нетикет» (Shea, 1994) Вирджиния Ши предлагала свод правил о том, как нужно вести себя в интернете. В большей степени они регулировали неформальное общение в пространстве чатов и форумов.

Современный цифровой этикет изрядно усложнился и фиксирует нормы поведения на разных цифровых площадках и в разных коммуникативных ситуациях (см., например, о проблеме фаббинга в (Cebollero-Salinas et al., 2022)). В связи с колоссальными нехваткой времени и переизбытком информации, которую ежедневно потребляют интернет-пользователи, одна из максим цифрового этикета — забота об удобстве собеседника и экономия ресурса внимания. Современный цифровой этикет призывает к минимизации тех практик коммуникации в мессенджерах, которые приводят к потере времени собеседника. Примечательно, что это в первую очередь касается тех форм и способов коммуникации, которые были унаследованы мессенджерами из синхронных чатов. Среди таких рекомендаций можно выделить две базовые:

- Не дробить сообщения на части, как, например, сделал отправитель следующего послания (рис. 2).

⁶ Самые раздражающие фразы в переписке. URL: <https://digitaletiquette.ru/badwords> (дата обращения : 20.02.2024).

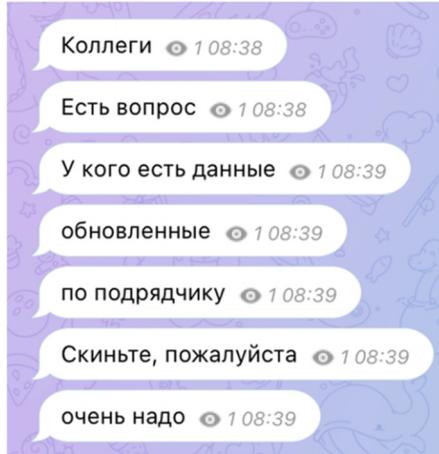

Рис. 2. Пример интернет-сообщения в рамках деловой коммуникации
Источник: Личный архив авторов В.А. Ефремова, О.В. Лукиновой

Подобное решение уместно в синхронной коммуникации для удержания внимания собеседника, но доставляет неудобства в том случае, если мессенджер используется для делового общения в ситуации, когда у собеседников могут быть параллельно другие задачи.

- Не отправлять отдельными сообщениями приветствие и метавопросы типа «*Можно задать несколько вопросов?*», «*Могу отвлечь?*», «*Есть минутка?*». Такая практика втягивает собеседника в синхронную коммуникацию и заставляет обмениваться неинформативными сообщениями. Иначе говоря, современный деловой этикет стремится к тому, чтобы роль фатической функции в интернет-коммуникации снижалась.

Подобные рекомендации цифрового этикета для деловой переписки в мессенджерах не только минимизируют усилия получателя, но и некоторым образом пытаются «усмирить» разговорную природу общения в чатах.

Эти же цели преследуют рекомендации писать грамотно. Раньше исследователи фиксировали едва ли не конвенциональность ошибок и опечаток в чат-общении: «Это отражение своеобразной негласной конвенции интернет-пользователей: в интернет-среде (во всяком случае, в режиме синхронного общения) вполне уместно писать так, как говоришь; это позитивно воспринимается интернет-сообществом» (Колокольцева, 2016: 101).

Современный же этикет настоятельно рекомендует избегать ошибок и опечаток: «Всех раздражает, когда письмо написано небрежно: без знаков препинания, с ошибками по невнимательности, без приветствия и подписи» (Ильяхов, Сарычева, 2018: 10). Изменение отношения к подобного рода «небрежности» связано как минимум с двумя причинами: во-первых, сфера применения мессенджеров расширилась до деловой, во-вторых, в мессенджерах появились новые инструменты работы с ошибками: (1) встроенные редакторы, указывающие на ошибки при написании, (2) предиктивный набор, который предлагает орфографически верное написание слов, (3) возможность отредактировать сообщение даже после отправки. Следовательно, с развитием технологий репутационная цена ошибки возрастает. Кроме того, автозамена неправильно

написанных слов на другие, подчас неуместные, слова стимулирует ответственных пользователей как минимум внимательнее относиться к написанному и перечитывать сообщение перед отправкой.

Подтверждением идеи о том, что цифровой этикет пытается усмирить разговорную стихию общения и сделать ее более сдержанной, грамотной, предсказуемой, упорядоченной, является и особое отношение цифрового этикета к голосовым сообщениям как прямой трансплантации устной речи в гибридную интернет-коммуникацию (подробнее об этом см.: (Лукинова, 2020: 106–115).

Таким образом, в выборе языковых средств при общении в мессенджерах особую роль играет продолжающийся формироваться цифровой этикет, одна из целей которого сейчас — упорядочить естественную стихию разговорного языка, который проникает в письменное интернет-общение. То, как рекомендации цифрового этикета применяются на практике, заслуживает отдельного изучения. Однако уже сейчас очевидно, что деловое общение в мессенджерах так или иначе учитывает нормы актуального, трансформирующегося этикета. «Сетевой этикет отличается от традиционного, и нельзя однозначно сказать, что одно — это хорошо, а другое — плохо. В каждом из этих этикетов постепенно вырабатывались / вырабатываются свои нормы и правила общения. На фоне этого происходит изменение этических норм» (Евсеева, 2012: 184).

Трансформации формул вежливости: от полуофициального к деловому

Особую роль в цифровом речевом этикете играют формулы вежливости. С одной стороны, традиционный этикет предписывает их активно использовать. С другой стороны, формат динамичного, почти синхронного цифрового общения приводит к противоположной тенденции — экономии языковых средств. В связи с этим можно выделить несколько процессов в трансформации этикетных формул в полуофициальной коммуникации в мессенджерах, которые влияют или могут повлиять на деловой этикет цифровой переписки в целом.

Сокращения. Единицы речевого этикета, которые многократно используются в интернет-переписке, часто подвергаются сокращениям. Вместо «спасибо» пишут «спс», вместо «пожалуйста» — «пжл», «пжлст». В уже упоминавшемся исследовании 43 % опрошенных сказали, что «спс» их раздражает. Это раздражение вербализовано, например, мемом: «Люди, пишущие „спс“! Что вы делаете с кучей освободившегося времени?»⁷. Как правило, подобные сокращения употребляются в неформальной коммуникативной ситуации, в которой объем просьбы не велик: «Скинй, плз, номер Наташи» — «891534350..» — «спс».

Иногда сокращения используются в приветствиях: «ДД» («добрый день»), «ДУ» («доброе утро»), «ДВ» («добрый вечер») — или в поздравлениях: «С ДР!» («С днем рождения») и «С НГ!» («С Новым годом!»). Разумеется, пока еще они используются в неформальной или полуоформальной переписке.

⁷ Анекдотов.net. URL: <https://anekdotov.net/anekdot/all/chsvbdvshgsvrnm.htm> (дата обращения : 20.02.2024).

Вульгаризмы (русифицированные английские слова вежливости): «*плиз*», «*сори*», «*ок(и)*» в предложениях типа: «*Сори, опаздываю*»; «*Напиши точный адрес плиз*». Распространение подобного рода единиц в полуофициальной деловой коммуникации (например, чат сотрудников в том или ином мессенджере) обусловлено, помимо языковой моды и проблем с языковым вкусом, еще и экономией языковых средств: английские слова короче русских «*пожалуйста*», «*извини*», «*хорошо*». Вульгаризмы используются в ситуации не слишком обременительной просьбы или не слишком большой провинности.

Отказ от традиционных формул вежливости. Одна из интереснейших особенностей современной (полу)официальной деловой коммуникации в мессенджерах заключается в том, что в ней практически не используется слово «*пожалуйста*» в ответ на «*спасибо*». 13 мая 2021 г. в телеграм-канале «*Цифровой этикет*» был задан вопрос: «*Вы написали в мессенджере «спасибо». Ждете ли вы какого-то сообщения от собеседника в ответ?»*⁸. Из 4 606 респондентов 75 % считают, что на «*спасибо*» отвечать необязательно; 12 % хотели бы в ответ увидеть смайл или стикер; 11 % хотели бы получить что-то вроде «*Приятно было помочь*», «*Обращайся*». И только 2 % в ответ на «*спасибо*» ожидают «*пожалуйста*». При этом классический речевой этикет предполагает, что за благодарностью должна последовать некоторая реакция.

Усиление роли приветствия как элемента устного общения. Классическая эпистолярная традиция не предполагала, что в письме надо здороваться с адресатом, достаточно было обратиться к нему по имени: «*Приветствие появилось в электронном письме и пока не повлияло на письмо в конверте: в нем остается пока только обращение, что соответствует законам эпистолярного жанра*» (Северская, Селезнева, 2019: 288).

При этом в электронной переписке приветствия используются постоянно: виртуальный контакт сближается с реальной встречей, когда поздороваться с собеседником необходимо. Именно поэтому приветствия возникают и в электронных письмах, и в чатах. Сегодня интернет-пользователи спорят о том, нужно ли здороваться в мессенджере, и если да, то сколько раз за день. Смена установки происходит, вероятно, из-за того, что изменились практики использования интернета: во времена, когда к интернету нужно было подключаться, вход в чат воспринимался как вход в помещение, где со всеми нужно поздороваться. Сегодня большинство участников (деловой) электронной коммуникации находятся онлайн постоянно, а потому приветствовать человека, с которым недавно уже была переписка, становится необязательным, как, например, необязательно здороваться каждый раз в начале разговора с человеком, который сидит в том же рабочем кабинете.

Показательны результаты опроса интернет-пользователей, в котором предлагалось, оценив смоделированный диалог, ответить на вопрос: «*Чье поведение кажется вам менее корректным: того, кто не поздоровался, или того, кто на это обратил внимание?»*

Собеседник 1: Андрей, пришлите, пожалуйста, информацию по проекту.

Собеседник 2: Во-первых, здравствуйте! Сейчас пришлю.

⁸ Вы написали в мессенджере «спасибо». Ждете ли вы какого-то сообщения от собеседника в ответ? // Цифровой этикет. URL: <https://t.me/digitaletiquette/539> (дата обращения : 20.02.2024).

В данном опросе участвовало 5190 человек, из которых 90 % считали, что не прав тот, кто обратил внимание на отсутствие в переписке приветствия. Только 10 % считают некорректным поведение того собеседника, который не поздоровался.

Исчезновение формул прощания — одно из отличий мессенджеров от чатов, в которых было принято прощаться, чтобы показать, что пользователь собирается покинуть чат и не будет доступен онлайн. В мессенджерах такой необходимости нет: априори предполагается, что пользователи онлайн постоянно. Вместо прощания чаще используется благодарность или подтверждение договоренности: «Хорошо, завтра буду», «Увидимся на совещании», «Буду ждать результатов».

Диалог может заканчиваться даже с помощью последовательного сокращения длины и информативности реплик:

- Вот документ, который ты просил
- О, спасибо, очень вовремя
- Обращайся
-

В данном контексте эмодзи становится сигналом того, что коммуникативная ситуация исчерпана.

Отказ от стандартных элементов деловой переписки. Деловой этикет предписывает включать в каждое электронное письмо подпись с указанием должности адресанта, компании и контактов, причем независимо от того, представляется ли пишущий в начале письма⁹. В деловой переписке в мессенджерах этот компонент (информация об отправителе) исчезает: во-первых, в мессенджерах невозможно включить в сообщение данный реквизит автоматически, а во-вторых, всегда понятно, кто именно отправляет то или иное сообщение.

Замена этикетных формул на эмодзи. Набор эмодзи в мессенджерах предлагает яркие визуальные образы для разнообразных ситуаций. Так, эмодзи многозначен: он используется и для того, чтобы подкрепить просьбу, в диапазоне значений от «пожалуйста» до «умоляю», и для того, чтобы поблагодарить, и для того, чтобы передать надежду на что-то (в значении «Хоть бы это случилось!»). Неслучайно эта пиктограмма заняла в 2023 г. четвертое место в мире по популярности среди всех остальных эмодзи¹⁰. В России 42 % россиян назвали этот значок любимым¹¹. Он может использоваться в нескольких вариантах: как дублирование вербально выраженной мысли («Спасибо »), «Пожалуйста, помоги »), как замена слов вежливости («Ты меня очень выручил »), «Сбрось презентацию») или как самостоятельное сообщение, состоящее из одного только символа («Отправляю тебе презентацию» — «»).

⁹ Ильяхов М.О. Текст по полочкам : краткое пособие по деловой переписке. М. : Альпина Паблишер, 2022. С. 170.

¹⁰ Смайлик со слезами радости стал самым популярным эмодзи в 2023 году // RBC life. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/64b79f179a794736e44e31a9> (дата обращения : 20.02.2024).

¹¹ Россияне назвали любимые эмодзи. Инфографика // Анкетолог. URL: <https://iom.anketolog.ru/2023/06/15/populyarnye-emodzi> (дата обращения : 20.02.2024).

Иногда значением благодарности могут обладать и эмодзи, изображающие цветы или подарок (🎁). В таком употреблении эмодзи могут использоваться для гармонизации коммуникации.

Особые формулы вежливости. В мессенджерах распространяются формулы вежливости, которые содержат неверное словоупотребление. Например, «заранее спасибо» и «доброго времени суток».

Наречие «заранее» некорректно сочетается с междометием «спасибо». И хотя наречие могло бы сочетаться с кратким прилагательным или глаголом («заранее признателен», «заранее благодарю»), эта формула негативно воспринимается носителями языка, так как демонстрирует, что адресант заранее уверен в положительном ответе собеседника и не предполагает даже возможности отказа. Иными словами, фраза «заранее спасибо» прагматически ущербна, так как перечеркивает смысл вопроса и просьбы. Примечательно, что «заранее спасибо» используется только в письменной речи и не может быть использована в устном разговоре — благодарность бы следовала только после полученного ответа. В письменном общении «заранее спасибо» как бы опережает течение разговора и в некотором смысле нарушает синхронность коммуникации.

Приветствие «доброго времени суток» тоже используется исключительно в письменной речи. Для устного разговора оно слишком громоздко и лишено всякого смысла, потому что по-настоящему синхронное общение предполагает четкую привязку ко времени, а значит, дает возможность назвать конкретную часть суток: «добрый день», «доброе утро» или «добрый вечер». Кроме того, в этой формуле есть и грамматическая ошибка: при приветствии обычно используется именительный падеж, а родительный падеж чаще свойственен формулам завершения разговора и прощания («спокойной ночи», «всего доброго», «удачи», «счастливого пути»). Стилистическая неточность осознается и носителями языка. Неслучайно из 3 500 опрошенных 64 % называют фразу «доброго времени суток» раздражающей¹².

Итак, этикетные формулы вежливости претерпевают разнообразные изменения в полуофициальном интернет-общении в мессенджерах.

Заключение

Мессенджеры как коммуникационная платформа постоянно трансформируются, что влечет за собой формирование новых норм и практик коммуникации. Эти нормы отражаются в цифровом этикете, который служит цели сделать онлайн-общение более эффективным, доброжелательным, предсказуемым.

Важное техническое различие электронной почты и мессенджера состоит в том, что рабочая почта зачастую привязана к корпоративному домену, а значит, может принадлежать не одному человеку, а группе лиц, и может автоматически пересылать сообщения другим адресатам. Все это делает переписку по электронной почте в большей степени статусно-ориентированной:

¹² Самые раздражающие фразы в переписке. URL: <https://digitaletiquette.ru/badwords> (дата обращения : 20.02.2024).

письмо отправляется не человеку, а исполнителю функции. Одновременно переписка в мессенджере лично-ориентирована, потому что, как правило, привязана к личному номеру телефона.

Итак, развитие интернет-технологий и эволюция интернет-коммуникации привели к тому, что современный цифровой этикет, особенно определяющий правила поведения в деловом общении, неминуемо трансформируется.

Одним из важнейших факторов, влияющих на формирование нового нетикета, становится коммуникация в мессенджерах, которые все чаще (особенно в бизнес-структурах) используются для решения деловых вопросов. Исторически полуофициальный характер общения в мессенджерах приводит к тому, что под их влиянием в современной деловой переписке появляются коммуникативные практики, графические средства и формулы вежливости, которых прежде в ней не существовало.

В качестве перспективы исследования можно наметить сопоставительный анализ использования широкого спектра этикетных формул, элементов и реквизитов традиционной и электронной деловой переписки. Заслуживающим отдельного научного внимания может стать сравнение рекомендаций деловых писемников XIX в. и пособий по деловой переписке XXI в.

Список литературы

- Барышева С.Ф. «Устно-письменная» форма речи в интернет-коммуникации как проявление тенденции к разговорности и диалогичности // Мир лингвистики и коммуникации. 2021. № 64. С. 34–47.
- Бусарева С.Г. Графический искусственный язык эмодзи на образовательно-просветительском сайте «Arzamas» // Русский язык в школе. 2022. № 5. С. 84–89. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-5-84-89>
- Деловой этикет от Эмили Пост : полный свод правил для успеха в бизнесе. М. : Эксмо, 2021. 384 с.
- Евсеева И.В. Вопросы нетикета : обращение на «Ты» и «Вы» в Интернет-сети // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3. С. 181–184.
- Загорская А.П., Петроченко П.Ф., Петроченко Н.П. Письмовник для ведения деловой корреспонденции. М. : Московский рабочий, 2006. 247 с.
- Иванова М.В., Клушина Н.И. Русский язык в современном интернет-пространстве : динамические процессы и тенденции развития // Русистика. 2021. № 4. С. 367–382. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382>
- Ильяхов М., Сарычева Л. Новые правила деловой переписки. М. : Альпина Паблишер, 2018. 256 с.
- Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М. : ФЛИНТА, 2018. 328 с.
- Кирсанова М.В., Анодина Н.Н., Аксенов Ю.М. Деловая переписка. М. : ИНФРА-М, 2022. 136 с.
- Клушина Н.И., Николаева В.А. Стилистика интернет-текста. М. : Эдитус, 2019. 176 с.
- Колокольцева Т.Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2. С. 97–105. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-97-105>
- Кронгауз М.А. Самоучитель Олбанского. М. : АСТ, 2013. 412 с.
- Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей. СПб., 1769. 424 с.
- Лукинова О.В. Цифровой этикет. Как не бесить друг друга в интернете. М. : Эксмо, 2020. 240 с.
- Лысенко С.А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 24 с.

- Наливкин Ф.Н.* Руководство к сочинению писем и деловых бумаг : с образцами, примерами и формами : в 4 томах. М. : Тип. Семена, 1847.
- Полный русский письмовник : сборник образцовых писем, деловых бумаг и коммерческой переписки : в 4 частях. / сост. Н. Сазонов, А. Бельский. СПб. : Типолитография Х. Ш. Гельперн, 1887. 468 с.
- Правила русской орфографии и пунктуации: полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М. : АСТ-Пресс, 2022. 432 с.
- Русский язык и новые технологии : монография / под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 256 с.
- Северская О.И., Селезнева Л.В.* Эффективная бизнес-коммуникация. «Волшебные таблетки» для деловых людей. М. : Эксмо, 2019. 416 с.
- Трофимова Г.Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России : функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М. : РУДН, 2011. 435 с.
- Трофимова О.В., Купчик Е.В.* Основы делового письма. М. : Флинта; Наука, 2019. 304 с.
- Хазова А.Б.* Изучение компьютерно-опосредованной коммуникации в лингвистическом аспекте // Вопросы языкознания. 2023. № 2. С. 144–156. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.2.144-156>
- Cebollero-Salinas A., Cano-Escoriaza J., Orejudo S.* Impact of Online Emotions and Netiquette on Phubbing from a Gender Perspective : Educational Challenges // Journal of New Approaches in Educational Research. 2022. № 1. Pp. 64–78. <https://doi.org/10.7821/naer.2022.1.848>
- Giurge L.M., Bohns V.K.* You don't need to answer right away! Receivers overestimate how quickly senders expect responses to non-urgent work emails // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2021. № 4. Pp. 114–128. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2021.08.002>
- Hanson R.E.* Mass communication : living in a media world. Los Angeles : SAGE Publications, Inc., 2021. 488 p.
- McCulloch G.* Because Internet : understanding how language is changing, London : Harvill Secker, 2019. 336 p.
- Riordan M.A., Glikson E.* On the Hazards of the Technology Age: How Using Emojis Affects Perceptions of Leaders // International Journal of Business Communication, OnlineFirst. 2020. № 1. <https://doi.org/10.1177/2329488420971690>
- Shea V.* Netiquette. San Francisco : Albion Books, 1994. 155 p.
- Siever C.M.* 'Iconographic Communication' in Digital Media : Emoji in WhatsApp, Twitter, Instagram¹³, Facebook¹³ — From a Linguistic Perspective // Emoticons, Kaomoji, and Emoji. The Transformation of Communication in the Digital Age. New York : Routledge, 2019. Pp. 127–147.
- Smith A.O., Hemsley J.* Memetics as informational difference : offering an information-centric conception of memes // Journal of Documentation. 2022. № 5. Pp. 1149–1163. <https://doi.org/10.1108/JD-07-2021-0140>

Сведения об авторах:

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, Российская Федерация, 199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9. *Сфера научных интересов*: интернет-лингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, гендерные исследования, юрлингвистика. ORCID: 0000-0002-0247-706X. SPIN-код: 3233-2138. E-mail: valef@mail.ru

Лукинова Ольга Владимировна, преподаватель, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Российская Федерация, 125009, г. Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1; аспирант кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Российская Федерация, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48. *Сфера научных интересов*: медиалингвистика, интернет-лингвистика, когнитивная лингвистика. ORCID: 0009-0000-8364-479X. SPIN-код: 3953-8977. AuthorID: 3953-8977. E-mail: looking.over.smm@gmail.com

¹³ 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность Meta, которой принадлежат соцсети Instagram и Facebook, экстремистской, запретив ее работу в России.

Digital business etiquette: the influence of Internet communication

Valerii A. Efremov¹, Olga V. Lukinova^{2,3}

¹ Institute for Linguistic Studies RAS, *Saint Petersburg, Russian Federation*

² The Moscow School of Social and Economic Sciences, *Moscow, Russian Federation*

³ Herzen State Pedagogical University of Russia, *Saint Petersburg, Russian Federation*

 valef@mail.ru

Abstract. Business communication has significantly expanded its arsenal of tools and begun to embrace technologies that were previously platforms for private informal communication: social networks and messengers. The relevance and novelty of our research are due to the fact that contemporary digital etiquette in business correspondence, not yet subjected to linguistic analysis, requires not only description and codification but also analysis of the transformations that influence changes in the communicative behavior of participants in business internet communication. The aim of the research is to analyze the elements of informal internet communication inherent in messengers and their influence on modern digital business correspondence. The hypothesis is that the shift of business communication to messengers leads to an increasingly oral-like nature of written business internet communication: it becomes more dynamic, more dialogical, and the norms of business communication are transformed, becoming less rigid. The main research method is a sociolinguistic survey in the form of an internet questionnaire. The research material includes data from mass internet surveys conducted from 2017 to 2024 in O.V. Lukinova’s “Digital Etiquette” Telegram channel. Internet memes were sporadically used to illustrate and confirm assessments in the linguistic reflection of internet users. The authors conclude that business communication in messengers is simultaneously influenced by several factors: business epistolary tradition, email etiquette, and patterns of informal communication that were originally inherent in messengers. Under the influence of the latter, the role of politeness formulas changes in digital business correspondence, a balance between the synchronicity and asynchronicity of communication is sought, the role of graphical symbols changes, and the oral-written nature of internet communication is reconsidered. The research perspective is a comparative analysis of certain etiquette formulas, elements, and details of traditional and electronic business correspondence.

Keywords: epistolary etiquette, business correspondence, digital etiquette, messengers

Contribution: *Efremov V.A.* — research concept, scientific consulting, general concept of the article, processing of research results, writing and editing the article; *Lukinova O.V.* — literature analysis, selection of primary material, summarizing the experience of researchers, data collection, analysis of data and results obtained, processing of the material, writing the article.

Conflict of interests. The authors declare that they have no conflict of interests.

Article history: received: 03.03.2024; accepted: 13.05.2024.

For citation: Efremov, V.A., & Lukinova, O.V. (2024). Digital business etiquette: the influence of Internet communication. *Russian Language Studies*, 22(3), 333–349. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-333-349>

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362

EDN: RRNCCG

Научная статья

Лексико-словообразовательные новации в русскоязычной интернет-коммуникации: продуктивные словообразовательные модели

Е.А. Жданова^{id}, Л.В. Рацибурская^{id}✉

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, *Нижегород, Российская Федерация*

✉ racib@yandex.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования связана с необходимостью изучения новых словообразовательных явлений в разных сферах интернет-коммуникации как одной из наиболее динамичных коммуникативных систем. Цель исследования — выявление продуктивных словообразовательных типов и моделей, зафиксированных в русскоязычных текстах сети Интернет в 2018–2024 гг. Материал исследования, впервые введенный в научный оборот, — лексико-словообразовательные новации в текстах блогов, в комментариях к текстам блогов и соцсетей. В ходе исследования использовались описательный и классификационный методы, структурно-семантический, словообразовательный, контекстуальный виды анализа в новых аспектах: когнитивном, прагматическом и социокультурном. Определены внешние и внутренние факторы неологизации: экстралингвистические факторы связаны с экономическими, социально-политическими, культурными и идеологическими изменениями в обществе; интралингвистические диктуются, в частности, законом языковой экономии. Охарактеризованы деривационные тенденции в сфере интернет-коммуникации: тенденции к интернационализации и демократизации. Выявлены продуктивные словообразовательные модели и форманты, как иноязычного, так и исконного характера. Социальная обусловленность всех рассмотренных новообразований проявляется не только в выборе словообразовательных формантов и моделей, но и в характере исходных слов, называющих актуальные, общественно важные реалии, характеризующие новые общественные отношения. Показано проявление лингвокреативной личности авторов блогов и комментариев в реализации экспрессивно-оценочной и людической функций новообразований в интернет-текстах. Полученные результаты имеют значение как для теории дериватологии, неологии и интернет-лингвистики в целом, так и для лексикографической практики.

Ключевые слова: русский язык, словообразовательная деривация, словообразовательные типы, словообразовательные форманты, блоги, интернет-комментарии, электронные СМИ

Вклад авторов: *Жданова Е.А.* — сбор материала, верификация данных, проведение исследований, создание черновика рукописи; *Рацибурская Л.В.* — проведение исследований, концептуализация, методология, создание рукописи и ее редактирование, руководство исследованием.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

История статьи: поступила в редакцию 12.02.2024; принята к печати 25.04.2024.

© Жданова Е.А., Рацибурская Л.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Жданова Е.А., Рацибурская Л.В. Лексико-словообразовательные новации в русскоязычной интернет-коммуникации: продуктивные словообразовательные модели // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 350–362. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362>

Введение

Интернет-коммуникация в современном мире становится одним из основных способов коммуникации. «Интерес лингвистов к онлайн-дискурсу вполне закономерен: наряду с традиционными устным и письменным модулями общения компьютерно-опосредованный дискурс стал третьим модусом, в котором сегодня осуществляется значительная доля коммуникации» (Шилихина, 2018: 219). Большинство носителей русского языка так или иначе общаются через Интернет, что, несомненно, влияет на функционирование и развитие языка. «В XXI веке одним из решающих источников появления новых слов является интернет, без которого нельзя представить современную жизнь. В последнее десятилетие языковая деятельность человека активно происходит в социальных сетях. Они оказывают огромное влияние на нашу коммуникативную и информационную жизнь. Актуализация их роли находит свое отражение и в словообразовании» (Хоригути, 2019: 46).

«Сегодня в массовой коммуникации благодаря развитию цифровых технологий происходят невиданные прежде перемены. Все большее место в информационном поле цифровых СМИ занимает виртуальная личность, рядовой пользователь превращается в коммуникатора, стремится создать информационный повод» (Корнилова, Кузнецов, 2022: 155).

Изменения в лексике современного русского языка, связанные с экстралингвистическими причинами, находят свое отражение в интернет-коммуникации и в некоторой степени поддерживаются ею: «... с каждым годом для все большего числа людей место СМИ занимают социальные сети, блоги и форумы, и для них «поставщиком» новых словообразовательных моделей является язык интернет-коммуникации, отличающийся рядом особенностей» (Шмелева, 2015: 46).

Пристальное внимание ученых к интернет-коммуникации способствовало формированию новой лингвистической области — интернет-лингвистики (Crystal, 2006; Колокольцева и др., 2018; Русский язык в интернет-коммуникации... 2021; Хазова, 2023 и др.). В начале XXI в. в интернет-лингвистике активно исследовали специфику интернет-жанров (Иванов, 2000), в рамках интернет-стилистики изучали Интернет как стилистическое пространство и сетевые функциональные стили (Клушина, 2020; Тошович, 2015; Tošović, 2002). Исследуются новые языковые тенденции в интернет-коммуникации, новации на каждом уровне языковой системы при ее функционировании в сетевом пространстве (Иванова, 2021). «Главный предмет интернет-словообразования — порождение новых слов и их функционирование онлайн <...>, т.е. создание слов в Сети при помощи старых и новых средств и приемов» (Тошович, 2016: 423).

Исследователи интернет-коммуникации показали, что освоение Интернета сопровождается интенсификацией речевых процессов, отражающих разные подсистемы языка (Трофимова, Барабаш, 2020; Samylicheva & Gazda, 2020).

Особое внимание уделяется социокультурному аспекту интернет-новаций, что, в частности, проявилось в исследовании лексики пандемической эпохи (Русский язык коронавирусной эпохи, 2021; Жданова, Рацибурская, 2022). В последние десятилетия интернет-новации изучаются не только в социокультурном, но и в лингвокогнитивном и лингвопрагматическом аспектах. В трудах ученых Нижегородской лингвистической школы разработана и реализована модель описания активных процессов в речи Интернета в указанных аспектах (Социокультурные и лингвопрагматические аспекты... 2018; Русский язык в интернет-коммуникации... 2021). Поскольку языковая среда Интернета «представляет собой одну из наиболее динамичных и активно развивающихся коммуникативных систем <...>, своего рода лабораторию языковых инноваций» (Русский язык в интернет-коммуникации... 2021: 3), проблема интерпретации инноваций в речи интернет-коммуникантов представляется особенно актуальной.

Пристального внимания заслуживают тексты блогов — интернет-дневников, во многом сближающихся со средствами массовой информации, а отчасти и заменяющих традиционные СМИ. При этом, как отмечают исследователи, «язык социальных сетей и блогов близок к устной разговорной речи по своей спонтанности и свободе выражений, а к языку художественной литературы — по игровому и творческому началу» (Шмелева, 2015: 46).

Очевидной необходимостью выявления и изучения новых фактов языка и речи, продуктивных словообразовательных моделей и формантов в новой сфере коммуникации и обусловлена актуальность исследования.

Цель исследования — выявление продуктивных словообразовательных типов и моделей в текстах сети Интернет в 2018—2024 гг.

Методы и материалы

Материалом исследования стали словообразовательные новации узуального и неuzuального характера, представленные в текстах сети Интернет, в первую очередь в текстах разнообразных блогов, комментариев к ним, комментариев в соцсетях. В первую очередь привлекались материалы блогов, размещенных на платформе «Дзен»¹ (dzen.ru) («Галопом по кино»², «Книга животных»³, «Эх, прокачу»⁴, «Мебель своими руками»⁵, «Записки плохого официанта»⁶, а также «Блог Доктора Демкина»⁷), интернет-СМИ⁸, материалы, представленные в социальной сети «ВКонтакте»⁹ и на платформе «Живой

¹ Дзен. Статьи. URL: <https://dzen.ru/articles> (дата обращения: 03.03.2024).

² Галопом по кино: канал. URL: <https://dzen.ru/id/612b443efc5995741e8f22ae> (дата обращения: 03.03.2024).

³ Книга животных: канал. URL: <https://dzen.ru/knigajivotnih> (дата обращения: 03.03.2024).

⁴ Эх, прокачу: канал. URL: https://dzen.ru/zina_korzina (дата обращения: 03.03.2024).

⁵ Мебель своими руками: канал. URL: <https://dzen.ru/a/XzTY1FZg7XBZwNeW?sid=13799346275124> (дата обращения: 29.08.2024).

⁶ Записки плохого официанта: канал. URL: https://dzen.ru/bad_waiter (дата обращения: 03.03.2024).

⁷ Блог Доктора Демкина. URL: <https://onkto.ru/blog/psychometry/troll> (дата обращения: 03.03.2024).

⁸ <https://womanadvice.ru/>; <https://dzen.ru/tsargrad.tv/>; <https://adme.media/>; <http://inforos.ru/>; <https://lenta.ru/>; <https://www.afisha.ru/>; <https://cont.ws/> (дата обращения: 29.08.2024).

⁹ <https://vk.com/> (дата обращения: 29.08.2024).

Журнал»¹⁰. Исследованные тексты не ограничивались тематически: объектом анализа стали и кинообзоры, и заметки общественно-политической или бытовой тематики, и научно-популярные заметки о животных и др. Новообразования выявлялись не только в текстах авторов блогов, но и в комментариях к ним. Подобный широкий подход позволяет выявить общие тенденции в действии словообразовательного механизма современного русского языка.

Новообразования фиксировались в течение 2018–2024 гг. В то же время среди описанных в данной статье новаций встречаются новообразования более раннего периода. Таким образом, материал исследования отражает словообразовательные процессы конца 10-х — начала 20-х гг. XXI в. При характеристике словообразовательных новаций использовались описательный и классификационный методы, структурно-семантический, словообразовательный, контекстуальный виды анализа.

Результаты

В результате исследования определены факторы неологизации: экстралингвистические, связанные с экономическими, социально-политическими, культурными и идеологическими изменениями в российском социуме, и интралингвистические, связанные с тенденциями к интернационализации и демократизации в языке. Тенденция к интернационализации проявляется в участии в деривационных процессах иноязычных словообразовательных аффиксов и моделей. Тенденция к демократизации проявляется в участии в деривационных процессах сниженных словообразовательных аффиксов и моделей разговорно-просторечного характера.

Выявлены продуктивные в текстах интернет-коммуникации словообразовательные модели и форманты, узуальные и неuzuальные способы словообразования. К продуктивным словообразовательным средствам, отражающим тенденцию к интернационализации, относятся префиксы *анти-*, *супер-*, *мега-*, *псевдо-* и др., суффиксы *-(из)аци(я)*, *-гейт* и др., модели образования сложных слов по типу агглютинации. К продуктивным словообразовательным средствам, отражающим тенденцию к демократизации, относятся суффиксы *-щин(а)*, *-к(а)* — последний в моделях универбации. Указанные аффиксы нередко выполняют экспрессивно-оценочную функцию, связанную с семантико-стилистическими характеристиками производящих основ и контекстом.

Охарактеризованы такие функции новообразований в интернет-текстах, как экспрессивно-оценочная и людическая.

Результаты исследования имеют значение не только для теории дериватологии, неологии и интернет-лингвистики в целом, но и для лексикографической практики (Жданова, 2020).

Обсуждение

1. Факторы, влияющие на языковую эволюцию. Развитие языка напрямую связано с развитием того общества, которое он обслуживает, а экстралингвистические факторы обязательно должны учитываться при характерис-

¹⁰ <https://www.livejournal.com/> (дата обращения: 29.08.2024).

тике языка конкретной эпохи. По мнению Г.О. Винокура, резкие изменения в общественной жизни активизируют и актуализируют некоторые языковые потенции (Винокур, 2006: 87). Наблюдения ученого подтверждаются и новейшим языковым и речевым материалом: обилие новообразований в разных сферах коммуникации, активизация отдельных частей и появление новых элементов словообразовательного механизма свидетельствуют о том, что серьезные общественно-политические потрясения в России конца XX в. оказали и оказывают большое влияние на динамику языковых процессов (Социокультурные и лингвопрагматические аспекты... 2018; Русский язык в интернет-коммуникации... 2021; Русский язык коронавирусной эпохи, 2021).

Как отмечают исследователи, «пополнение словаря, как и эволюция языка в целом, регулируется факторами не только внешнего, но и внутреннего порядка» (Волков, Сенько, 1983: 43–44). Так, Г.П. Нещименко обращает внимание на значимость тенденции языковой экономии для «развития системных закономерностей языка» (Нещименко, 2010: 118). «Наблюдения ученого подтверждаются и интернет-текстами: в них нередко встречаются производные-универбаты — прямое следствие действия закона языковой экономии» (Жданова, Рацибурская, 2020: 28).

Вместе с тем внешние и внутренние факторы, обуславливающие языковое развитие, тесно взаимосвязаны и их разграничение в некоторой степени относительно: «... автономные процессы, происходящие внутри лексической подсистемы языка и направленные на совершенствование системы обозначений, в конечном счете опосредованы внешним стимулом, в частности актуализацией каких-либо общественных явлений, понятий» (Волков, Сенько, 1983: 45).

В русском языке нашего времени, «несмотря на увеличившееся число внешних заимствований, преобладает обновление лексики за счет лексико-словообразовательных инноваций» (Жданова, 2020). Как отмечают исследователи, «из всех процессов, поставляющих в русский язык новые единицы, самым активным является процесс словопроизводства» (Маринова, 2008: 439).

В русском языке рубежа XX–XXI вв. «прослеживаются два вектора языкового развития, определяющие процессы словопроизводства. Во-первых, очевидна тенденция к интернационализации, а во-вторых — тенденция к демократизации» (Жданова, Рацибурская, 2020; см. также: Газда, 1997; Коряковцева, 2016; Globalization... 2006 и др.).

2. Тенденция к интернационализации в словообразовательных процессах интернет-коммуникации. Данная тенденция как одна из определяющих в словообразовании русского языка новейшего периода неоднократно описывалась исследователями (Коряковцева, 2016 и др.). Она проявляется, в частности, в большом числе производных-композигов с первой несклоняемой атрибутивной частью (*рок-музей, рэп-тусовка, тату-салон*); продуктивности иноязычных (интернациональных) аффиксов (*супер-, -(из)аци(я)*); появлении новых заимствованных аффиксальных элементов (*мега-, -гейт*). Так, исследователи-дериватологи указывают на рост именной префиксации в русском языке рубежа XX–XXI вв., которая реализуется в первую очередь с помощью заимствованных морфем: например, в синонимичной паре *супер- — сверх-* заметно более продуктивным является иноязычный префикс. Кроме того, обращает на себя внимание стремительная словообразовательная адаптация заим-

ствованных неологизмов. Нередко даже новое заимствование оказывается вершиной целого словообразовательного гнезда (Жданова, Рацибурская, 2020): *Интернет* — *интернетизация*, *интернетчик*, *интернетомания* и мн. др.; *шейминг* — *бали-шейминг*, *бебишейминг*, *шеймить*, *шеймовер* и др.

Современные интернет-тексты отражают продуктивность аффиксов и моделей иноязычного характера. Так, префикс *анти-* с семантикой отрицания, отсутствия может сочетаться с основами неодушевленных и одушевленных существительных, а также прилагательных:

(1) *25 шедевров от людей, которые закончили бы академию **антидизайнеров** на отлично* [здесь и далее сохраняются орфография и пунктуация источника. — Авт.].

(2) *Про колхозность и **антидизайн** кухонных уголков. <...> А теперь вдруг начинают говорить, что кухонные уголки вдруг вышли из моды и стали прям колхозным **антитрендом** и **антидизайном** в одном флаконе.*

(3) *Так вот, я назову свои пять **анти-топовых** фраз.*

В тех случаях, когда нарушаются условия словообразовательного типа и префикс *анти-* сочетается с основами личных имен собственных, экспрессивность новообразования возрастает:

(4) *Джеймс Бонд — шикарный одиночка, даже если ему и помогают самые разные люди. **Анти-Бонд** — Горбунков — это часть целой «бригады» с таксистами-при-погонах и прочими «серьёзными людьми».*

Экспрессивный эффект особенно заметен, когда данный префикс сочетается с названиями литературных произведений:

(5) *Когда адмирал узнаёт, что баржа затонула, он берёт лодочку и плывёт спасать сына. Сына он не находит, зато спасает из воды маленькую белую собачку. Вот такая «**Антимуму**».*

Продуктивный размерно-оценочный префикс *супер-* указывает на высокую или высшую степень чего-либо (Лопатин, Улуханов, 2016: 229):

(6) *... помните эти **суперкастрюли** с красными надписями на боках: «Суп», «Второе», «Компот»? В данном новообразовании содержится указание на большой размер денотата, как и в следующем примере:*

(7) *ЭТО выглядит настолько нереально и жутко, что стало московской достопримечательностью. Я должна была увидеть ЭТО своими глазами. Съездила, посмотрела. **Супермегачеловекник!***

Во многих новообразованиях содержится не только указание на высокую степень признака, качества, но и оценка — положительная (*супербинокль*, *супертехнологичный*) или отрицательная (*супер-разведчик*, *суперстерва*, *супернеловко* и др.):

(8) *«Волос» занимался в основном дронами. Говорит, что в современной войне без «птичек» нечего делать — это вторые глаза, или, скорее, **супербинокль** разведчика.*

(9) ***Супертехнологичное** будущее уже отражается в стеклянных экранах наших смартфонов.*

(10) *И это **супер-разведчик**? И что немцы могли подумать о таком супере?*

(11) *Жену Николаева играет Светлана Иванова. Ну, та самая, **суперстерва** из «Разведщиц».*

(12) ... и один раз он пнул мое кресло — я повернулась, а там этот, с зубом! Вновь было **супернеловко**.

Характер оценки — положительная или отрицательная — определяется семантико-стилистическими признаками мотивирующего слова, а также контекстом.

Отклонение от словообразовательного типа (модели), в частности сочетание префикса *супер-* с личными именами собственными (антропонимами), повышает градус экспрессивности новообразования:

(13) *И следующие две серии зритель, нетерпеливо ожидающий кадров восстания и подвига наших заключённых, будет лицезреть, как **Суперниколаев** готовится к операции, проникает на территорию Пакистана и разведывает обстановку.*

Нанизывание размерно-оценочных префиксов также интенсифицирует качественно-оценочный потенциал новообразования:

(14) *Оказывается, немцы прячутся в замке не просто так: в подвале собрана **супермегааракета!***

Заемствованный из английского языка в конце XX в. префикс *мега-* прежде всего указывает на большой размер денотата (Козулина и др., 2009: 143), а также на обладание денотатом признаками, качествами, проявившимися в нем в намного большей степени, сверх обычного:

(15) *Если кто-то желает поощрить автора за **мегаобзор** «ПЗВВ 1-6», возражать не стану!*

Количественная семантика может осложняться оценочной — положительной (*мега-подборка*) или отрицательной (*мега-сарай*):

(16) *Плюс, строго рекомендую новый отличный проект министерства обороны «Полководцы Победы: При параде». Представляет из себя **мега-подборку** редких фотографий маршалов и генералов Победы на различных послевоенных парадах.*

(17) *Обратите внимание на остекленный торговый **мега-сарай** — его поставили не так давно.*

Экспрессивно-негативная оценка может выражаться продуктивным префиксом *псевдо-* с семантикой неистинности, ложности:

(18) *Третьяковка — место изысканное и предназначено для «белых людей», которые понимают в «илитности» и «стиле». Плебс может проходить мимо. Ему тут делать нечего. Такой замечательный **псевдоинтеллектуальный фашизм**.*

(19) *Злые языки опять же поговаривают, что вся эта **псевдо-интрига** и **псевдо-борьба** направлена на повышение явки и через 2–3 недели про эти «типа войны» никто и не вспомнит.*

(20) *Стронники **псевдоЗОЖ** и антипрививочники, зная о том, что детские инфекции хуже протекают у взрослых, чем у деток, вместо прививок, специально приводят здоровых деток к заболевшему ребенку.*

(21) *Бедные дети, чем их пичкают на **псевдопредметах**.*

Весьма яркой чертой современных словообразовательных процессов является высокая продуктивность отыменной модели с суффиксом *-(из)ациj-* со значением «сфера занятий, свойство, действие, состояние, в соответствии со значением мотивирующего существительного» (Лопатин, Улуханов, 2016):

(22) Если пока что **«киборгизация»** большей части россиян ограничивается пломбами в зубах, то лет через 15–20 стоит ожидать уже массового появления искусственных рук, ног, почек и глаз.

(23) Всемирная **Лоскутизация** Творческие идеи о лоскутном шитье.

(24) **Ногаизация и черкесизация** крымской войны (ради этого по логике царь второй раз и женился) провалилась.

Оценочность подобных новообразований связана обычно с мотивирующей семантикой и/или контекстом.

Для создания негативного имиджа политика, общественного деятеля журналисты используют новый заимствованный из английского языка суффиксоид *-гейт* со значением ‘политический скандал’ (Коряковцева, 2016), который обычно присоединяется к основам имен собственных, но может сочетаться и с основами нарицательных существительных, в том числе и просторечных:

(25) **«Байденгейт»** еще только начинается.

(26) *Всю неделю в СМИ и блогах полыхал «**телкагейт**»: горячее обсуждение вопроса <...> допустимо или нет называть любую молодую женщину «телкой» (или нежно «телочкой») и одновременно считаться западником и либералом.*

Тенденция к интернационализации наблюдается также в сложных словах. Под влиянием английского языка в последнее время получили распространение словообразовательные модели образования сложных слов по агглютинативному типу без соединительных элементов. Так, повсеместное распространение Интернета и глубокая погруженность носителей языка в интернет-коммуникацию способствуют увеличению числа неодериватов с первой частью *интернет-*:

(27) *Вот честно думал зарыть топор войны между **интернет-лучниками** и **интернет-мушкетерами**, но, видимо, не судьба.*

(28) *Свою грязную работу **Интернет-тролли** выполняют в онлайн-обществе (такие как группы новостей, форумы, чаты, блоги и соцсети).*

(29) *На тропу войны выходят **интернет-эльфы**.*

(30) ***Интернет-пташки** принесли вот такую чудную фоточку меню из некоего заведения «Генацвали на Спортивной».*

3. Тенденция к демократизации в словообразовательных процессах интернет-коммуникации. Другой вектор языкового развития связан с тенденцией к демократизации, при которой продуктивность проявляют сниженные, разговорно-просторечные аффиксы и модели.

«Яркой экспрессией, обычно негативной, отличаются новообразования на базе имен собственных в тех случаях, когда производящие основы сочетаются с исконными сниженными суффиксами» (Жданова, Рацибурская, 2020: 34), в частности с суффиксом *-щин(а)*, обозначающим «бытовое или общественное явление, идеологическое или политическое течение, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом (преимущественно с неодобрительной оценкой)» (Лопатин, Улуханов, 2016: 700):

(31) *Никаких научных открытий он не сделал, глобальных выводов не вывел, и даже заявленную цель «слегка отмыть **шекспировщину**» вспомнил только в финале.*

(32) *Главная новость дня, если вы не в курсе — самая ужасно-звездная пара типа комиков, достававшая вас много лет на «России 1» в «Кривом зеркале» и прочей петросянице — собственно Евгений Петросян и его жена Елена Степаненко... разводятся.*

(33) *... развитие «зоошизы» в нашей стране гармонично сочетается с нарастанием отчуждённости между людьми, дефицитом улыбок на улице, постоянной готовностью к конфликту, «соколовицине» — от мата в Вене до ныряния в Мойку.*

(34) *На спектакль позвали друзья, с которыми давно не виделись, поэтому пошла. Очень опасалась шаблона «богомоловицина».*

Наряду с разговорными суффиксами активность в деривационных процессах проявляют словообразовательные модели разговорного характера, к которым можно отнести модели универбации с суффиксом *-к(а)*:

(35) *Детектор пока молчит, мы только выезжаем из Ясиноватой, но я не успеваю моргнуть глазом, как оказываемся в так называемой Промке. Промзона между двумя городами-спутниками — это один из самых горячих участков обороны Донецка до СВО и после ее начала.*

(36) *В принципе, ничего путного там и так не ожидалось, так что не велика потеря. Как пиратка появится, посмотрим. — О пиратской (незаконной) версии кинофильма.*

(37) *... не валить всё на учителя, который вполне вправе сказать корончку работников почты: «Вас много, а я одна!» — От исходного словосочетания коронная фраза.*

Рассмотренные новообразования отражают также тенденцию к экономии языковых средств.

Своеобразным проявлением демократического начала в словообразовании можно признать активизацию процессов контаминации, при которой происходит произвольное совмещение формально тождественных частей исходных слов. Контаминированные новообразования как яркое проявление авторского начала в интернет-коммуникации довольно часто встречаются в интернет-комментариях:

(38) *Сплошной маябрь, а мы уже и очки купили. С шапкой и шарфом прям хорошо смотрятся ← май + ноябрь — с отсечением начальной части второго исходного слова;*

(39) *Мой овчаровашка так делает, когда я с ним разговариваю и он слышит знакомые слова ← овчарка + очаровашка — с отсечением финали первого исходного слова;*

(40) *Ох, какая же ты милая и ласковая, патагонка моя, скало-ласка моя!* [заметка посвящена южноамериканскому животному — патагонской ласке. — Авт.] ← скалолазка + ласка.

Последний пример интересен еще и тем, что при его создании автор обыгрывает звучание слова, прибегает к графодеривации (дефисации) и отсылает читателя к строкам известной песни В. Высоцкого.

В результате контаминации увеличивается семантический объем новообразований, включающих в себя семантику обоих исходных слов и ситуативную обусловленность.

Помимо контаминации в интернет-коммуникации представлены и другие процессы окказионального словообразования: заменительная деривация и голофразис. При заменительной деривации (отчасти сближающейся с контаминацией) заменяется одна из частей производящего, при этом возможно игровое переосмысление исходного слова в духе ложной этимологии:

(41) Комментарий А: *Ну как-то я сомневаюсь, что древние человеки палками и камнями, могли забить всех мамонтов, включая **папонтов**.*

Комментарий Б: *<...> да валили всех. Даже **дядентов** и **тётентов**. А кто устоит против сотни копий в боку или ямы с кольями?*

В русскоязычной интернет-коммуникации обнаруживаются далеко не единичные случаи голофразиса, когда неодериват представляет собой сращение словосочетаний или предложения. При этом возможны как дефисные, так и слитные написания:

(42) *Зиночка вручила Михаилу неумело сделанный слепок и велела сделать ключ от сейфа, в котором лежит «**та-самая-печать**».*

(43) *Игорь связывается с **тем-самым-неподкупным-генералом**, и они разрабатывают не менее хитрый план.*

(44) *Ещё раз про «**иганебыло**»* [о татаро-монгольском иге и его оценке в трудах специалистов-историков и псевдоисториков. — *Е.Ж., Л.Р.*].

Таким образом, анализ интернет-коммуникации позволяет выявить актуальные в русском языке начала XXI в. словообразовательные процессы, словообразовательные модели и форманты.

Заключение

Лавинообразное словообразование и бурный поток заимствований — процессы, которые активнейшим образом проявили себя в конце XX в., — продолжают действовать и в начале XXI в., в т.ч. в интернет-коммуникации. Русский язык наших дней функционирует в условиях лингвокреативной свободы, характеризующей интернет-коммуникацию (блоги, комментарии к ним и текстам в соцсетях).

Словообразовательный потенциал языка реализуется при создании лексико-словообразовательных новаций, которые нуждаются в исследованиях лингвокогнитивного, лингвопрагматического и социокультурного характера.

Социальная обусловленность новообразований проявляется в выборе словообразовательных формантов и моделей, а также в характере исходных слов, называющих актуальные, общественно важные реалии, характеризующие новые общественные отношения.

Как показало исследование, словообразовательные тенденции, которые наблюдаются в текстах интернет-коммуникации, в основном отражают тенденции, характерные для работы современного словообразовательного механизма.

Список литературы

- Винокур Г.О. Культура языка. М. : Лабиринт, 2006. 253 с.
Волков С.С., Сенько Е.В. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития // Новые слова и словари новых слов / отв. ред. Н.З. Котелова. Л. : Наука, 1983. С. 43–57.
Газда Й. Лексика современной русской публицистики и общие тенденции развития языка // Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. 1997. Т. 46. № А45. С. 157–164.

- Жданова Е.А.* Словообразовательные неологизмы-существительные в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»: структурно-семантический и социокультурный аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2020. 265 с.
- Жданова Е., Рацибурская Л.* Факторы неологизации в русском языке рубежа XX–XXI веков // *Studia Rossica Gedanensia*. 2020. № 7. С. 26–37. <https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.02>
- Жданова Е.А., Рацибурская Л.В.* Рецензия на коллективный проект : Русский язык коронавирусной эпохи: монография / отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 556 с.; Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост.: Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников и др. / отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 440 с. // *Русский язык в школе*. 2022. Т. 83. № 2. С. 98–103. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-2-98-103>
- Иванов Л.Ю.* Язык Интернета : заметки лингвиста // *Словарь и культура русской речи*. М. : Азбуковник, 2000. С. 56–62.
- Иванова М.В., Клушина Н.И.* Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции // *Русистика*. 2021. Т. 19. № 4. С. 367–382. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382>
- Клушина Н.И., Николаева А.В.* Введение в интернет-стилистику. М. : Флинта, 2020. 240 с.
- Колокольцева Т.Н., Лутовинова О.В., Агаюлова С.И.* Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М. : Флинта, 2018. 328 с.
- Коряковцева Е.И.* Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательных и лингвокультурологических аспекты). Siedlce : UwS, 2016. 152 с.
- Корнилова Е.Н., Кузнецов А.С.* Архетип в коммуникации: образ трикстера в современных масс медиа // *Мифологос*. Серия: «Миф в культуре : литература, язык, поэтика, искусство, фольклор». 2022. № 3. С. 155–167. <https://doi.org/10.35103/SMSU.2022.50.85.041>
- Лопатин В.В., Улханов И.С.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.
- Маринова Е.В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы усвоения и функционирования. М. : ЭЛПИС, 2008. 493 с.
- Нещипенко Г.П.* Тенденция языковой экономии как фактор динамики литературной нормы // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование : доклады XI Междунар. науч. конф. комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. М. : Макс Пресс, 2010. С. 116–134.
- Рацибурская Л.В., Жданова Е.А.* Специфика русских медийных новообразований в отражении социальных реалий // *Русистика*. 2021. Т. 19. № 4. С. 466–480. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480>
- Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты : монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М. : Флинта, 2021. 328 с.
- Русский язык коронавирусной эпохи : монография / отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. 609 с.
- Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов : монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М. : ФЛИНТА, 2018. 233 с.
- Тошович Б.* Интернет-стилистика. М. : Флинта, 2015. 238 с.
- Тошович Б.* Словообразование в интернете, интернет в словообразовании // *Wortbildung und Internet*. Graz : Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz — Kommission für Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee, 2016. С. 419–494.
- Трофимова Г.Н., Барабаш В.В.* Языковое послевкусие интернет-эпохи в России : эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакommunikation) : монография. М. : РУДН, 2020. 273 с.
- Шилихина К.М.* Лексические маркеры жанров интернет-коммуникации // *Жанры речи*. 2018. № 3. С. 218–225. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-218-225>
- Шмелева Е.Я.* Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании // *Верхневолжский филологический вестник*. 2015. № 2. С. 46–52.
- Хазова А.Б.* Изучение компьютерно-опосредованной коммуникации в лингвистическом аспекте // *Вопросы языкознания*. 2023. № 2. С. 144–156. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.2.144-156>

- Хоригути Д. Аффиксация глаголов, обозначающих действия в социальных сетях // *Studia Rossica Gedanensia*. 2019. № 6. С. 45–55. <https://doi.org/10.26881/srg.2019.6.03>
- Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. 318 p.
- Globalization and Slavic languages / ed. Koriakowcewa, E. Siedlce : Wydawnictwo Uniwersytetu w Siedlcach. 2018.
- Samylicheva N., Gazda J. Derivative Neologisms as Sociocultural Dominants in the Russian And Chech Languages of the Modern Period // *SHS Web of Conferences*. 2020. No. 88. 01022. <http://doi.org/10.1051/shsconf/20208801022>
- Tošović B. *Funkcionalni stilovi. Funkcionalne Stile*. Graz: Institut für Slavistik der Karl-Franzens-Universität. 2002.

Сведения об авторах:

Рацибурская Лариса Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23. Под руководством Л.В. Рацибурской подготовлено 13 кандидатов и один доктор филологических наук. Неоднократно участвовала в подготовке и реализации грантовых проектов РГНФ и РФФИ. Член комиссий по славянскому словообразованию и по социолингвистике при Международном комитете славистов. Член редколлегии восьми российских и зарубежных научных журналов. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. *Сфера научных интересов*: дериватология, неология, язык СМИ. Автор более 300 научных публикаций. ORCID: 0000-0002-9332-050X. SPIN-код: 7032-5608. E-mail: racib@yandex.ru

Жданова Елена Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23. *Сфера научных интересов*: неология, неография, дериватология, язык интернета. Автор более 30 научных публикаций. ORCID: 0000-0003-3700-0613. SPIN-код: 6525-9121. E-mail: e-a-zhdanova@inbox.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362

EDN: RRNCCG

Research article

Lexical and word-formation innovations in the Russian-language Internet communication: Productive word-formation models

Elena A. Zhdanova , Larisa V. Ratsiburskaya

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation
 racib@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study is related to the need to study new word-building phenomena in various fields of Internet communication as one of the most dynamic communication systems. The aim of the study is to identify productive word-building types and models recorded in Russian-language texts on the Internet in 2018–2024. The research material, which is introduced into scientific discourse for the first time, represents lexical and word-formation innovations in the texts of blogs, comments on them, and comments on social networks. The study used descriptive and classification methods, structural-semantic, word-building, contextual types of analysis in the new aspects: cognitive, pragmatic, and socio-cultural. As a result of the conducted research, the external and internal factors of neologization were determined: extralinguistic factors are associated with economic, socio-political, cultural, and ideological changes in society; intra-

linguistic factors are conditioned, in particular, by the law of linguistic economy. Derivational trends in the field of Internet communication are characterized: trends towards internationalization and democratization. Productive word-building models and formants, of both foreign and native origin, have been identified. The social conditionality of all the considered neologisms is manifested not only in the choice of word-formation formants and models, but also in the nature of the source words naming actual, socially important realities characterizing new social relations. The researchers regard the manifestation of the linguo-creative personality of the authors of blogs and comments in the implementation of expressive-evaluative, and ludic functions of neologisms in Internet texts. The obtained results are important both for the theory of derivatology, neology, and Internet linguistics in general, and for lexicographic practice.

Keywords: the Russian language, word-building derivation, word-building types, word-building formants, blogs, Internet comments, e-media

Contribution: *Zhdanova E.A.* — Collecting material, verifying data, conducting research, creating a draft manuscript; *Ratsiburskaya L.V.* — Research, conceptualization, methodology, manuscript creation and editing, research management.

Conflict of interests. The authors declare that they have no conflict of interests.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

Article history: received: 12.02.2024; accepted: 25.04.2024.

For citation: Ratsiburskaya, L.V., & Zhdanova, E.A. (2024). Lexical and word-formation innovations in the Russian-language Internet communication: Productive word-formation models. *Russian Language Studies*, 22(3), 350–362. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362>

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-363-374

EDN: SINKNP

Научная статья

Прагматика верификаторов в свете активных процессов в дискурсе отечественных интернет-СМИ

О.С. Иссерс¹, Т.Б. Радбиль²¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Российская Федерация² Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

timur@radbil.ru

Аннотация. Рассмотрен лингвопрагматический потенциал маркеров верификации в дискурсе отечественных интернет-СМИ. Актуальность исследования связана с лингвистической и общегуманитарной значимостью выявления и интерпретации лингвопрагматических эффектов нестандартного употребления верификаторов как проявления активных процессов в русском языке. Цель исследования — анализ фактивных предикатов *выяснилось, установлено, подтвердилось, было доказано, стало известно* в контексте пропозициональной установки с точки зрения их роли в дискурсной реализации некооперативных коммуникативных стратегий в русской речи. Применяется методика лингвопрагматической интерпретации неузуальных коммуникативных стратегий, основанная на комплексной исследовательской процедуре описания активных процессов в русском языке, на методе когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных, а также на идеях и принципах зарубежной прикладной и «аффективной» прагматики. Материалом исследования явились языковые данные, извлеченные из газетного корпуса в составе Национального корпуса русского языка. Объем обследованного материала — около 200 контекстов употребления верификаторов. Описаны неоднозначные и внутренне противоречивые модели дискурсной реализации фактивных пропозициональных установок знания при пропозициях, не имеющих референции к достоверному и / или доказанному факту. Установлена связь подобных случаев с моделями языковой аномальности, обусловленными тем, что русскоязычный говорящий в норме не может иметь противоречивые интенции. Показано, что в данных случаях мы имеем дело с противоречием между пропозициональной установкой знания, полученного с достоверностью, и неопределенным содержанием пропозиции. Для прагматических аномалий, порожденных речевой реализацией верификаторов, установлен «конфликт модальностей» (достоверной и недостоверной, фактивной и гипотетической, знанием и предположением и пр.). Сделан вывод о связи подобных неузуальных употреблений маркеров верификации либо с осознанной установкой автора медиатекста на реализацию манипулятивной стратегии *de re*, либо просто с недостаточной языковой и коммуникативной компетенцией говорящего в рамках *bona fide* («добросовестного заблуждения»). Перспективы исследования связаны с расширением его эмпирической базы за счет включения дискурсных показателей истинности (*истинно, подлинно, действительно* и т.д.), а также за счет вовлечения в область исследования и других дискурсов активного воздействия (политический, рекламный, художественный и т.д.) в русском языке.

Ключевые слова: фактологические предикаты, показатели истинности, пропозициональная установка, конфликт модальностей, прагматические аномалии, актуальные тенденции, медиадискурс Интернета, корпусный анализ, русский язык

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Иссерс О.С., Радбиль Т.Б. — концепция исследования, сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста.

© Иссерс О.С., Радбиль Т.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

История статьи: поступила в редакцию 12.01.2024; принята к печати 16.03.2024.

Для цитирования: *Иссерс О.С., Радбиль Т.Б.* Прагматика верификаторов в свете активных процессов в дискурсе отечественных интернет-СМИ // *Русистика*. 2024. Т. 22. № 3. С. 363–374. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-363-374>

Введение

В новейшей междисциплинарной парадигме гуманитарного знания в числе наиболее востребованных исследовательских областей сегодня находится изучение активных процессов в русском языке (*Русский язык в интернет-коммуникации*, 2021). Эта сфера исследований сегодня значительно расширяется посредством включения в нее самых разнообразных дискурсивных практик, которые можно рассматривать как своего рода «лаборатории» языковых инноваций — зоны наиболее активного распространения «точек роста новых явлений» (Апресян, 1990). Прежде всего к таким зонам следует отнести медиадискурс, в котором как раз и фиксируются наиболее значимые изменения в мировоззренческих установках, ценностных приоритетах, речеповеденческих моделях социума, что отражено и в современных исследованиях по медиалингвистике (Дускаева, 2019; Цветова, 2020). С другой стороны, существенные преобразования на всех уровнях языковой системы и особенностях ее речевой реализации, вызванные специфическими условиями коммуникации, сегодня наблюдаются в коммуникативной среде Интернета, о чем свидетельствуют научные разработки в таком новом направлении научного поиска, как интернет-лингвистика (*Русский язык в интернет-коммуникации*, 2021; Facchinetti, 2021). Таким образом, вполне обоснованным выглядит наше обращение к такой специфической области бытования активных процессов в русском языке, как медиадискурс отечественных СМИ в его интернет-разновидности (Негрышев, 2020). При этом нас интересуют именно лингвопрагматические аспекты данных явлений в плане коммуникативно-прагматического или прагмастилистического анализа текста, как он представлен в работах (Black, 2006; Падучева, 2010; Scarantino, 2017).

Итак, сегодня достаточно полно изучены активные процессы в области лексики, словообразования и стилистики (*Русский язык начала XXI века...* 2014; Николина и др., 2020), в меньшей степени — в грамматике, еще в меньшей степени — в прагматике. А между тем именно прагмаориентированные инновационные явления могут стать наиболее показательными, потому что в них отражаются определенные симптоматичные изменения в интенциональной сфере говорящих, в их речевых стратегиях и тактиках, т.е. в том, что можно именовать совокупной коммуникативной средой современного социокультурного пространства (Иссерс, 2020; Ort & Ariel, 2021). «В коммуникативной среде СМИ отстаиваются, дезавуируются, оспариваются ценности тех или иных политических, общественных или культурных групп, да и сам дискурс масс медиа выступает как мощный инструмент не столько отражения, сколько формирования „ценностной модели мира“ в обществе, используя разнообразные средства языкового воздействия, в том числе манипулятивного типа» (Радбиль, 2021: 407).

Научный инструментарий когнитивно-дискурсивного подхода на основе анализа корпусных данных, разработанный в исследованиях (Чернявская, 2018; Радбиль, 2020), представляется нам надежной методологической основой для выявления и интерпретации самых разных прагматических эффектов, связанных в т.ч. с явлениями недобросовестной коммуникации, конфликтных или манипулятивных нарративных моделей в журналистских текстах, которые базируются именно на лингвопрагматических механизмах. В настоящей работе нас будет интересовать лишь один механизм подобного рода, а именно — неоднозначные и внутренне противоречивые модели дискурсивной реализации фактивных пропозициональных установок знания, так называемых «верификаторов» (типа *выяснилось, установлено, подтвердилось, было доказано, стало известно* и под.) при пропозициях, не имеющих референции к достоверному и / или доказанному факту. Контексты подобного рода в наших исследованиях именуется «репрезентативными контекстами» (Радбиль, 2021). Любопытные лингвопрагматические эффекты, возникающие в подобного рода употреблениях, на наш взгляд, весьма показательны в плане реализации специфических интенций авторов, в т.ч. некооперативного типа, которые, можно рассматривать как лингвопрагматические и / или нарративные аномалии в рамках разрабатываемой одним из авторов теории языковой аномальности (Радбиль, 2006).

Все изложенное выше позволяет нам сформулировать **цель исследования** — выявить и интерпретировать лингвопрагматические эффекты нестандартного употребления верификаторов в контексте пропозициональной установки в дискурсе отечественных интернет-медиа, а также определить их роль в дискурсивной реализации некооперативных коммуникативных стратегий.

Материалы и методы

В работе применяется исследовательская процедура лингвопрагматической интерпретации неузуальных коммуникативных стратегий, основанная на комплексной методике описания активных процессов в русском языке (Новые тенденции... 2016), методе когнитивно-дискурсивного анализа (Соколова, 2017) и анализа корпусных данных (Чернявская, 2018; Радбиль, 2020), технологии коммуникативно-прагматического исследования интернет-коммуникации (Иссерс, 2022), а также на идеях и принципах зарубежной прикладной и «аффективной» прагматики (Scarantino, 2017; Noveck, 2021).

Анализируются верификаторы (типа *выяснилось, установлено, подтвердилось, было доказано, стало известно* и под.) в роли пропозициональных установок при пропозициях, в которых ослаблена или элиминирована семантика события или факта; с синтаксической точки зрения, представленные модели имеют структуру сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительно-объектным.

Материалом исследования послужили языковые данные, извлеченные из газетного корпуса в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Объем обследованного материала — около 200 контекстов употребления указанных верификаторов.

Результаты

В нормальном, т.е. кооперативном использовании русского языка фактивные предикаты *выяснилось, установлено, подтвердилось, было доказано, стало известно* в роли пропозициональных установок используются при пропозициях, в которых содержится точное знание о событии или достоверно установленный факт.

Однако в нашем исследовании описаны неоднозначные и внутренне противоречивые модели дискурсной реализации фактивных пропозициональных установок знания при пропозициях, не имеющих референции к достоверному и / или доказанному факту.

Мы установили связь подобных случаев с моделями языковой аномальности, обусловленными тем, что русскоязычный говорящий в норме не может иметь противоречивые интенции. Для прагматических аномалий, порожденных речевой реализацией верификаторов, установлен «конфликт модальностей» (достоверной и недостоверной, фактивной и гипотетической, знанием и предположением и пр.).

Выявлены следующие разновидности «конфликта модальностей»:

(1) противоречие между семантикой пропозициональной установки, выражающей результат получения достоверного знания, и содержанием основной пропозиции, включающей неопределенные сведения о чем-либо; более сильная версия указанного «конфликта модальностей» возникает при употреблении в пропозиции субъективно-модального показателя недостоверности — частицы *якобы*;

(2) нарушение ограничения на пропозициональное содержание при фактивных предикатах, связанное с тем, что их употребление в роли пропозициональной установки некорректно по отношению к пропозициям, реферирующим к описанию физической реальности, гипотетической реальности или намерений других лиц;

(3) особенности содержания самих пропозиций при верификаторах в роли пропозициональной установки, связанные с отсутствием в них референции к реальным событиям или действительным фактам: это могут быть генерализованные суждения, гипотетические суждения, суждения, противоречащие здравому смыслу или нарушающие логику.

Описанные в работе типы «конфликта модальностей» могут быть обусловлены либо осознанной установкой автора русскоязычного медиатекста на реализацию манипулятивной стратегии *de re*, либо просто недостаточной языковой и коммуникативной компетенцией говорящего в рамках *bona fide* («добросовестного заблуждения»).

Обсуждение

В нормальных условиях русскоязычной коммуникации, которые основаны на принципах коммуникативного сотрудничества, т.е. согласованности вкладов участников коммуникации на каждом этапе ее разворачивания (Грайс, 1985; Падучева, 2010), верификаторы — предикаты с семантикой установления достоверного знания о реальности, употребляются в роли пропозицио-

нальной установки при пропозициях, которые имеют референцию к точным фактам или действительно совершившимся событиям, например:

*Однако вскоре **выяснилось**, что здание было построено с нарушением правил* (Парламентская газета, 2021.12.20);

*По результатам автотехнической судебной экспертизы **было установлено**, что действия водителя Mercedes не соответствовали ПДД, что стало причиной аварии* (Ведомости, 2021.12.10);

Теперь официально **подтвердилось**, что Грудинин в определенные законом сроки не уведомил российские фискальные органы о наличии у него 13 счетов в швейцарском банке (Московский комсомолец, 06.07.2018);

*Ранее, 22 ноября, **стало известно**, что кондитеры предупредили ритейлеров о скором увеличении цен на их продукцию ввиду удорожания сырья, упаковочных и горюче-смазочных материалов* (Ведомости, 2021.11.24);

*В суде **было доказано**, что фармацевт одной из аптек без рецепта поштучно продавала капсулы с лекарством, которое покупатели могли употреблять как наркотик* (Парламентская газета, 2019.02.05).

Однако в русской медиаречи в ряде случаев реализации специфических интенций авторов СМИ или просто некорректного ввода в дискурс модусного показателя имеет место ситуация, когда верификатор употребляется при пропозиции, не имеющей референции к установленному достоверно факту или в действительности происшедшему событию, например: *А потом **выяснилось**, что это **неизвестно кто*** (Коммерсант, 04.10.2010).

Нетрудно видеть, что здесь мы имеем дело с противоречием между пропозициональной установкой знания, полученного с достоверностью, и неопределенным содержанием пропозиции (*неизвестно кто*). В концепции языковой аномальности подобные случаи трактуются как языковые аномалии, связанные с тем, что говорящий в норме не может иметь противоречивые интенции (Апресян, 1990; Булыгина, Шмелев, 1997) (т.е. проще говоря, не может быть выяснено то, что не выяснено). Аномалии подобного рода трактуются как прагматические, потому что связаны с противоречием между модусом и диктумом, между пропозициональной установкой и пропозицией, между коммуникативным намерением и его реализацией в речевых практиках носителей русского языка. Такие явления мы трактуем как «конфликт модальностей» (достоверной и недостоверной, фактивной и гипотетической, знанием и предположением и пр.).

Первая разновидность «конфликта модальностей» в обследованном материале связана с противоречием между семантикой пропозициональной установки, выражающей результат получения достоверного знания, и содержанием основной пропозиции, содержащей неопределенные сведения о чем-либо: *Как **выяснилось**, остается **неопределенной** ситуация в вопросе объединения с Союзом правых сил* (Vesti.ru, 10.06.2006).

В нормальном логическом рассуждении достоверность выступает как снятие неопределенности. Здесь этого по тем или иным причинам не происходит: ***Выяснилось**, зачастую средства исчезают в **неизвестном** направлении* (Vesti.ru, 06.12.2012).

Справедливости ради надо отметить, что в последнем примере прагматическая аномальность ослабляется за счет тема-рематического членения. В част-

ности, в позиции ремы находится сегмент «в неизвестном направлении», значит, все выражение может интерпретироваться следующим образом: установленным фактом считается исчезновение средств (то, что в позиции темы, как известное), а не установлено лишь направление их утекания.

Более сильная версия указанного «конфликта модальностей» возникает в ситуации, когда в пропозиции употребляется субъективно-модальный показатель недостоверности — частица *якобы*: «*част.* Употребляется для обозначения предположительности высказывания, указывает на сомнение в его достоверности»¹:

На паспортном контроле выяснилось, что документы епископа якобы недействительны (Известия, 14.02.2019);

А потом выяснилось, что это якобы были совместные испытания системы ПРО, которые проводили США и Израиль (Комсомольская правда, 05.09.2013);

В ходе расследования было установлено десять эпизодов, когда пациенток якобы приковывали наручниками и не давали свободно передвигаться (Коммерсант, 13.04.2013);

Стало известно, что осенью 2017 года Терешин якобы был пойман за рулем в состоянии алкогольного опьянения (Известия, 01.02.2018).

Как видим, наиболее сильная версия данной модели прагматической аномалии возникает в контекстах, когда частица *якобы* распространяет предикат, т.е. характеризует ситуацию в целом, а не какой-то ее отдельный, рематически акцентированный фрагмент, например:

Однако спустя несколько месяцев выяснилось, что кредит якобы был предоставлен (Комсомольская правда, 01.03.2011);

Однако выяснилось, что финские законы якобы не позволяют создавать фонды в пользу интересов отдельного лица (Труд-7, 14.10.2005);

Было установлено, что он якобы бил не только Щербакова, но и других солдат (Lenta.ru, 22.03.2010);

Ранее стало известно, что Михаил Ефремов якобы не признал свою вину в смертельном ДТП (Vesti.ru, 03.07.2020).

В подобных случаях в русской речи возникает несколько странная ситуация, когда говорящий в пропозициональной установке сообщает, что то, о чем он намерен говорить дальше, является достоверным фактом, а в самой пропозиции дезавуирует это выражением сомнения в его достоверности: *Она была аннулирована в декабре 2019 года, когда выяснилось, что журналистка якобы занимается деятельностью, которая не соответствует заявленной цели поездки* (Vesti.ru, 31.01.2020).

Аномалии подобного рода, впрочем, также имеют потенциал рациональной переосмысливаемости и могут сниматься, если контекст однозначно указывает, что *якобы* является сигналом чужой точки зрения, несогласия с чужой позицией в режиме стратегии *de dicto* (Булыгина, Шмелев, 1997). В таких случаях в пропозициональной установке содержится указание на источник сообщения, не совпадающий с говорящим, например:

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. С–Я. 1988. 800 с.

Из источника в следственных органах стало известно, что похищение первого вице-президента «ЛУКОЙЛа» якобы было организовано по «казу сверху» (Аргументы и факты, 09.10.2002).

Вчера от наших источников стало известно, что один из подозреваемых, Олег Алимов, якобы отпущен из-под стражи (Комсомольская правда, 30.08.2007).

Наиболее очевидно это проявляется в режиме перволичного употребления: *Но стоило мне начать показывать результаты, как тут же выяснилось, что якобы у меня есть какие-то сверхъестественные преимущества* (Советский спорт, 13.08.2011).

Следующая разновидность «конфликта модальностей» в русской медиаречи связана с нарушением условий успешности Дж.Р. Серля, а именно — ограничения на пропозициональное содержание для речевых актов определенного типа (Серль, 1986). Так, известен философский тезис Х. Рейхенбаха о том, что нельзя иметь достоверного протокола о будущем. Иначе говоря, суждение о том, что в физической реальности произойдет в будущем, например: *«Завтра будет дождь»*, может иметь лишь вероятностный, но не достоверный характер. Таким образом, пропозициональная установка, выражающая установление достоверного факта, не может быть отнесена к пропозиции, чье содержание ориентировано в план будущего. Иначе говоря, модель *'Выяснилось / установлено / подтвердилось и под., что будет P.'* логически несостоятельна по отношению к высказываниям, реферирующим к описанию будущего состояния физической реальности.

Однако в нашем массиве примеров из русской медиаречи подобные высказывания встречаются в изобилии, например:

Выяснилось, что 32 процента участников вообще не будут употреблять алкогольные напитки на новогодние праздники (Парламентская газета, 28.12.2021);

Установлено, что во всех средах распространения будет обеспечено единство содержания телеканалов (Парламентская газета, 23.06.2021);

Ранее стало известно, что Центробанк будет выявлять и фиксировать недобросовестные практики в ходе проверок финансовых организаций (Парламентская газета, 15.11.2021).

Видимо, по сходным причинам нарушения ограничения на пропозициональное содержание прагматически аномальные пропозициональные установки верификации достоверного знания в норме не должны употребляться при пропозициях, описывающих намерения других лиц (нельзя точно установить чье-либо намерение, если этот кто-то его не сообщил), например: *Подтвердилось, что они [силы НАТО против сербов — прим. авторов] намерены применить силу* (Vesti.ru, 24.03.2009).

Аномалии подобного рода также рационально переосмысляются и снимаются, если пропозиция реферирует не к физической реальности, а к некой идеальной области:

– например, к сфере действия законов, должного, а не действительно существующего: *При этом установлено, что уполномоченные органы власти или охотхозяйства будут выдавать разрешения на охоту на конкретной территории на определённый срок* (Парламентская газета, 22.06.2021);

– или к сфере мыслимого, что может наступить при определенных условиях: **Установлено, что следователи СК смогут заниматься предварительным следствием по трем статьям Уголовного Кодекса в том случае, если они выявили эти преступления** (Парламентская газета, 12.07.2021).

Наконец, еще одна разновидность рассматриваемого прагмалингвистического эффекта «конфликта модальностей» в русском языке связана с определенными содержательными особенностями пропозиции, которая по тем или иным причинам не реферирует к реальным событиям или действительным фактам. Например, пропозиция может содержать генерализованное суждение, претендующее на статус некой «вечной истины», общечеловеческой значимости, обязательности для всех людей:

Заодно подтвердилось, что недостатки — гипертрофированное продолжение достоинств (Известия, 08.01.2002);

Уже раньше было доказано, что любовь —

это процесс химического свойства (Труд-7, 11.03.2010);

– или суждение, противоречащее здравому смыслу и практической логике:

Вот здесь-то в самой яркой степени и подтвердилось, что волшебники, действительно, живут среди нас («Іўеўскі край», 10.02.2012);

Здесь впервые в мире было доказано, что телепатия существует, что металлическая камера, экранирующая электромагнитные волны, экранирует и передачу мысли (Труд-7, 14.09.2000).

Аномальность подобной прагмалингвистической модели заключается в том, что в операционную сферу безусловного, достоверного знания включаются пропозиции гипотетического содержания, т.е. то, что еще только предстоит когда-либо узнать и доказать, например: **В процессе полета Полякова отработывались элементы будущего полета на Марс, было доказано, что человеческий организм способен его выдержать** (Известия, 26.10.2012).

Манипулятивность данных коммуникативных стратегий становится очевидной в случаях, когда под мощной защитой достоверного знания общечеловеческой истины находятся весьма спорные, во всяком случае далеко не безусловные положения, которые не могут быть восприняты «по умолчанию», а, напротив, еще только нуждаются в аргументации, например:

С тех пор много раз было доказано, что за сахаром никаких грехов нет (Аргументы и факты, 25.04.2001);

Было доказано, что сердцебиение коровы оказывает расслабляющее воздействие на человека (Lenta.ru, 22.10.2020);

Например, ранее было доказано, что зевота охлаждает мозг (Vesti.ru, 14.05.2012).

Манипулятивный механизм указанных моделей «конфликта модальностей» особенно ярко проявляется в контекстах, когда значение пропозициональной установки фиксации достоверного знания усиливается эксплицитными показателями безусловной истинности суждения, например, детерминантом **доподлинно**: **Доподлинно известно, что это будет скандал. // — Мы хотим до последнего момента сохранить интригу вокруг шоу** (Комсомольская правда, 17.04.2012).

В данном фрагменте оценочная характеристика события, да еще и отнесенная в план будущего, в принципе не может быть верифицирована, проверена на соответствие действительности, причем с эксплицитным интенсификатором сильной степени уверенности *доподлинно*.

Также посредством усилителя *доподлинно* может реализовываться манипулятивная стратегия «чтения в сердцах», когда говорящий с безусловной достоверностью устанавливает степень впечатления других людей от увиденного, т.е. то, что в принципе верифицировано быть не может, например: *Но доподлинно известно, что выставка потрясла зрителей...* (lenta.ru, 14.11.2019).

Особенно показательны в этом плане несколько странные употребления этой усиленной пропозициональной установки в контексте пропозиции, содержание которой, по меньшей мере, сомнительно или просто бессмысленно, а то и заведомо ложно:

Доподлинно известно, что великий художник питал пристрастие к темным силам и занимался магией (Комсомольская правда, 22.09.2005);

Чем заняться, когда доподлинно известно, что на Землю несетя огромный метеорит и конец света неизбежен? (Известия, 13.07.2012);

Как заявил представитель суда, им *доподлинно известно*, что Иисус Христос не является кандидатом ни от одной из политических партий (Lenta.ru, 16.05.2002).

Подобные коммуникативные стратегии авторов русскоязычного медиатекста, вне всякого сомнения, направлены на усиление воздействия на аудиторию, на создание экспрессии. Но при этом они имеют и все признаки манипулятивности: ведь адресат, посредством употребления говорящим пропозициональной установки удостоверенного и, значит, общеизвестного факта, целенаправленно лишается возможности оспорить сообщаемое. Действительно, нельзя же спорить с незыблемой объективной истиной, которая известна всем и каждому. За спиной у говорящего — мощная защита в лице всего человечества.

Заключение

В целом проведенное исследование еще раз обнаружило существенные прагмалингвистические возможности верификаторов в русской речи, которые в нормальном, кооперативном речевом общении, казалось бы, призваны служить лишь вспомогательными, чисто «техническими» дискурсными показателями, маркерами достоверности некоего суждения. Однако наш материал свидетельствует о том, что реально их функции в русской медиаречи Интернета гораздо разнообразнее и шире. В частности, верификаторы как фактивные пропозициональные установки, вводящие в круг рассмотрения установленную истину, подтвержденное знание, на самом деле зачастую выступают и в качестве механизмов уклонения от истины, искажения знания, т.е. не проясняют что-либо, как должны бы, а, напротив, запутывают.

Также следует отметить и значительный экспрессивный и воздейственный потенциал верификаторов, который эксплуатируется авторами в русской медиаречи в целях реализации манипулятивной стратегии *de re*, для внедрения

в сознание аудитории необщепринятых идей и ценностей, по тем или иным причинам отстаиваемых авторами. При этом в ряде случаев нельзя исключить и тот факт, что создатели медиатекстов просто некорректно оперируют арсеналом дискурсных средств русского языка в силу своей недостаточной языковой и коммуникативной компетенции.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica* : Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986) / под ред. Д.С. Лихачева. М. ; Л. : Наука, 1990. С. 50–71.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки русской культуры, 1997. 576 с.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике* : Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Дускаева Л.Р.* Векторы прагматического анализа в медиалингвистике // *Медиалингвистика*. 2019. № 6 (1). С. 4–18. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.101>
- Иссерс О.С.* Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий // *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7. № 2. С. 243–256. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(2\).243-256](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256)
- Иссерс О.С.* Дискурсивная самоидентификация россиян в игровых жанрах Рунета (на материале демотиваторов) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2022. № 79. С. 59–83. <https://doi.org/10.17223/19986645/79/4>
- Негрышев А.А.* Псевдосенсация в Интернете : опыт лингвистического описания // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2020. Т. 19. № 2. С. 43–53. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.4>
- Николина Н.А., Рацибурская Л.В., Фатхутдинова В.Г.* Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2020. Т. 19. № 2. С. 5–19. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.1>
- Новые тенденции в русском языке начала XXI века : монография / под ред. Л.В. Рацибурской.* 2-е изд. М. : Флинта; Наука, 2016. 304 с.
- Падучева Е.В.* Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
- Радбиль Т.Б.* Языковые аномалии в художественном тексте : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 496 с.
- Радбиль Т.Б.* «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт : когнитивно-дискурсивный аспект // *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).759-774](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774)
- Радбиль Т.Б.* «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе : опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ // *Медиалингвистика*. 2021. Т. 8. № 4. С. 406–420. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.407>
- Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты : монография / под ред. Л.В. Рацибурской.* М. : Флинта, 2021. 328 с.
- Русский язык начала XXI века : лексика, словообразование, грамматика, текст : монография / под ред. Л.В. Рацибурской.* Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
- Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике* : Вып. 17. Теория речевых актов : сб. научн. трудов / общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 170–194.
- Соколова О.В.* Когнитивный механизм и коммуникативные стратегии дискурсов активного воздействия // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2017. № 3. С. 19–30.
- Цветова Н.С.* Критика медиаречи как вектор развития медиалингвистики // *Медиалингвистика*. 2020. № 7. С. 280–292. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.301>

- Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.
- Black E. Pragmatic stylistics. Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd., 2006.
- Facchinetti R. News discourse and the dissemination of knowledge and perspective: From print and monomodal to digital and multisemiotic // Journal of Pragmatics. 2021. No. 175. Pp. 195–206. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.01.015>
- Noveck I. Review of Experimental Pragmatics : The Making of a Cognitive Science. Cambridge UK : Cambridge University Press, 2021.
- Orr Sh., Ariel M. Predicating Truth : An empirically based analysis // Journal of Pragmatics. 2021. Vol. 185. Pp. 131–145. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005>
- Scarantino A. How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics // Psychological Inquiry. 2017. Vol. 28. No. 2–3. Pp. 65–185. <https://doi.org/10.1080/1047840X.2017.1328951>

Сведения об авторах:

Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация, 644066, г. Омск, пр. Мира, д. 55. *Сфера научных интересов*: коммуникативистика, прагматика, теория языкового воздействия, медиалингвистика, интернет-лингвистика. Автор около 250 работ. ORCID: 0000-0003-4027-6346. SPIN-код: 2306-7778. E-mail: isserso@mail.ru

Радбиль Тимур Беньюминович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23. *Сфера научных интересов*: теория языка, когнитивная лингвистика, логический анализ языка, лингвокультурология, изучение языковой ментальности, прагматика, лингвопоэтика. Автор около 300 работ. ORCID: 0000-0002-7516-6705. WoS ResearcherID: AAO-6983-2020. Scopus AuthorID: 57210390493. SPIN-код: 2835-0370. E-mail: timur@radbil.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-363-374

EDN: SINKNP

Research article

Pragmatics of verifiers in the aspect of active processes in Russian Internet media discourse

Oxana S. Issers¹ , Timur B. Radbil²

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

² Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

 timur@radbil.ru

Abstract. The study discusses the linguo-pragmatic potential of verification markers in the discourse of Russian Internet media. The relevance of the study is conditioned by the linguistic and general humanitarian significance of identifying and interpreting the linguo-pragmatic effects of non-standard use of verifiers as a manifestation of active processes in the Russian language. The aim of the study is to analyze the factive predicates *выяснилось* ‘it was found out’, *установлено* ‘it was established’, *подтвердилось* ‘it was confirmed’, *было доказано* ‘it was proved’, *стало известно* ‘it became known’, etc. in the context of propositional attitudes and their role in the discursive implementation of non-cooperative communication strategies in Russian speech. The method of linguo-pragmatic interpretation of non-usual communicative strategies is used, based on a complex research procedure for describing active processes in the Russian language, on the method

of cognitive-discursive analysis of corpus data, as well as on the ideas and principles of foreign applied and “affective” pragmatics. The research material is language data from the newspaper subcorpus of the Russian National Corpus (200 contexts with verifiers). The study describes ambiguous and internally contradictory models of factual propositional knowledge attitudes and their discursive implementation in propositions that do not have a reference to a reliable and/or proven fact. A connection has been established between such cases and models of language anomaly, because a speaker normally cannot have contradictory intentions. It is shown that these cases contain a contradiction between the propositional knowledge attitude obtained with certainty and the uncertain content of the proposition. For pragmatic anomalies generated by verifiers, a “conflict of modalities” has been established (reliable and unreliable, factual and hypothetical, knowledge and assumption, etc.). It is concluded that such non-usual uses of verification markers are associated either with the intention of the media text author to implement a manipulative strategy *de re*, or just with the speaker’s insufficient linguistic and communicative competence within the framework of *bona fide*. The prospects for the study are in the expansion of its empirical base with discursive indicators of truth (*истинно* ‘truly’, *подлинно* ‘actually’, *действительно* ‘really’, etc.), as well as by involving other highly influential discourses (political, advertising, poetic, etc.).

Keywords: factual predicates, truth indicators, propositional attitude, conflict of modalities, pragmatic anomalies, actual tendencies, Internet media discourse, corpus analysis, the Russian language

Authors’ contribution: Issers O.S., Radbil T.B. — research concept, collection and processing of materials, analysis of the data obtained, writing the text.

Conflict of interests. The authors declare that they have no conflict of interests.

Finding. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number № 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

Article history: received: 12.01.2024; accepted: 16.03.2024.

For citation: Issers, O.S., & Radbil, T.B. (2024). Pragmatics of verifiers in the aspect of active processes in Russian Internet media discourse. *Russian Language Studies*, 22(3), 363–374. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-363-374>

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391

EDN: SMXPSU

Научная статья

Компрессия языковой формы в современной русской речи

Е.М. Маркова

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва, Российская Федерация
Экономический университет в Братиславе, Братислава, Словацкая Республика
✉ elena-m-m@mail.ru

Аннотация. Компрессивное словообразование является результатом активизации тенденции к экономии речевых усилий и, соответственно, экономии языковых средств, что делает актуальным его исследование. На лексическом уровне закон экономии реализуется в стяжении, усечении, семантической конденсации, т.е. процессах, основанных на сокращении, минимизации структур. Цель исследования — поиск и фиксация проявлений данной тенденции в современной русской речи, обобщение способов языковой компрессии как механизмов ее репрезентации, установление их универсальности и специфики русского языка в общеславянском контексте. Материалы исследования: интернет-ресурсы, словари неологизмов, национальный корпус русского языка, речь молодежи. Анализ материала проводился с использованием общенаучных методов: сбора соответствующего материала, наблюдения, анализа, систематизации, описания, интерпретации, и собственно лингвистических методов: словообразовательного, компонентного, контекстуального, сопоставительного анализа; структурно-семантического; моделирования производящей основы. Называя экстралингвистические и лингвистические причины активизации компрессивного словопроизводства в качестве важнейшего фактора, автор указывает на влияние английского языка, выступающего как в роли донора кратких лексических единиц, так и транслятора способов и механизмов деривации. Среди компрессивных явлений в современной речи рассмотрены заимствования, словосложения, композиты, клиппинги, деривация с нулевой аффиксацией, универбация, семантическая конденсация. Установлено, что в результате компрессии формы не только усиливается ее коммуникативная функция, но и, в силу прагматических возможностей компрессива, повышается его эмоционально-оценочная, а также релятивная функции. Сделан вывод об универсальном характере основных проявлений компрессии формы в современной русской речи и одновременном наличии в них ряда специфических черт, обусловленных национальной спецификой деривационной системы.

Ключевые слова: словообразование, стяжение, усечение, универбация, русский язык, универсалии, языковая специфика

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию: 05.02.2024; принята к печати 11.04.2024.

Для цитирования: Маркова Е.М. Компрессия языковой формы в современной русской речи // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 375–391. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391>

© Маркова Е.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Заимствование и словопроизводство — основные пути обогащения словарного запаса любого языка. Новые слова создаются из существующих элементов языка по продуктивным в языках моделям в результате действия частотных в каждом языке способов деривации. Изучение этих процессов предполагает выявление их универсализма и национального своеобразия.

Ускорение научно-технического прогресса и жизни в целом неизбежно приводит «к потребности в массовой номинации (создании новых названий), в совершенствовании существующих языковых форм в целях более полного удовлетворения потребностей коммуникации в новых условиях» (Плетнева, 2005: 105). Это ведет к компрессии коммуникативных средств, вызванной активизацией тенденции экономии речевых усилий и языковых средств. Действие закона экономии языковых средств признано лингвистами разных стран и направлений одной из движущих сил языковой динамики (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Г. Пауль, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба и др.). В соответствии с этим законом участники коммуникации стремятся к передаче максимального количества информации за минимальное время, что ведет к минимизации используемых средств языка. При таком подходе «экономия языковых средств» «выступает не как какое-то имманентное свойство языка, а как необходимое условие осуществления концентрирования информации в целях повышения эффективности общения» (Плетнева, 2005: 106). С этой точки зрения, определяющей функцией языка в действии рассматриваемого закона является коммуникативная.

Многие исследователи констатируют, что в последние три десятилетия возросло количество новых речевых единиц, образованных путем сокращения слов или словосочетаний при сохранении их значения (Нещименко, 2000; Děngeová, 2015 и др.). Формальное стяжение не является упрощением, «это способ упаковки информации, при котором формально более краткая единица становится способна выражать больший объем информации» (Норман, 2021: 88), «по сути дела, сгущение, уплотнение информации в единице текста» (Норман, 2021: 90).

Влияет на активизацию разного рода сокращений в языке не только все убыстряющийся темп жизни, но и массовое распространение мобильной связи и интернет-коммуникации. «Основные черты SMS-сообщения как жанра — краткость, сиюминутность и сильная зависимость от средства передачи информации — мобильного телефона, разрешающего лишь небольшой объем сообщения... Все эти черты, бесспорно, влияют на языковой облик текстовых сообщений. Как следствие, происходит трансформация процесса коммуникации и языка, обслуживающего эту сферу» (Володина, 2012: 54), что не может не сказаться на коммуникации в целом.

Нельзя обойти вниманием такой важный фактор продуцирования и функционирования кратких форм, как англоязычное влияние (Черчук, 2023; Шмидт, 2023; Furdík, 2005; Bozděchová, 2017 и др.). Повсеместное распространение английского языка с его лаконичностью, односложными словами, небогатым набором деривационных возможностей, тенденцией многократного использо-

вания одной формы в разных функциях воздействует на другие языки в плане внедрения в них своих лексем и способов их производства.

Говорить о языковых универсалиях или языковой специфике можно только на фоне другого (других) языков, поэтому нами привлекались для сравнения чешский и словацкий языки, наиболее стандартизированные из всех славянских языков в плане словообразования и исторически довольно «закрытые» в плане заимствований, в которых пуризм долгое время сдерживал их активное проникновение.

Цель исследования — выявить и зафиксировать проявления тенденции экономии языковых средств в современной русской речи, обобщить способы языковой компрессии как механизмы ее репрезентации, продемонстрировать их универсальный характер и специфические проявления в русском языке.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили интернет-ресурсы, словари неологизмов, национальные корпуса русского, чешского и словацкого языков¹, разговорная речь молодежи. При анализе материала использовались как общенаучные методы: сбор материала, наблюдение над ним, его анализ и систематизация, интерпретация, описание, так и собственно лингвистические: метод компонентного и контекстуального анализа (с целью установления семантико-прагматических характеристик лексических единиц); структурно-семантический метод (с целью выявления соотношения структуры и семантики); метод словообразовательного анализа (для определения моделей и способов образования неологизмов и их продуктивности); связанный с ним метод моделирования производящей основы; сопоставительный метод (с целью установления универсальности рассматриваемых явлений и национальной специфики русского языка).

Результаты исследования

На уровне лексики закон экономии речевых усилий и языковых средств проявляется в различных формах компрессии, основанных на минимизации, сокращении или сворачивании структур. Компрессивное словообразование предполагает образование единиц на основе сокращения первоначально более длинного слова, повторное использование языкового знака в новом значении, а также стяжение словосочетания, контаминацию слов в однословное наименование.

Среди экстралингвистических причин компрессионных процессов в сфере лексики можно отметить стремительные изменения в жизни общества, общение в чатах, влияние социальных сетей и других видов медиаресурсов, тяго-

¹ Национальный корпус русского языка: ruscorppora.ru (дата обращения 20.05.2024); Český národní korpus : <http://ucnk.ff.cuni.cz/index.php> ; <https://www.korpus.cz/biblio> (дата обращения 25.05.2024); База данных неологизмов чешского языка Neomat: <http://www.neologismy.cz/index.php> (дата обращения 28.05.2024); Slovenský národný korpus: <https://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения 26.05.2024).

тение к нестандартным формам общения, глобальное влияние английского языка, воздействующего на другие языки как в виде прямых заимствований, кратких и лаконичных, свойственных этому языку, так и путем экспорта англоязычных способов словообразования: конверсии, универбации, семантической конденсации. К лингвистическим причинам относятся внутренние законы развития языка: конкуренции и борьбы синонимических средств языка, выравнивания языковых структур; тенденция к аналитизму; потребность в ритме и др.

В настоящее время краткие англоязычные наименования, отражающие процессы экономической, научно-технической и связанной с ними языковой глобализации, активно пополняют лексиконы современных славянских языков, не только русского, всегда «открытого» для заимствований, но и чешского и словацкого, «предпочитавших» довольно долгое время свое чужому, и одна из целей этого явления — компрессивная, заключающаяся в замене исконного более длинного наименования на краткое англоязычное.

Вместе с тем номинативная деятельность человека заключается не только в фиксации его когнитивного опыта в новых лексических единицах, но и в отражении в них его эмоций и оценок, формирующих прагматическую составляющую лексических единиц. Компрессивная форма помогает решить и эту проблему, так как она обладает большим прагматическим зарядом. В результате компрессии формы не только усиливается коммуникативная функция языка, но и, в силу большего эмоционально-экспрессивного потенциала компрессива, повышаются и его оценочная и релятивная (воздействующая) функции, что тоже значимо для общения в наши дни.

Среди разновидностей компрессии в современной речи можно выделить такие явления, как английские заимствования (заменяющие собственные длинные или составные номинации), словосложения, композиты, клиппинги (усечения), деривацию с нулевой аффиксацией, универбацию, семантическую конденсацию. Новообразования с нулевой суффиксацией (то, что в русской школьной традиции принято именовать бессуффиксным способом словообразования), производство которых активизировалось в последнее время в рамках компрессивного словообразования, можно считать, по сути, явлением, близким английской конверсии.

Обсуждение

Во всех языках в результате ускорения темпа жизни возникло много новых сокращений, призванных передать наибольшую информацию за наименьшее время. К факторам, способствующим продуцированию и распространению компрессивов, несомненно, относятся общение в чатах, влияние социальных сетей и других видов медиаресурсов, тяготение к необычным формам общения, глобальное влияние английского языка. По справедливому утверждению исследователей современного русского языка, для выявления тенденций его развития «необходимо показать их [новых фактов — Е.М.] системный характер» (Иванова, Клушина, 2021: 371). В рамках данного исследования проведена систематизация словообразовательных новаций, представляющих собой разного рода компрессивные явления как проявления активизации тенденции к экономии речевых средств.

Компрессивная функция английских заимствований

В усилении названной тенденции велика роль английского языка, который тяготеет к лаконичности. «Для английского языка лаконичные, однословные лексические единицы, так называемые „four-letter words“, считаются исторически естественными... В силу этой структурной особенности английского языка многочисленные заимствованные из других языков лексические единицы подвергаются процессу усечения, ассимилируясь к однословной структуре английского слова» (Ищенко, 2020: 97). Английский язык характеризуется преобладанием односложных единиц, минимальным количеством средств выражения, поэтому при ассимиляции в английском языке заимствования подлежат сокращению. И эту тенденцию английский язык, в силу глобального характера его влияния в наши дни, транслирует в другие языки, включая русский.

Исходными единицами в процессе языковой компрессии могут выступать как отдельные знаменательные слова, как правило, длинные, так и словосочетания. «Закономерности образования сокращений неразрывно связаны не только со структурой конкретного языка, но и с развитием языка как общественного явления. Важнейшим формальным признаком сокращений является их фонетически или графически мотивированная связь с нередуцированными формами» (Северова, 2018: 151).

Англицизмы используются не только для номинации нового явления, но и для замены более длинного или составного славянского наименования на более компактное заимствованное. Многие исследователи констатируют, что одна из основных функций заимствований в наши дни — компрессивная (напр., Нещименко, 2000; Черчук, 2023; Bozděchová, 2017).

Так, активно используются в наши дни рус. *хайп* вместо *шумиха*, *повышенное внимание к чему-л.*; рус. *хайдайвинг* вместо *прыжки в воду с экстремальной высоты*; рус. *кринж* для выражения усиленного чувства стыда, *кринжовый* ‘очень стыдный’ и др. В разных языках функционируют английские по происхождению рус. *кэш* — чеш., слвц. *cash*, рус. *патч* — чеш., слвц. *patch* ‘пластинка с различным наполнением для кожи вокруг глаз’, рус. *онлайн* — чеш., слвц. *online* ‘дистанционно’, рус. *дедлайн* — чеш., слвц. *deadline* ‘крайний срок’, рус. *фрилансер* — чеш., слвц. *freelancer* ‘человек, работающий свободно, из дома’, рус. *кежуэл* — чеш., слвц. *casual* ‘повседневный стиль одежды’, рус. *чартер* — чеш., слвц. *charter / čarter* ‘перелет, который заказывает туроператор для перевозки туристов’, рус. *дресскод* — чеш. *dress code* ‘стиль одежды для определенных мероприятий’, рус. *фудкорт* — чеш. *food court* ‘зона питания в торговом центре’, рус. *фреш* — чеш., слвц. *fresh / freš* ‘свежевыжатый сок’, рус. *хакер* — чеш., слвц. *hacker* ‘компьютерный взломщик’, рус. *стартап* — чеш., слвц. *start-up* ‘только что запущенный проект’, рус. *спа* — чеш., слвц. *spa* ‘оздоровительные водные процедуры’, рус. *апгрейд* — чеш., слвц. *upgrade / apgrejď* ‘модернизация, обновление компьютера’ и др.

В молодежном жаргоне широко распространены такие краткие и выразительные заимствования, как рус. *чил* ‘отдых’ наряду с глаголом *чилить* ‘отдыхать’ — чеш. *čilit* ‘отдыхать’ (из англ. *to chill*), рус. *батл* — чеш. *battle*

‘битва’, рус. *пранк* — чеш. *prank* ‘розыгрыш’, рус. *сейл* — чеш. *sale* ‘распродажа’, рус. *пруф* — чеш. *proof* ‘доказательство’, рус. *войс* — чеш. *voice* ‘голосовое сообщение’, рус. *фри* — чеш. *free* ‘свободный’, рус. *бро* (сокращение от англ. *brother* ‘брат’) — русифицированный американский жаргонизм, ближайший по смыслу к русскому ‘братан’, ‘друг’ и др. Некоторые из перечисленных единиц молодежного жаргона перешли в общепотребительную лексику, встречаются в медиа-сфере, в бытовой сфере и проч. (Черчук, 2023: 92), например, рус. *вайб* — чеш. *vibe* ‘душевная атмосфера’, рус. *лук* — чеш. *look* ‘образ’, рус. *лайфхак* — чеш. *lifehack* ‘трюк, навык, новаторский метод’, рус. *локдаун* — чеш. *lockdown* ‘домашняя изоляция в связи с пандемией’ и др.

При этом иноязычная единица, осваиваясь в языке-реципиенте, встраивается в иную лексическую систему, «претерпевает системные изменения» (Шмидт, 2023: 55), приобретает новые грамматические и семантические признаки. Например, слово *вайб* (от англ. *vibe* ‘атмосфера’) получило не только лексико-грамматические характеристики абстрактного имени существительного мужского рода, но и синтагматические связи с прилагательными: «летний *вайб*», «осенний *вайб*». Существительное *маст-хэв* / *мастхэв* ‘вещь, которую нужно обязательно иметь’ (от англ. *mast have* ‘должен иметь’) получило все признаки этой части речи в соответствии с внутренними законами русского языка: род, число, способность изменяться по падежам. Много компактных слов заимствуется с целью номинации новых явлений в сфере моды, одежды во всех языках, напр., рус. *свитишот* — чеш., словц. *sweatshirt* ‘спортивный свитер с круглым вырезом, без молнии и карманов’, рус. *худи* — чеш., словц. *hoodie* ‘толстовка с капюшоном’, рус. *лонгслив* — чеш., словц. *long sleeve* ‘футболка с длинным рукавом’ и др.

Слов, созданных от английских основ или на базе словосочетаний, одним из компонентов которого является англицизм, много среди глагольной лексики. Как правило, при общности корней они имеют неодинаковые аффиксы в разных языках, напр., рус. *глобализировать* — чеш. *globalizovat*, рус. *гулить* ‘искать при помощи системы Google’ — словц. *googlovat* / *gúglovat*, рус. *геймить* ‘играть в интернет-игру’ — словц. *gamovat*, рус. *лайкать* ‘ставить лайки’ — словц. *likovat* / *lajkovat*.

Среди русской глагольной лексики тенденция к компрессии языковой формы проявляется и в постепенном сокращении стяженной единицы, выражающемся в предпочтительном использовании все более короткого суффикса. Если некоторое время тому назад в сфере глагольного образования активно использовался суффикс *-ова-*, а также *-нич-* в русском языке, то в настоящее время более продуктивным в нем становится суффикс *-и-*, а также *-а*. Так, вместо *шопинговать* ‘совершать шопинг’ в последнее время стали употреблять в русской речи более короткое слово *шопиться*, вместо *админничать* (‘выступать в роли администратора’ от сокращения *админ* ‘администратор’) — *админить*, с этим же суффиксом широко употребительны рус. *шипперить* — ‘быть поклонником, следить за развитием отношений двух людей, выставляющих их напоказ в интернете’, рус. *флексить* ‘хвастаться, демонстрировать возможности’, рус. *геймить* / *гамить* ‘играть в компьютерную игру’, рус. *флудить* ‘вести пустые разговоры, говорить не по теме’ (от англ. *flood* ‘наводнение’), рус. *харасить* ‘издеваться над кем-л., унижать, мучить’ (*to harass* ‘беспокоить,

тревожить'), рус. *кэнселить* 'демонстративно игнорировать кого-л.' (от англ. *to cancel* 'отменить'), рус. *шеймить* 'стыдить кого-л., часто незаслуженно' (от англ. *to shame* 'стыдить, срамить'), рус. *троллить* 'издеваться' (от англ. *to troll* 'ловить на блесну'), рус. *селфиться* 'снимать самому себя на фото, делать селфи', рус. *спойлерить* 'портить впечатление' (от англ. *to spoil* 'портить'), рус. *хейтить* 'ненавидеть' (от англ. *to hate*) и др. В результате конкуренции суффиксов побеждает более короткий, компактный и удобный формант.

Известны в молодежной среде и некоторые специфические глаголы, связанные лишь в самом общем смысле с англоязычным источником и компактно вербализующие целую ситуацию, напр., рус. *аскать* 'просить деньги у прохожих на улице, часто исполняя рок-музыку под гитару' (от англ. *ask* 'просить, спрашивать'); рус. *войсить* 'записывать голосовые сообщения' (от англ. *voice* 'голос'); рус. *стримить* 'вести прямую трансляцию' (от англ. *stream* 'течение, поток'). Как видим, все они имеют ярко выраженную смысловую специфику в языке-реципиенте.

По мнению ряда ученых, влияние английского языка на русский язык (равно как и на другие славянские языки) привело к усилению тенденции к аналитизму в них (Маршева, 2004: 49; Петрухина, 2010: 424). Увеличивается количество иноязычных элементов, выступающих в русском языке в роли аффиксоида (напр. *бизнес*, *арт* и др.), в последнее время стали популярными префиксоиды *кибер-*, *крипто-* (Рацибурская, Жданова, 2021: 474). Появилось много новообразований и с несклоняемыми неадаптированными прилагательными типа рус. *онлайн-обучение*, *онлайн-курс* наряду с *обучение онлайн*, *курс онлайн* и т.п.

Влияние способов английского словопроизводства на неодеривацию в русском языке

Если говорить о продуктивности современных способов словопроизводства, то в английском интернет-сленге наиболее частотными способами неодеривации считаются аффиксация, словосложение и конверсия. В русском интернет-общении, по мнению его исследователей, также преобладают случаи аффиксации и словосложения (Лимарова, Сон, 2018), однако недооценивается, на наш взгляд, влияние конверсии как продуктивного способа деривации в английском языке на русское словопроизводство.

Термин «конверсия» как способ образования новых единиц впервые в российской лингвистике был описан А.И. Смирницким: «Конверсия есть такой способ словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова» (Смирницкий, 1953: 24). По мнению исследователей, «конверсионное словообразование встречается во многих языках, но в английском языке оно имеет особенно широкое распространение, что объясняется существованием небольшого количества производительных флексий частей речи» (Малинина, 2011: 21–23).

Благодаря конверсивному словопроизводству английский язык пополнился многочисленными новообразованиями: так, большинство французских глаголов, заимствованных в английский язык, имеют соотносимые с ними конверсионно существительные: *to catch* 'ловить; хватать' — *a catch* 'поимка; добыча, улов', *to turn* 'поворачиваться' — *a turn* 'поворот' и т.п.

В русском языке конверсия больше известна как морфолого-синтаксический способ словообразования, или переход из одной части речи в другую (см. напр., Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова и др.). Исходя из традиционного ее понимания в отечественной лингвистике и относя к ее разновидностям только субстантивацию, адвербиализацию и т.п., исследователи отрицают наличие случаев конверсии в русском интернет-сленге. Однако нам представляется, что образование пар типа: рус. *спам* ‘рассылка рекламных писем’ — *спамить* ‘рассылать рекламные письма’, *флуд* ‘малосодержательное объемное сообщение’ — *флудить* ‘писать большое сообщение не по теме’, *пост* ‘текст на электронных ресурсах’ — *постить* ‘размещать текст на электронных ресурсах’, *хейт* ‘проявление ненависти к творчеству или деятельности кого-л.’ — *хейтить* ‘проявлять ненависть’, *джоб* ‘работа’ — *дзобать* ‘работать’ и т.п. — спровоцировано воздействием конверсивного способа словопроизводства в английском языке (с соответствующим оформлением глагольной леммы по законам русского словообразования). По наблюдениям исследователей, «для современного английского языка характерен способ образования существительных путем конверсии из глагола с послелогом типа a start-up ‘запуск проекта’ (из to start up ‘появляться, запускать’)» (Малинина, 2011: 21–23), подобные соотносительные пары легко экспроприируются другими языками, однако с учетом национальной специфики. В частности, в русском языке конечное звено английской деривационной цепочки — имя существительное — становится начальным звеном для образования соотносительного глагола: *стартап* — *стартапить*.

Словосложения как разновидность компрессивов

В образовании и использовании сложных слов, композитов и квазикомпозитов также находит проявление тенденция к языковой экономии.

Велика роль аббревиации среди различных способов стяжения словосочетаний, не только двусоставных, но и многокомпонентных. Активны в средствах массовой информации, в обыденной речи аббревиатуры: *СМИ*, *МКАД*, *НАТО*, *ООН*, *VIP*, *СВО*, *СМС*, *ОБСЕ*, *ЕС*, *IT*, *PR* и мн.др. Некоторые из них, адаптируясь, начинают продуцировать производные, образуют словообразовательные гнезда. Так, от *МКАД* был образован универбат *замкадье* (← ‘территория за МКАД, за пределами Москвы, как правило, густонаселенная приезжими, мигрантами’), откуда *замкадовцы*. Постепенно ассимилируясь в русском языковом пространстве, аббревиатура *VIP* создала широкую сеть композитов (*VIP-клиент*, *VIP-обслуживание*, *VIP-зал*, *VIP-зона*, *VIP-места* и т.д.), а затем начала функционировать в качестве самостоятельного существительного со свойственными ему грамматическими характеристиками, постепенно «обрастая» дериватами: *вип*, *випы*, *виповский* и др. Подобно этому самостоятельным субстантивом стала и аббревиатура *PR*, образовав обширное словообразовательное гнездо: *пиар*, *антипиар*, *самопиар*, *пиарицик*, *пиаровский*, *пиариться*, *распиарить*, *пропиарить*, *распиаренный* и др.

«Интернет-коммуникация выработала собственные аббревиатуры, понятные пользователям Сети: *кмк* (как мне кажется), *имхо* (по моему скромному мнению), *ЗЫ* (*PS*, *постскриптум*) и т.д.» (Иванова, Клушина, 2021: 374).

В большом количестве наблюдаются и так называемые квазикомпозиты. Исследователи отмечают случаи возникновения в языках под влиянием английского новых слов-псевдоанглицизмов (Клобуков, Гудилова, 2001), даже целых моделей, которых нет в английском языке, но которые помогают компактно номинировать какие-либо явления, напр., с элементом *-ман* — для компактной номинации людей, пристрастившихся к чему-либо, имеющих какую-либо зависимость: *наркоман* ‘человек, потребляющий наркотики’, *гаджетоман* ‘любитель приобретать технические новинки’, *игроман* ‘любитель компьютерных игр’, *интернетоман* ‘сидящий все время в интернете’, *кофеман* ‘любитель кофе’ и др., в чешском языке возникло даже *vajíčkomán* (от чеш. *vajíčko* ‘яичко’) ‘любитель бросать яйца в политиков для выражения к ним отрицательного отношения’.

Клиппинги (усечения)

К компрессивным явлениям относятся и сокращения, усечения слов (чаще всего существительных), замена длинного суффикса на более короткий или его элиминация. Это явление получило название *клиппинг* (от англ. *clipping* ‘отсечение, обрезание’, англ. *clip* ‘отсекать, обрезать’). «В англоязычной и немецкоязычной коммуникации, как правило, усекается финальная часть слова (*exam* — *examination*, *add* — *address*, *celeb* — *celebrity*, *gym* — *gymnasium*, *doc* — *doctor*, *info* — *information*, *bro* — *brother*, *demo* — *demonstration*, *auto* — *automobil*, *foto* — *fotografie*), и такие усечения называют конечными» (Володина, 2012: 55). Большинство из них известны также в русском и в других славянских языках (Šimandl, 2013). В русской интернет-коммуникации активно функционируют и собственные сокращения: *мне нра* (вместо *мне нравится*), *Спсб* (вместо *спасибо*), *прив* (от *привет*), *спок* (от *спокойной ночи*) (примеры: Иванова, Клушина 2021: 374).

Описанная тенденция находит широкую реализацию в современном русском языке (Николина, 2021), в частности, в виде образования сокращенных субстантивов, нередко осложненных суффиксацией: рус. *объява* (← *объявление*), *отмыв* (← *отмывание*), *профи* (← *профессионал*), *инфо* (← *информация*), *комп* (← *компьютер*), *коммент* (← *комментарий*), *игнор* (← *игнорирование*), *контрнаступ* (← *контрнаступление*), *фото / фотка* (← *фотография*), *ревак* (← *ревакцинация*), *рега* (← *регистрация*), *варик* (← *вариант*), *диста* (← *дистанционное обучение*) и т.п. Встречаются примеры функционирования усечений и от прилагательных: рус. *жесть* ‘нечто жестокое, неприятное, тяжелое, страшное’, *глянец* ← *глянцевый журнал*, *плазма* ← *плазменный телевизор*. В случае с образованием субстантива на основе прилагательного «определяющее словосочетание превращается в однословную номинацию, совпадающую с основой слова-определения» (Норман, 2021: 88).

Близкой клиппингу является деривация с нулевой аффиксацией. Бессуффиксный способ образования существительных от глаголов в целом характерен для славянского словообразования, и тому можно привести множество примеров. «Различия по славянским языкам в использовании данного способа издавна были связаны прежде всего с тем, на базе каких глаголов осуществляется подобное словопроизводство: приставочных или бесприставочных»

(Маркова, 2012: 320). В чешском и словацком языках подобные короткие существительные чаще всего образуются от приставочных глаголов, напр., чеш., словц. *lov* ‘охота’ от *lovit* ‘ловить, охотиться’, чеш. *kiks* от глагола *kiksnout* ‘проколоться’, словц. *hrýz* ‘укус’ от глагола *hrýzt* ‘грызть, кусать (яблоко)’ (популярным сейчас в Словакии является плакат, рекламирующий фастфуд, с надписью: *Láska na prvý hrýz* ‘Любовь с первого укуса’) и др.

В русском языке продуктивным было всегда образование подобных номинантов от приставочных глаголов, о чем свидетельствуют и современные дериваты: *наезд* ‘претензия’ (от глагола *наезжать*), *прикид* ‘одежда’ (от глагола *прикинуться* ‘одеться’), *замот* ‘многочисленные дела’ (от глагола *замотаться*), *обвал* ‘падение’ (от глагола *обвалиться*, не только в значении стихийного бедствия, но и финансового явления), *прокол* ‘неудача’ (от глагола *проколоться* ‘попасться на чем-л.’), *прикол* ‘шутка’ (от глагола *приколоться* ‘пошутить’), его синоним *отжиг* (от глагола *отжигать*), *прорыв* ‘разрушение препятствия на пути к чему-л.’ (от глагола *прорваться*), *перекос* ‘нарушения в работе’ (от глагола *перекосить* в значении ‘нарушить’), отадъективное *беспредел* во вторичном значении ‘беззаконное действие или положение дел’ (от прилагательного *беспредельный* в значении ‘не ограниченный какими-л. законами’) и т.п.

Повышенную продуктивность подобного способа деривации в последнее время в русском и других славянских языках можно объяснить и воздействием перечисленных выше факторов, в т.ч. и влиянием английского словопроизводства, приоритетности в нем конверсивного, не опосредованного какими-либо формантами, способа.

Универбация в аспекте компрессионного словопроизводства

К явлениям компрессии лексико-синтаксического характера относится универбация, сутью которой является образование однословного наименования на базе словосочетания, сопровождаемое семантической конденсацией и оформленное чаще всего с помощью суффикса (Янко-Триницкая, 2001; Устищенко, 2007; Дозорова, 2015 и др.). При этом один из компонентов словосочетания становится производящей основой для производного слова, а другой компонент элиминируется. Универбация — «тенденция, заключающаяся в том, что цельный, не расчлененный на отдельные составляющие объект и обозначаться должен «цельно», нерасчлененно, а не сочетанием слов» (Дьяков, 2015: 310). Большинство лингвистов рассматривают в качестве результата универбации только имена существительные, и таких примеров очень много², причем они все время пополняются новым материалом: в связи с распространением коронавирусной инфекции возникли такие неодериваты, как *побочка* ← *побочный эффект*, *удаленка* ← *удаленная работа*, *иммунка* ← *иммунная система*, *дистанционка* ← *дистанционная работа*, *атипичка* ← *атипичная пневмония*, последние события породили универбаты *беспилотник* (от *беспилотное устройство*), *населенник* (от *населенный пункт*) и др.

² См. словарь Клименко Г.В., Маркова Е.М. Словарь универбатов современного русского языка. М. : Прометей, 2019.

При этом в разных языках новообразования различаются суффиксальными приоритетами: в русском языке наиболее типичны для универбатов суффиксы *-к(а)-*, *-ик-*, *-ник-* (см. примеры выше, а также рус. *айтишник* ← *специалист по ИТ*), за редким исключением другие суффиксы, напр. *-як-*, *-ух-*: *головняк* ‘неприятность, затруднение, лишняя забота’ (из сочетания *головная боль*), *заказуха* (из *заказное дело*). В чешском продуктивны суффиксы *-ák*, *-ář/ař*, *-áč*, напр.: чеш. *ajťák* ‘специалист по ИТ, айтишник’, чеш. *kovid’ák / covid’ák* ‘заболевший ковидом’, чеш. *popkornář* ‘любитель попкорна при просмотре легких фильмов’, чеш. *selfičkář/ař* ‘любитель делать селфи’, чеш. *sekáč* ‘секонд хенд’ (рус. вариант *сеушка*) и т.д. (примеры из: Nekula, 2017).

Наиболее частотными суффиксами словацких универбатов являются *-ák* и *-к(а)*, что свидетельствует о некотором промежуточном положении словацкого языка между чешским и русским в плане использования словообразовательных средств, сопровождающих стяжение: *symfoňák* ‘симфонический оркестр’, *vodičák* ‘водительские права’ (из *vodičský preukaz*); *poist’ovák* ‘страховой агент’ (из *poist’ovací agent*); *dopravák* ‘полицейский на дороге, гаишник’ (*dopravný policajt*), *automobilka* ‘автомобильная фирма’, *zjazdovka* ‘лыжный склон’, *osudovka* ‘роковая любовь’ (из слвц. *osudná laska*), *digitálky* ‘цифровые часы’ (из *digitálne hodinky*); *prezenčka* ‘список присутствующих’ (из *prezenčná listina*); *prijímačky* ‘вступительные экзамены’ (*prijímacie skúšky*) и многие другие (примеры из: Palkova, 2018; Norecký et al., 1989: 300–301; Маркова, Григорянова, 2016).

Встречаются и случаи полного совпадения по форме и значению русских и словацких универбатов, напр., рус. *кредитка* — слвц. *kreditka* ‘кредитная карточка’; рус. *лаковки* — слвц. *lakovky* ‘лакированные туфли’. Но чаще таким образом возникают межъязыковые омонимы — изоморфные лексемы с разной семантикой: рус. *боксерки* ‘боксерские ботинки’ — слвц. *boxérky* ‘мужское нижнее белье’; рус. уст. *вечерка* ‘вечерняя газета’ — слвц. *večierka* ‘ночной продуктовый магазин’; рус. *электронка* ‘электронная почта’ — слвц. *elektrónka* ‘электронная лампа’; рус. *социалка* ‘социальные услуги’, ‘социальное пособие’ — слвц. *sociálka* ‘центр социального обеспечения’. Таким образом, универбация является одним из источников образования межславянских омонимов.

В сферу универбации вовлекаются и глагольно-именные сочетания, результатом стяжения которых становятся однословные глагольные наименования, образованные «путём аффиксальной деривации от прямого или косвенного дополнения в глагольном словосочетании» (Романов, 2015: 117–118). Хотя глагольная универбация признается не всеми лингвистами, но по сути она ничем не отличается от именной. «Универбализованная глагольная номинация позволяет объективировать целую ситуацию, причём отразить её часто в динамике, в компактной языковой форме запечатлеть процесс, выразив при этом субъективное отношение говорящего к нему» (Маркова, 2023: 63), например: *кэшбэчить* (← *получать кэшбэк*) (напр., в рекламе МТС: «Кэшбэч во всем!»), *мониторить* (← *проводить мониторинг*), *шашлычить* (← *делать шашлыки*), *жюриить* (← *работать в жюри*), *премьерить* (← *ставить премьеру*), *пенсионерить* (← *быть пенсионером, проводить время на пенсии*), *засувенирить* (← *взять что-л. из отеля в качестве сувенира*), *волонтерить*

(← *быть волонтером*), *карантинить* (← *сидеть на карантине*), *ковидеть* (← *болеть ковидом*), *стрессовать* (← *испытывать стресс*), *блондинничать* (← *включать блондинку*, т.е. ‘глупить, тупить’, ‘медленно соображать’), *закошмарить* (← *ввести человека в состояние кошмара*), *паутинить* (← *набрасывать паутину*, т.е. ‘темнить, давать ложную или запутанную, непонятную информацию’) и т.п.

Этот способ глагольного словообразования получил в последние годы большое распространение в русском языке. Популярными в политической, журналистской среде, языке рекламы стали глагольные универбаты *финализировать* (← *осуществлять финал*), *педалировать* ‘ускорять’ (← *нажимать на педаль газа*) (Маркова, 2023). В качестве новых окказиональных глагольных дериватов можно привести глагол *гельментироваться* (← *проникнуть подобно гельментам*, ср. «Гельментировались внутрь правительственной элиты»), а также *спецоперироваться* (← *участвовать в спецоперации*) и др.

Национальная специфика может проявить себя в том, что объективация какого-л. действия в разных языках может происходить при помощи разных лексем, отражающих разный способ его осуществления. Так, используемый в русской речевой среде глагол *галкнуть* (← *поставить галочку в анкете*) имеет смысловой и деривационный эквивалент *zakružkovat'* (← *обвести кружком*) в словацком языке, так как «в словацкой культуре принято обводить «кружком» выбранный в каком-либо перечне элемент» (Маркова, 2023: 67).

Семантическая конденсация как проявление компрессии

Семантическую конденсацию, т.е. вторичное использование языкового знака с другим, переосмысленным, значением, также можно отнести к явлениям языковой компрессии. Активизация этого способа словопроизводства в наши дни происходит опять-таки не без влияния английского языка, который предпочитает обходиться без использования деривационных средств в силу их ограниченного состава.

Не повторяя материал других исследователей (напр., Иванова, Клушина, 2021; Шмидт, 2023 и др.), приведем некоторые примеры семантических новаций. Новое значение приобрело в период пандемии коронавируса рус. *бустер* (чеш., словц. *booster* — ‘дополнительная доза вакцины’). Появились в молодежном общении и новые, метафорические, значения у русского универбата *токсик* [← уст. 1) ‘токсичное вещество’; 2) ‘человек, принимающий токсичные вещества, токсикоман’]; совр. 1) неодобр. ‘токсичный человек: человек, вызывающий раздражение, неприятный, морально истощающий собеседника’; 2) неодобр. ‘что-то неприятное, неинтересное (фильм, мероприятия, лекции)'] (Дмитриева, 2024: 20). В связи с популярностью скандинавской ходьбы слово *ходок*, наряду с известными значениями ‘проситель’ («Ходоки у Ленина») и ‘мужчина, любящий ходить налево’ («Да ты ходок!»), получило значение ‘тот, кто ходит с палками’ («Такие палки подойдут для всех *ходков*»). Иногда, чаще всего с целью языковой игры, сочетаются разные способы компрессии формы и семантики, как в случае со словом *рубанок* ‘человек, легко *врубающийся* во что-л., быстро соображающий’, имеющим отношение

не только к глаголу *врубаться*, известному в сленге в значении ‘понимать, схватывать, соображать’, но и к повторному использованию существительного *рубанок*, первичное значение которого — ‘режущий инструмент’.

Заключение

Рассмотренный материал демонстрирует растущую продуктивность и разнообразие компрессионных способов словопроизводства, вызванных к жизни усилением тенденции к минимизации языковых усилий и языковой продукции. Во многом рост компрессивов связан не только с ускоряющимся темпом жизни, но и с глобальным влиянием английского языка: его односложных лексем, заимствуемых вместо собственных составных или описательных наименований, предпочтительных способов словообразования (конверсия, универбация, словосложение), деривационных тенденций (тенденцией к клиппингу, усечению, стяжению). В проникновении неодериватов в повседневную речь значительную роль играют средства массовой информации, интернет-общение, мобильная связь с их повышенной информативностью, стремлением выразить с помощью минимума средств максимум содержания, включив в него и свое отношение к сообщаемому.

Компрессия средств общения в эпоху ускорения ритма жизни является универсальным явлением, о чем свидетельствуют сравнения русских компрессивов с их славянскими вариантами. Анализ основных проявлений этого процесса в русском языке дает основание говорить о нем как одном из ведущих механизмов современного русского словопроизводства и одновременно, благодаря сравнительному славянскому материалу, как о важном факторе языковой конвергенции славянских языков. Исследование особенностей словопроизводства современной русской речи на фоне других славянских языков помогает выявить универсализм (всеобщий характер компрессивного словообразования в разных его формах) и специфику рассматриваемых неологических процессов (в использовании деривационных формантов, характере производящей основы, формировании смысловой структуры неодеривата), осознать явления, происходящие в современном русском языке, в русле развития общеславянского языкового единства.

Список литературы

- Володина К.А. Словообразовательные средства, реализующие принцип экономии в рамках англоязычного и немецкоязычного текстинга // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2012. № 6. С. 54–57.
- Дмитриева С.О. Динамика молодежного сленгового лексикона : лингвосоциокультурологический и лексикографический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2024. 24 с.
- Дозорова Д. Тематические сферы употребления универбатов в современной русской речи // Вестник МГОУ. 2015. № 1. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2015-1-1030>
- Дьяков А.И. Статика и динамика англицизмов в системе русского языка : многоаспектное лингвистическое моделирование : дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2015. 444 с.
- Иванова М.В., Клушина Н.И. Русский язык в современном интернет-пространстве : динамические процессы и тенденции развития // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 367–382. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382>

- Иценко И.Г.* Компрессивное словообразование в современном английском языке // Вестник АмГУ. 2020. № 90. С. 96–100.
- Клобуков Е.В., Гудилова С.В.* Языковая специфика непроемких сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 20. М. : МАКС Пресс, 2001. С. 12–25.
- Лимарова Е.В., Сон Л.П.* Интернет-сленг : словообразовательные процессы (на материале английского и русского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 4. С. 111–119.
- Малинина И.А.* Конверсионное образование новых лексических единиц // Молодой ученый. 2011. Т. 2. № 10. С. 21–23.
- Маркова Е.М.* Глагольная универбация как одна из современных деривационных тенденций // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 1. С. 61–71. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1\(6\)-61-71](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1(6)-61-71)
- Маркова Е.М.* Закон экономии языковых средств в аспекте языковой конвергенции современных славянских языков // Рациональное и эмоциональное в русском языке : межд. сб. научн. трудов. М. : МГОУ, 2012. С. 318–322.
- Маркова Е.М., Григорянова Т.* Динамические аспекты лексики современных славянских языков. Врно : Tribun EU, 2016. 187 с.
- Маршева Л.И.* Тенденции к аналитизму, или предпосылки? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2004. № 2. С. 49–59.
- Нещипенко Г.П.* Словообразование разговорного языка в свете тенденции языковой экономии (на материале русского и чешского языков) // Wortbildung : interaktiv im Sprachsystem : Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim internationalen Slawistenkomitee. Innsbruck, 2000. С. 253–270.
- Николина Н.А.* Типы дериватов-усечений в современной русской речи // Русский язык в школе. 2021. № 3. С. 69–74. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-3-69-74>
- Норман Б.Ю.* О семантико-синтаксическом стяжении, или Что мы имеем в виду, когда не говорим что-то вслух? // Русский язык в школе. 2021. № 1. С. 86–91. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-1-86-91>
- Петрухина Е.В.* Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. М. : Филол. факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 424–443.
- Плетнева Н.В.* О причинах образования сокращенных лексических единиц // Текст в культурно-историческом контексте : сб. науч. тр. Екатеринбург : Урал. унт-т, 2005. С. 104–108.
- Рацибурская Л.В., Жданова Е.А.* Специфика русских медийных новообразований в отражении социальных реалий // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 446–480. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480>
- Романов Ю.А.* Универбация на основе глагольных словосочетаний в английском и русском языках // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія. Філологія. 2015. Т. 18. № 2. С. 117–120.
- Северова Н.В.* Сокращения как продуктивный путь пополнения вокабуляра современных языков // Вестник Донецкого педагогического института. 2018. № 4. С. 149–155.
- Смирницкий А.И.* Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностранные языки в школе. 1953. № 5. С. 21–31.
- Устименко И.А.* Явление семантической конденсации в русском словообразовании : пособие к спецкурсу «Актуальные проблемы современного словообразования». Белгород : БелГУ, 2007. 130 с.
- Черчук О.И.* Заимствования в современном чешском языке : дис. ... канд. филол. наук. М. : МГУ, 2023. 227 с.
- Шмидт Е.С.* Новые заимствования как элементы лексики русского языка: системный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 53–59. <https://doi.org/10.17223/15617793/494/6>
- Янко-Триницкая Н.А.* Словообразование в современном русском языке. М. : Индрик, 2001. 503 с.
- Bozděchová I.* Anglicismy v českém lexiku // Nový encyklopedický slovník češtiny / P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. 2017. URL : <https://www.czechency.org/slovník/ANGLICISMY%20V%20ČESKÉM%20LEXIKU>

- Děngeová Z. Internet a nová slovesná pojmenování // Proměna jazyka a jeho výzkumu v době nových médií a technologií / eds. Děngeová Z, Vališová P. Praha : Ústav pro jazyk český, 2015. S. 67–71. URL : <http://www.ujc.cas.cz/miranda2/export/sitesavcr/ujc/sys/galerie-download/sbornik/brling>
- Furdík J. Integračné procesy pri lexikálnych prevzatiach // Život so slovotvorbou a lexikológiou. Košice : Vydavateľstvo LG. 2005. S. 373–380.
- Horecký J., Buzássyová K., Bosák J. a kol. Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. 1. vyd. Bratislava : VEDA, 1989. 436 s.
- Nekula M. Adaptace výpůjček // Nový encyklopedický slovník češtiny / Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. 2017. URL : <https://www.czechency.org/slovník>
- Palková L. Univerbizácia v slovenčine. Prešov : FF PU v Prešove, 2018. 249 s.
- Šimandl J. Mechanické kráčení a mechanické skládání ; blending // Blagoeva D., Kolkovska S., Lišková M. Problemi na neologijata v slavjanskite ezici. Vol. 6. Sofija : Akademično izdatelstvo «Prof. Marin Drinov», 2013. S. 109–119. URL: <http://lexiko.ujc.cas.cz/index.php?page=14&idStudie=48>

Сведения об авторе:

Маркова Елена Михайловна, доктор филологических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры русского языка как иностранного, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Российская Федерация, 119071, г. Москва, ул. Малая Калужская, д. 1; профессор кафедры романских и славянских языков факультета прикладных языков, Экономический университет в г. Братиславе, Словацкая Республика, 85235, г. Братислава, ул. Дольноземска, д. 1. *Научные интересы:* сопоставительная славянская лексикология, словообразование, методика преподавания РКИ, лингвокультурология, тенденции развития современного русского языка. ORCID: 0000-0001-6620-1567. SPIN-код: 6343-8410. E-mail: elena-m-m@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391

EDN: SMXPSU

Research article

Language form compression in modern Russian speech

Elena M. Markova

The Kosygin State University of Russia, *Moscow, Russian Federation*
University of Economics in Bratislava, *Bratislava, Slovak Republic*
✉ elena-m-m@mail.ru

Abstract. Compressive word formation results from the active tendency to save speech effort and, accordingly, to save linguistic means, which makes its research relevant. At the lexical level, the principle of economy is realized in constriction, truncation, semantic condensation, i.e. processes based on reduction, minimization of structures. The aim of the study is to identify and fix the manifestations of this tendency in modern Russian speech, to generalize the ways of linguistic compression as mechanisms of its representation, to establish their universality and specificity in the Russian language in the pan-Slavic context. The research material is Internet resources, dictionaries of neologisms, the Russian national corpus, the speech of young people. The material was analyzed with both general scientific (relevant material collection, observation, analysis, systematization, description, interpretation), and linguistic methods (methods of word-formation, component, contextual, comparative analysis; structural-semantic method; method of modeling the derivational basis). Among extralinguistic and linguistic reasons for active compression word production, the author points out the influence of the English language as the most important factor, acting both as a donor of short lexical units and as a translator of derivation methods and mechanisms. Among the compression phenomena in modern speech, the article considers such

phenomena as borrowings, collocations, composites, clipping, derivation with zero affixation, univerbation, semantic condensation. It is revealed that form compression not only strengthens its communicative function, but also, due to the pragmatic possibilities of the compression, increases its emotional-evaluative and relational functions. The analysis of the main manifestations of form compression in modern Russian speech allows us to conclude that they are universal, but at the same time have some specific features due to the specific national derivational system.

Key words: word formation, contraction, truncation, univerbation, the Russian language, universals, linguistic specificity

Conflict of interests. The author declares no conflict of interests.

Article history: received 05.02.2024; accepted 11.04.2024.

For citation: Markova, E.M. (2024). Language form compression in modern Russian speech. *Russian Language Studies*, 22(3), 375–391. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391>

References

- Bozděchová, I. (2017). Anglicisms in the Czech lexicon. In P. Karlík, M. Nekula & J. Pleskalová (Eds.), *New encyclopedic dictionary of Czech*. Retrieved from: <https://www.czechency.org/slovník/ANGLICISMY%20V%20ČESKÉM%20LEXIKU>
- Cherchuk, O.I. (2023). *Borrowings in the modern Czech language*. (Candidate dissertation, Moscow). (In Russ.).
- Děngeová, Z. (2015). Internet and new verbal naming. *Change of language and its research in the age of new media and technologies* (pp. 67–71). Prague: Czech Language Institute. Retrieved from: <http://www.ujc.cas.cz/miranda2/export/sitesavcr/ujc/sys/galeriedownload/sbornik/brling.pdf>
- Dmitrieva, S.O. (2024). *Dynamics of the youth slang lexicon: Linguo-sociocultural and lexicographic aspects*. [Author's abstr. dr. philol. diss.]. Kaliningrad. (In Russ.).
- Dozorova, D. (2015). Thematic spheres of univerbs usage in modern Russian speech. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, (1). (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2015-1-1030>
- Dyakov, A.I. (2015). *Statics and dynamics of Anglicisms in the Russian language system: Multi-dimensional linguistic modeling*. (Candidate dissertation, Omsk). (In Russ.).
- Furdík, J. (2005). Integration processes in lexical acquisitions. *Life with word creation and lexicology* (pp. 373–380). Košice: LG Publishing House.
- Horecký, J., Buzássyová, K., Bosák, J. et al. (1989). *Dynamics of the vocabulary of contemporary Slovak*. Bratislava: VEDA Publ.
- Ivanova, M.V., & Klushina, N.I. (2021). Russian language in the modern Internet space: dynamic processes and development trends. *Russian Language Studies*, 19(4), 367–382. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382>
- Ishchenko, I.G. (2020). Compressive word formation in modern English. *Bulletin of Amur State University*, (90), 96–100. (In Russ.).
- Klobukov, E.V., & Gudilova, S.V. (2001). Linguistic specificity of non-derivative compound words (quasi-composites). *Language, consciousness, communication*, (20), 12–25. (In Russ.).
- Limarova, E.V., & Son, L.P. (2018). Internet slang: word formation processes (based on the material of English and Russian languages). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (4), 111–119. (In Russ.).
- Malinina, I.A. (2011). Conversion formation of new lexical units. *Young scientist*, 10(2), 21–23. URL: <https://moluch.ru/archive/33/3742> (In Russ.).
- Markova, E.M. (2023). Verbal univerbation as one of the modern derivational trends. *VERBA. Northwestern Linguistic Journal*, (1), 61–71. (In Russ.). [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1\(6\)-61-71](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1(6)-61-71)
- Markova, E.M. (2012). The law of economy of linguistic means in the aspect of linguistic convergence of modern Slavic languages. *Rational and emotional in the Russian language* (pp. 318–322). Moscow: MGOU Publ. (In Russ.).
- Markova, E.M., & Grigoryanova, T. (2016). *Dynamic aspects of the vocabulary of modern Slavic languages*. Brno: Tribun EU Publ. (In Russ.).

- Marsheva, L.I. (2004). Trends towards analyticism, or prerequisites? *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta*, (2), 49–59. (In Russ.).
- Neshchimenko, G.P. (2000). Word formation of the spoken language in the light of the trend of language economy (based on the Russian and Czech languages). *Wortbildung: Interaktiv im Sprachsystem. Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim internationalen Slawistenkomitee* (pp.253–270). Innsbruck. (In Russ.).
- Nekula, M. (2017). Adaptation of loans. *New encyclopedic dictionary of Czech*. In Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. Retrieved from: <https://www.czechency.org/slovník/>
- Nikolina, N.A. (2021) Types of derivatives-truncations in modern Russian speech. *Russian Language at School*, (3), 69–74. (In Russ.).
- Norman, B.Yu. (2021). About semantic-syntactic contraction, or What do we mean when we don't say something out loud? *Russian Language at School*, 82(1), 86–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-1-86-91>
- Palková, L. (2018). *Univerbization in Slovak*. Prešov: FF PU in Prešov.
- Petrukhina, E.V. (2010). Possibilities, functions, and competitors of word production in the modern Russian language. *New phenomena in Slavic word formation: System and functioning* (pp. 424–443). Moscow: MSU Press Publ. (In Russ.).
- Pletneva, N.V. (2005). On the reasons for the formation of abbreviated lexical units. *Text in cultural and historical context* (pp. 104–108.). Ekaterinburg: Ural Univ. Publ. (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L.V., & Zhdanova, E.A. (2021). Specificity of Russian media new formations in the reflection of social realities. *Russian Language Studies*, 19(4), 446–480. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480>
- Romanov, Yu.A. (2015). Univerbation based on verb phrases in English and Russian. *International Humanitarian University Herald. Philology*, 18(2), 117–120. (In Russ.).
- Severova, N.V. (2018). Abbreviations as a productive way to replenish the vocabulary of modern languages. *Bulletin of Donetsk National University*, (4), 149–155. (In Russ.).
- Shmidt, E.S. (2023). New borrowings as elements of Russian vocabulary: A systemic aspect. *Tomsk State University Journal*, (494), 53–59. <https://doi.org/10.17223/15617793/494/6> (In Russ.).
- Šimandl, J. (2013). Mechanical shortening and mechanical folding; blending. *Problems of neology in the Slavic language*, (6), 109–119. Retrieved from: <http://lexiko.ujc.cas.cz/index.php?page=14&idStudie=48>
- Smirnitsky, A.I. (1953). The so-called conversion and alternation of sounds in the English language. *Foreign languages at school*, (5), 21–31. (In Russ.).
- Ustimenko, I.A. (2007). *The phenomenon of semantic condensation in Russian word formation*. Belgorod: BelGU Publ. (In Russ.).
- Volodina, K.A. (2012). Word-formation means that implement the principle of economy within the framework of English and German texting. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "Linguistics"*, (6), 54–57. (In Russ.).
- Yanko-Trinitskaya, N.A. (2001). *Word formation in modern Russian*. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.).

Bio note:

Elena M. Markova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Kosygin State University of Russia, 1 Malaya Kaluzhskaya St, Moscow, 119071, Russian Federation; Professor of the Department of Romance and Slavic Languages of the Faculty of Applied Languages, University of Economics in Bratislava, 1 Dolnozemska, Bratislava, 85235, Slovak Republic. *Research interests*: lexicology and semasiology, word formation, Slavic languages, methods of teaching Russian as a foreign language, cultural linguistics, trends in modern Russian language development. ORCID: 0000-0001-6620-1567. SPIN-code: 6343-8410. E-mail: elena-m-m@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-392-405

EDN: SJAWZD

Научная статья

Тенденции развития компрессивного словообразования в современном русском языке

Н.А. Николина

Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

✉ na.nikolina@mpgu.su

Аннотация. Рассматриваются способы компрессивного словопроизводства, активно используемые в современном русском языке (СРЯ), и выявляются динамические процессы в их сфере. Цель исследования — определение ведущих тенденций в развитии компрессивного словообразования в СРЯ. Необходимость многоаспектного изучения активных процессов в СРЯ обусловила актуальность работы. В качестве материала используются контексты, извлеченные из современных художественных текстов, записей устной речи, примеры компрессивов, отмеченных в СМИ и сети Интернет. В работе описываются и сопоставляются такие способы компрессивного словообразования, как усечение, сложение, аббревиация и субстантивация. Отмечается особенно высокая продуктивность усечения и универбации в современной русской речи. Показано, что компрессивное словообразование в настоящее время характеризуется новыми тенденциями: активизацией заимствований, расширением состава компрессивов разных типов и сферами их использования в современной русской речи, формированием новых компрессивных способов словообразования, распространением усечения на слова разных частей речи. Выявлена возрастающая частотность контаминированных образований в современной русской речи. Определение тенденций развития компрессивного словообразования в СРЯ способствует углублению представлений о соотношении способов словообразования в синхронии и детальному анализу деривационных процессов с учетом принципа языковой экономии.

Ключевые слова: экономия языковых средств, компрессия, способ словообразования, усечение, аббревиация, контаминация, универбация, субстантивация

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18.02.2024; принята к печати 30.05.2024.

Для цитирования: Николина Н.А. Тенденции развития компрессивного словообразования в современном русском языке // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 392–405. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-392-405>

Введение

«Современные реалии (такие, как глобализация, международная интеграция и другие) обусловили интерес к изучению функционального и коммуникативно-прагматического аспектов языка, освещение которых началось, в частности, в работах Н.Д. Арутюновой (1981), В.З. Демьянкова (1982), Т.А. ван

© Николина Н.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Дейка (1989)» (Лаптева, 2020: 307). Изучение словообразовательной системы языка в функциональном аспекте предполагает рассмотрение соотношения узуальных способов словопроизводства, в частности компрессивных, активизировавшихся в настоящее время в современной коммуникации (Рацибурская, 2019; Рацибурская, Жданова, 2021).

«Компрессивная функция — одна из основных функций словообразования наряду с собственно номинативной, экспрессивной, конструктивной и стилистической» (Земская, 2006: 10). Реализация этой функции связана с принципом экономии языковых средств. Обозначенный принцип проявляется на всех уровнях структуры языка и находит отражение в использовании определенных языковых средств. С одной стороны, он способствует их упрощению, с другой — мотивирует поиск новых, часто экспрессивных форм выражения. Как отмечал И.А. Бодуэн де Куртенэ, «принцип экономии является одним из факторов изменений в языке», при этом он связан «со стремлением к удобству» (Бодуэн де Куртенэ, 1871/1964: 268). Действие этого принципа в течение длительного времени преимущественно рассматривалось на фонетическом материале. Например, следует отметить работу А. Мартине «Принцип экономии в фонетических изменениях» (1955). Однако по мере интенсивного развития относительно «молодых» способов словообразования, прежде всего аббревиации и усечения, стало последовательно изучаться и компрессивное словопроизводство (Алексеев, 1977; Осипова, 1999).

В то же время, как отмечает В.М. Алпатов, «со второй половины XX в. проблематика, связанная с экономией, ... стала уходить на периферию науки (как и вопрос о причинах языковых изменений в целом), а сам принцип экономии подвергается все большему сомнению <...> Сама же проблема и сейчас далека от разрешения» (Алпатов, 2018: 29). Актуальным представляется рассмотрение компрессивных способов словообразования во взаимодействии с учетом принципа языковой экономии. К компрессивным способам словообразования в современном русском языке традиционно относятся сложение, субстантивация, аббревиация и усечение, а также универбация, если рассматривать ее как самостоятельный способ словопроизводства, а не как суффиксацию. Сложение и субстантивация имеют длительную историю, аббревиация и усечение появляются в русском языке достаточно поздно (на рубеже XIX–XX вв.) и считаются «молодыми» способами словопроизводства. Развитие компрессивных способов словообразования обусловлено ускорением темпов общественного развития, появлением новых способов коммуникации, демократизацией речи.

Проблемы демократизации в современных словообразовательных процессах находят широкое отражение в отечественных и зарубежных исследованиях по дериватологии (Slowotworstvo... 2012; Wortbildung... 2016; Globalizacja... 2018; Рацибурская и др., 2020; Громенко, 2024), которые отмечают распространение компрессивов в разных языках.

Интенсивное употребление компрессивов в современной речи позволяет выявить ряд динамических процессов в их развитии и охарактеризовать особенности употребления компрессивов (Osamnaesta... 2018; Дозорова, 2018).

Таким образом, **цель исследования** — определение ведущих тенденций в развитии компрессивного словообразования в современном русском языке.

Методы и материалы

Для решения исследовательских задач мы обратились в первую очередь к общенаучным методам: описательному и сопоставительному, применение которых позволяет определить наиболее продуктивные способы словообразования. В процессе исследования также использовался словообразовательный анализ рассматриваемых единиц, образованных компрессивными способами словопроизводства.

Материал исследования — это записи устной речи, примеры, извлеченные из электронной речи, тексты современной художественной литературы и СМИ. Проанализировано более 130 лексических единиц, многие из которых еще не зафиксированы в современных толковых словарях, но используются в разговорной речи и жаргонах. Для установления значений этих единиц последовательно применялся метод контекстуального анализа.

Результаты

Компрессивное словопроизводство интенсивно развивается в современном русском языке, при этом наблюдается расширение и многообразие его способов.

Установка на компрессию объединяет различные способы деривации, растет число компрессивов разных типов, в т.ч. заметна активизация комплексных способов словообразования.

Наиболее продуктивными в современной речи являются усечение, аббревиация и универбация, в результате регулярно подвергаются сокращению не только отдельные слова, но и их сочетания, прежде всего сочетания с атрибутивными отношениями. Заметно активизируется контаминация.

Развитие компрессивного словообразования характеризуется рядом тенденций. Это, во-первых, активизация заимствований, во-вторых, расширение состава групп компрессивов разных типов, а также сфер их использования в современной речи, в-третьих, формирование новых компрессивных способов словообразования и перемещение с периферии ранее окказиональных способов (контаминация). Наконец, это тенденция ко все большему сокращению лексических единиц и распространению усечения в определенных формах коммуникации на слова разных частей речи.

Экономия средств в современной речи противопоставляется избыточности, стремление к экономии — разворачиванию языковых средств (см., например, использование повторов типа *актер-актер*).

Обсуждение

Для современной русской речи характерно интенсивное использование компрессивных образований, при этом усилилась конкуренция способов, которыми они создаются, предпочитают наиболее краткие единицы, ср., например: *лаборатория* — *лаба*, *курсовая* — *курсовик* — *курсач*; *мобильный* — *мобильник* — *мобила*, *передовая* — *передок*. Такая конкуренция способствует усилению вариативности способов словообразования в современном русском языке (Фролова, 2021).

Заметно меняется степень продуктивности ряда компрессивных способов словопроизводства. Сохраняет высокую активность сложение. По подсчетам исследователей, каждое третье новое слово образуется именно этим способом. Основные модели сложения в современном русском языке носят устойчивый характер. При этом заметна тенденция к увеличению количества композитов с неизменяемой первой частью, например: *бизнес-проект, бизнес-центр, онлайн-помощь, онлайн-экскурсия, нон-фикшн-ярмарка, прокси-война, хаос-война, Хлестаков-ресторан* и др. Другая заметная тенденция, проявляющаяся в сфере сложения, прежде всего в современной художественной речи, — образование сложений на основе объединения разнотипных единиц: качественных и относительных прилагательных или существительного и прилагательного, например, *Утро пришло свежим, синенебым* (Д. Благова. Южный ветер); *В стекло-металлическом зале... меня положили на ледяной катафалк* (А. Петрова. Аппендикс). В современной художественной речи также растет число голофрастических образований, например, *Мне это ваше каклучшее хотение в печенках давно уже сидит* (В. Колочкова. Парадокс Гретхен).

При сложении тем не менее сохраняется достаточно большой объем объединяемых единиц, поэтому на первый план в современной речи выдвигаются другие способы компрессивного словопроизводства, предполагающие более значительное сокращение.

Высокую степень активности проявляет аббревиация. «Аббревиатуры обладают наибольшей степенью когнитивно-дискурсивной имплицитности в языке, так как они отражают стремление говорящих предельно сократить текст сообщаемого, используя при этом минимальное число языковых средств» (Касьянова, 2009: 34).

На этом фоне заметно снижается продуктивность такого способа, как субстантивация. Активность проявляют в настоящее время лишь несколько словообразовательных типов субстантиватов, которые пополняются новообразованиями: субстантиваты мужского рода единственного числа со значением лица (*понаехавшая, наркозависимый, двухсотый*), субстантиваты множественного числа, называющие лиц, принадлежащих к одному общественному движению или социальной группе (*болотные, красно-белые, белоленточные*), субстантиваты среднего рода единственного числа, обозначающие абстрактное понятие, причем единицы последней группы преимущественно употребляются в художественной речи. Например, *Саша... упала в черно-ночное, спокойное и недвижимое* (Д. Благова. Южный ветер).

Снижение продуктивности субстантивации во многом связано с активизацией универбации, которая также предполагает свертывание субстантивного словосочетания (*санкционка, домашка, молочка, военник* и др.).

В последние десятилетия резко активизировалась контаминация, прежде всего такая ее разновидность, как междусловное наложение. Из частного приема создания окказионализмов и средства языковой игры контаминация постепенно превращается в продуктивный способ словообразования, который используется и в СМИ, и в рекламе, и в разговорной речи, и в художественных текстах, см., например: *драконат* (*дракон + деканат*), *хамильярный* (*хам + фамильярный*), *бульмени* (*бульон + пельмени*), *дронуться* (*дрон + тронуться*),

трепортаж (*треп* + *репортаж*), *августь* (*август* + *грусть*), *футбол* (*футбол* + *боль*), *демократура* (*демократия* + *диктатура* — В. Пелевин), ср., также:

Мгновечное

Везде (В. Павлова).

В процессе создания контаминированных единиц используются такие механизмы, как: 1) усечение одного слова или одновременно двух слов; 2) объединение сокращенных компонентов, как правило, начала одного слова и конца другого (*мана*, *согурт*); 3) наложение квазиморфов или собственно морфов, которое приводит к появлению амальгированного морфосочетания: *лжизнь* (*лживая* + *жизнь*), *ковидиот* (*ковид* + *идиот*).

Значение контаминантов формируется на основе взаимодействия семантики сокращаемых слов и отношений, возникающих в процессе словообразовательного акта. Нередко при этом контаминант приобретает образный характер. Например, в гибридном слове *киночь* из стихотворения А. Зеленовой совмещаются значения слов кино, ночь и развивается сравнительное значение: ночь как в кино. Контаминант *настоящер* (*настоящее* + *ящер*) в стихотворении С. Круглова также выражает сравнение и оценку.

Контаминированные единицы обладают высокой степенью компрессии и одновременно экспрессией, в речи они выступают как полифункциональные единицы, нередко совмещая номинативную, компрессивную и оценочную функции. Перемещение контаминации с периферии словообразовательной системы ближе к ее центру является одной из тенденций современного компрессивного словообразования. Она свидетельствует о расширении состава способов компрессии в современном языке. Показательно, что некоторые модели контаминации закрепляются в языке и по ним образуются новые дериваты. Такой моделью, например, стала модель с компонентом *-голик*, который можно рассматривать как новый суффиксоид. Вычлененный из состава слова *алкоголик*, он первоначально использовался для образования гибридного слова *трудоголик*. В последние годы «с его помощью образовано более 120 неодериватов с общим словообразовательным значением ‘лицо, испытывающее патологическую зависимость от кого/чего-либо’» (Коряковцева, 2018: 35), см., например: *брендоголик*, *котоголик*, *мобилоголик*, *нетоголик*, *рэпоголик*, *телеголик*, *туроголик*, *футбоголик*, *шопоголик*, *яблокоголик*.

Остановимся более подробно на усечении, которое, с нашей точки зрения, наряду с универбацией проявляет наиболее высокую степень продуктивности в современной речи, особенно в ее субстандартных сферах.

«Стимулом для появления усечений в русском языке послужило развитие аббревиации в 1920-е гг. Именно в первые послереволюционные годы в речи стали использоваться такие сокращения-советизмы, как *спец* (*специалист*), *зав* (*заведующий*), *домоуправ* (*домоуправляющий*)» (Конопкина, Лунина, 2021: 108).

Усечения-дериваты в настоящее время используются как в разговорной речи и жаргонах, так и в языке СМИ, интернет-коммуникации, художественных текстах. Активизация усечений характерна для многих европейских языков и может рассматриваться как интернациональное явление.

В русистике вопрос о месте усечения в системе способов словообразования до сих пор остается дискуссионным. Н.М. Шанский рассматривал «обра-

зование новых слов с помощью чистого сокращения... без какого-либо аффиксационного „сопровождения”» (Шанский, 2019: 287) как аббревиацию: «В качестве особого способа словообразования аббревиация выступает как произвольное и независимое от структуры производящего слова сокращение его фонетического состава с последующим оформлением остаточной части в синонимическое имя существительное» (Шанский, 2019: 288), см. примеры, которые приводит ученый: *баки (бакенбарды)*, *маг (магнитофон)*, *проф (профессор)*, *фокс (фокстрот)*. В.Н. Немченко рассматривал усеченные слова как «фонематические варианты сокращаемых лексических единиц, не имеющие самостоятельного словообразовательного значения» (Немченко, 1994). В.П. Изотов определял «усечение как фонетический способ, поскольку формантом служат в данном случае именно фонетические средства, а не аффиксы» (Изотов, 1998: 67), Е.А. Земская — «как особый безаффиксный способ, так как в отличие от сложносокращенных слов сокращению при этом подвергается не сочетание слов, а одна лексическая единица — имя существительное, причем преимущественно без учета морфемного шва» (Земская, 1973: 145).

С нашей точки зрения, усечение целесообразно рассматривать как самостоятельный способ словопроизводства, входящий в группу безаффиксных способов. Дериваты, образованные этим способом, являются результатом стилистической модификации мотивирующего слова (Николина, 2021). Формантом же в этом случае выступает его сокращение, ср.: *магазин — магаз*, *компьютер — комп*, *ноутбук — ноут*, *кроссовки — кроссы*, *консультанты — консы*, *сертификаты — серты*.

Традиционно выделяются три типа структурных изменений, сопровождающих усечение: апокопа (сокращается последняя часть мотивирующего слова); афerezис (начало слова); синкопа (середина слова).

В современной русской речи наибольшую активность проявляет апокопа, см., например: *дисква (дисквалификация)*, *Сбер (Сбербанк)*, *губер (губернатор)*, *админ (администратор)*, *энда (эндокринолог)*, *конса (консерватория)*. Значительно реже используется афerezис: *бот (робот)*, *борд (сноуборд)*, *кипер (голкипер)*, *ситет (университет)*. Синкопа же почти не используется в современной речи, примеры ее немногочисленны и отмечаются в основном в жаргонах: *диссия (диссертация в жаргоне аспирантов)*, *докция (документация)*, *литра (литература в школьном жаргоне)*.

В современной русской речи активно формируется четвертый — смешанный — структурный тип усечения — сокращение и начала, и конца слова, т.е. взаимодействие апокопы с афerezисом. Так, в речи жителей Екатеринбурга наряду с сокращенным названием города *Екат* распространено усечение *Катер*, представляющее собой середину урбанонима. В школьном жаргоне встречаются слова *пита (воспитательница)* и *чита (учительница)*, в которых усекается как начало, так и конец слова. Аналогичным образом создаются *куль (калькулятор)*, *ключ (выключатель)*, *жига (зажигалка)*, *уши (наушники)*, *кондер (кондиционер)*. Усечение *одноклы (одноклассники)* — результат сочетания афerezиса и апокопы.

Усечение мотивирующего слова в современной речи может быть неоднократным: сокращаться повторно может уже усеченная единица, что отражает общую тенденцию к все большей экономии средств, ср.: *ботаник — ботан* —

бот, преподаватель — препод — преп, магазин — магаз — маг, фанфик — фанф — фик. Сокращению подвергаются обычно два-три слога или один. Ср: *корт (кортик), дубла (дубленка), транслит (транслитерация).* Реже усекается большее количество слогов, например: *корда (кордебалет), Перек («Перекресток»), сека (секретарь), лека (лекарства), Крас (Краснодар).*

Сфера действия усечения в современной речи расширяется: сокращаются, в частности, аффиксы на границах морфем. Так, нередко усекается суффикс в составе отглагольных существительных: *движ — движение, заява — заявление, импровиз — импровизация, останов — остановка.* См., например: *Останов был на электрике (Ш. Идиатуллин. Город Брежнев).*

И.С. Улуханов рассматривает сокращение суффикса на морфемном шве как особый способ словообразования — десуффиксацию (Улуханов, 1996: 183–184). Однако, с нашей точки зрения, в настоящее время регулярная десуффиксация имен существительных может рассматриваться скорее как особая разновидность усечения, понимаемого в широком смысле. Наряду с сокращением суффикса у отглагольных существительных в современной русской речи заметно активизировался «способ усечения утратившего значение уменьшительности суффикса -к-: *вечерина (вечеринка), ...треха (трешка — московское третье кольцо)*» (Шмелёва, 2019: 323).

Усечения, как правило, сохраняют грамматические признаки мотивирующих слов, однако в современной речи наметилась тенденция к их изменению. Это связано с употреблением дериватов сокращаемых неодносложных слов, преимущественно с процессуальной семантикой: *движ (движение), импровиз (импровизация), останов (остановка), передоз (передозировка).* Меняется обычно форма рода, при этом продуктивным в современной речи оказывается мужской род.

Усечение имен существительных может сопровождаться изменением фонемного состава сокращаемого мотивирующего слова. Это чаще чередование, причем традиционное для русского языка, например: *смык (смычок), снаряг (снаряжение).* Ср.:

*Не грусти. Вспоминай меня
Не в снаряге и грубых берцах,
Далёким от артогна (П. Казаков).
— Снарягу завтра тебе докину, ок? (А. Володина)*

Наряду с чередованиями используется элизия или вставка фонем, см., например: *стюра (стюардесса) — земля (земляк).* Образование дериватов-усечений сопровождается также акцентологическими изменениями, см., например: *арта (артиллерия), комéнда (комендант), преза (презентация), фúтба (футболка), чел (человек), кап (капюшон).*

В основном усеченные единицы рассматриваются как результат сокращения слов имен существительных. Однако в интернет-коммуникации наблюдается тенденция к сокращению слов других частей речи. Так, усечению регулярно подвергается прилагательное *нормальный* и наречие *нормально*, причем примеры такого употребления все чаще встречаются в современной художественной речи. Ср., например: «— *Всё цело? Где больно? — Норм... Выживу*» (В. Апреликова. Жуткие снимки); *Ведущая была «норм», как выражаются*

Тонечкины продвинутые дети (Т. Устинова. Пояс Ориона); — **Норм**, — *ответила та. Это «норм» стоило... неподъёмно* (М. Ронжина. Одиночка). *У нас всё норм...* (Д. Благова. Течения).

В современной электронной речи встречаются сокращения разной частеречной принадлежности — глаголы, прилагательные, наречия, частицы: *гул* (*гулять*), *нра* (*нрав*), *пон*, *лю*, *оч*, *прост*, *токс* (*токсичный*) и др., при этом у этих единиц могут актуализироваться новые компоненты значения. Так, сокращение *прост* конденсирует семантику устойчивого сочетания «просто так», которое указывает на отсутствие определенной цели или осознаваемой причины: *«Почему он это сделал? — Прост»*.

Сокращенные единицы могут развивать деривационный потенциал. Так, от усеченного наречия степени *очень* образуется дериват *неоч* со значением ‘не очень хорошо’, ‘плоховато’. Например: *Без тебя неоч идти на дискотеку*. Уже отмеченное сокращение *норм* в молодежном сленге также служит базой для образования суффиксальных дериватов *нормас* и *нормуль*, см., например: *Финистова лучше всего: самосожжение из пепла — нормас* (Ю. Линде. Литеродура); *Как раз ты выйдешь, я пойду, если всё нормуль* (Е. Посвятовская. Важенка) (Николина, 2021). От усечения *литра* образуется слово *литричка* (*учительница литературы*). Ср.: Луиза бросилась бегом и едва не налетела на *литричку* (Е. Манойло. Ветер уносит мертвые листья).

Другой тенденцией, характерной для развития усечения в современной речи, является его активное взаимодействие с суффиксацией. Формируется новый способ словообразования, который носит комплексный характер, — усечение + суффиксация. Количество слов, образуемых этим способом, постепенно увеличивается, см., например: *басик* (*бассейн*), *броник* (*бронези-лет*), *дезик* (*дезодорант*), *рестик* (*ресторан*), *фестик* (*фестиваль*), *метрик* (*метрополитен*), *лабрик* (*лабрадор*), *рарик* (*раритет*), *уник* (*университет*), *Калик* (*Калининград*).

Суффикс в дериватах, образованных комплексным способом, семантически преобразуется: он утрачивает значение уменьшительности, ласкательности, оценочности и служит знаком фамильярности, апроприации обозначаемого объекта, непринужденности общения: *мой мотик* (*мотоцикл*), *спосик* (*спасибо*).

Обращение к комплексным способам словопроизводства в современной речи в целом характерно для развития компрессивного словообразования. Универбация, позволяющая заменять субстантивные словосочетания более компактными однословными суффиксальными дериватами, также может рассматриваться как комплексное явление, включающее три операции: стяжение субстантивного словосочетания с атрибутивными отношениями, сокращение определения (прилагательного или причастия), использование суффиксального форманта, например: *тренажерный зал* — *тренажерка*, *заочное отделение* — *заочка*, *побочный эффект* — *побочка*, *заброшенная стройка* — *заброшка*, *веранда летнего кафе* — *летник*.

В современной речи особенно продуктивны модели универбатов с суффиксами *-к-*, *-(н)ик-*, *-щик-*, ср.: *встречка*, *вторичка*, *выделенка*, *документалка*, *дистанционка*, *удаленка*, *бюджетник*, *силовик*, *виртуальщик*, *социальщик*.

Универбаты, активно используемые в общении, в современной речи обозначают уже не только конкретные предметы и явления, но и абстрактные понятия, см., например: *Это уже не является внутрисемейной проблемой. Это международка* (Вести FM, 26.06.2022). *Международка* в данном случае заменяет субстантивное словосочетание *международная проблема*.

Расширение состава дериватов, образованных компрессивными способами, в целом характерно для современной русской речи. Так, в сфере аббревиации наблюдается активизация аббревиатур, созданных на базе вводных сочетаний и синтаксических конструкций, см., например: *ИМХО* (*in my humble opinion*), *ВТW* (*by the way*), *PMYI* (*Pardon my jumping in — Прошу прощения, что вмешиваюсь*). Ср.: *дай бог, если к октябрю успеем. ИМХО...* (А. Сегень).

Формируются новые тематические группы усечений, аббревиатур, сложений и универбатов. Так, «постоянно пополняется новыми биноминативными образованиями весьма обширная по объему и разнообразная по тематическому составу группа существительных с компонентом *интернет-* (*интернет-холдинг, интернет-среда, интернет-стиль, интернет-зависимость*)» (Котова, 2006: 267). Возникла новая группа усечений, используемых в компьютерном жаргоне и обозначающих реалии, связанные с компьютерными технологиями: *винч* (*винчестер*), *вирь* (*вирус*), *гиг* (*гигабайт*), *клава* (*клавиатура*), *прога* (*программа*), *скан* (*сканер*). С конца 80-х гг. XX в. активно формируются новые тематические группы аббревиатур: названия политических партий и их членов (*ЛДПР, единоросы*), средств массовой информации (*МК, АиФ*), банков, компаний, фирм (*Роснефть, Росатом, Промсвязьбанк*). Расширяются и сферы их использования, так аббревиатуры чаще используются в бытовом общении, а также в интернет-коммуникации при передаче этикетных формул (*ДД — день рождения, ДД — добрый день*), см., например, следующий диалог:

— *МЧ*, — *машинально поправил Снегин*.

— *Не понял?*

— *Сейчас говорят МЧ. Молодой человек. (Н. Андреева. Семь разгневанных богинь)*

Другой тенденцией в развитии компрессивов, во многом связанной с глобализацией в современном мире, является регулярное использование заимствований. С.И. Шумарин отмечает, что «в современной периодической печати, в специальной литературе встречается большое количество композитов с начальной частью — иноязычной аббревиатурой адекативного типа» (Шумарин, 2011: 88): *MMS-обмен, WAK-доступ, XML-файл, HD-плеер*. Наряду с этим активно заимствуются и собственно иноязычные аббревиатуры: *PR, VIP, CD, ББ* (*BB — bye-bye*), *ЛОЛ* (*laugh out loud*). В сфере сложения, модели которого в целом сохраняют стабильность в современном русском языке, наблюдается активизация использования иноязычных аффиксоидов отмеченная в работе О.В. Григоренко (Григоренко, 2019: 69), например: *крипто-, лайт-, нано-, эко-*: *криптофиты, криптография, лайт-версия, лайт-тариф, фета-лайт, нанотехнологии, наномир, наноструктура, экомузей, экопродукты, экодом*. Интересно, что в современной речи увеличивается количество префиксоидов, хотя в предшествующий период явно преобладали суффиксоиды.

Одновременно растет число иноязычных дериватов-усечений, см., например: *преф-* (*pre-fire*), *хэд* (*headshot*).

Дериваты-компрессивы, как уже отмечалось, используются в различных сферах речи, в частности все чаще встречаются в современной художественной речи, причем не только в речи персонажей, но и в речи повествователя. Ср.: *Там давали французский ромком — как раз то, что надо* (С. Сачкова. Люди и птицы); *В пятом классе Дрождина записалась в художку* (Э. Веркин. Осеннее солнце); *К нему всегда приходили за домашкой* (В. Богданова. Павел Джан и прочие речные твари); *Алёна боялась вебкама* (Е. Некрасова. Кика); *Пять сек* (Н. Способина. Многогранники); *Игнор женщины за рулём его раззадоривал* (Ю. Гурина. Мы же взрослые); — *Сенары*, — со смешком прокомментировал Овечкин (Д. Захаров. Старшая Эдда); *Теперь будем играть в футбол* (А. Веспер. Жизнь среди людей); — *Ты как, будешь поступать в асту?* (Д. Благова. Течения).

Последовательное употребление компрессии в текстах художественной литературы свидетельствует о ее активном использовании носителями языка и расширении функций компрессивов.

Заключение

С 90-х гг. XX в. по настоящее время для современного русского языка характерна активизация способов компрессивного словообразования, что характеризует последовательную реализацию принципа экономии в современном русском языке. Однако соотношение способов словообразования не статично: меняется продуктивность некоторых из них, развиваются новые деривационные явления.

Наибольшую активность в современном русском языке проявляют способы, предполагающие максимальную степень сокращения лексических единиц. Особенно продуктивным в связи с этим представляется усечение. Развиваются новые компрессивные способы словообразования: усечение + суффиксация, контаминация. Деривационные процессы в современном русском языке распространяются на единицы синтаксического уровня (например, стяжение словосочетания в результате субстантивации и универбации, образование сложносоставных единиц).

К перспективам дальнейшего исследования отнесем изучение взаимодействия компрессивов разных структурных типов, определение степени продуктивности новых деривационных явлений, рассмотрение компрессивов и их функций в современной художественной речи.

Список литературы

- Алексеев Д.И. Аббревиация в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 1977. 31 с.
- Аллатов В.М. Принцип экономии и изменения в языке // Экономика в языке и коммуникации. М. : РГПУ, 2018. С. 19–26.
- Бодуэн де Куртэнэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке (1871) // История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М. : Просвещение, 1964. С. 263–283.
- Григоренко О.В. Новые аффиксоиды в словообразовательной системе русского языка на рубеже XX—XXI веков // Русский язык в школе. 2019. № 3. С. 69–75. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-3-69-75>

- Громенко Е.С. QR-код : от термина к разговорному слову // *Русский язык в школе*. 2024. Т. 85. № 1. С. 89–99. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-1-89-99>
- Дозорова Д.В. Структура, семантика и функции универбатов в современной русской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 22 с.
- Земская Е.А. Активные процессы в русском словообразовании нашего времени // *Acta Neophilologica*. 2006. № 8. С. 9–21.
- Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М. : Просвещение, 1973. 304 с.
- Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования. Орёл : ОГУ, 1998. 149 с.
- Касьянова Л.Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX — начала XXI века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2009. 48 с.
- Конопкина Е.С., Лунина Т.П. Усечение как способ компрессивного словообразования // *Вестник Омского Государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2021. № 2. С. 107–111. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-31-107-111>
- Коряковцева Е.И. «Глобализация» и словообразовательные неологизмы — русские, польские и чешские субстантивы и экспрессионализмы // *Globalization and Slavic languages*. Siedlce : Wydawnictwo Uniwersytetu w Siedlcach. 2018. 47–56 с.
- Котова М.Д. Продуктивные компоненты сложносоставных слов в современном русском языке // Структурно-семантическое описание единиц языка и речи. М., 2006. С. 265–270.
- Лантева М. Речевой имидж молодого российского политика // *Wizerunek jako kategoria teorii komunikacji, antropologii kultury i semiotyki tekstu*. Olsztyn : Centrum Badań Europy Wschodniej, 2020. С. 307–317.
- Немченко В.Н. Понятие способа словообразования с диахронической и синхронической точек зрения // *Исследования по историческому словообразованию*. М. : ИРЯ РАН, 1994. С. 281–290.
- Николина Н.А. Типы дериватов-усечений в современной русской речи // *Русский язык в школе*. 2021. № 3. С. 69–74. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-3-69-74>
- Осипова Л.И. Активные процессы в современном русском словообразовании (суффиксальная универбация, усечения) : дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 506 с.
- Рацибурская Л.В. Российская словообразовательная наука в XXI веке // *Русистика*. 2019. Т. 17. № 3. С. 276–299. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-3-276-299>
- Рацибурская Л.В., Николина Н.А., Фатхутдинова В.Г. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языковедение*. 2020. Т. 19. № 2. С. 5–19. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.1>
- Рацибурская Л.В., Жданова Е.А. Специфика русских медийных новообразований в отражении социальных реалий // *Русистика*. 2021. Т. 19. № 4. С. 466–480. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480>
- Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996. 221 с.
- Фролова Е.А. Вариативность способов словопроизводства в современном русском языке: традиции и новации // *Русский язык в школе*. 2021. № 4. С. 87–92. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-4-87-92>
- Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М. : Флинта, 2019. 336 с.
- Шмелёва Е.Я. Новые способы словообразования в русском языке // *Семантика и прагматика языковых единиц*. Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, 2019. С. 320–328.
- Шумарин С.И. Новые тенденции в аббревиации // *Русский язык в школе*. 2011. № 6. С. 85–92.
- Globalizacja a języki słowiańskie*. Globalization and Slavic languages. Siedlce : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2018. 148 p.
- Osamnaesta Međunarodna naučna konferencija Komisije za tvorbu riječi Međunarodnog komiteta slavista. Univerbacija / Univerbizacija u slavenskim jezicima. Sarajevo : Slavistički komitet, 2018. 495 p.
- Slowotworstwo słowiańskie: system i tekst. Prace Komisji Slowotworczej przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów. Seria 13 / Jerzeg Sierociuk (ped.). Poznan : Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2012. 345 p.
- Wortbildung und Internet / B. Tošović B., A. Wonisch (Eds.). Graz : Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz — Kommission für Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee, 2016. 525 p.

Сведения об авторе:

Николина Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1а. *Сфера научных интересов:* словообразование русского литературного языка, язык художественной литературы, активные процессы в современном русском языке, проблемы русского синтаксиса, современная русская лексикография. Автор более 400 работ. ORCID: 0000-0002-4980-2229. SPIN-код: 9505-3868. E-mail: na.nikolina@mpgu.su

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-392-405

EDN: SJAWZD

Research article

Trends of compressive word formation in modern Russian language

Natalia A. Nikolina

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

✉ na.nikolina@mpgu.su

Abstract. The study deals with the ways of compressive word formation, which are active in the modern Russian language, and reveals their dynamic processes. The aim of the study is to determine the leading trends in the development of compressive word formation in the modern Russian language. The relevance of the work is conditioned by the necessity of multidimensional study of active processes in the modern Russian language. Contexts extracted from modern fiction texts, records of oral speech, examples of compressives in the media and the Internet are used as material. The study describes and compares such ways of compression word formation as truncation, addition, abbreviation, and nominalization. Especially high productivity of truncation and univerbation in modern Russian speech is noted. It is shown that compressive word formation is currently characterized by new tendencies: active borrowing, expansion of compressives of different types and spheres of their use in modern Russian speech, formation of new ways of compressive word-formation, spread of truncation on words of different parts of speech. The increasing frequency of contaminated formations in modern Russian speech is revealed. Studies of trends of compressive word formation in the modern Russian language show the correlation of ways of word formation in synchronicity and detailed analysis of derivational processes taking into account the principle of linguistic economy.

Key words: economy of linguistic means, compression, ways of word formation, truncation, abbreviation, contamination, univerbation, nominalization

Conflict of interests. The author declares no conflict of interests.

Article history: received 18.02.2024; accepted 30.05.2024.

For citation: Nikolina, N.A. (2024). Trends of compressive word formation in modern Russian language. *Russian Language Studies*, 22(3), 392–405. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-392-405>

References

- Alekseev, D.I. (1977). *Abbreviation in Russian* [Author's abstr. dr. philol. diss.]. Voronezh: Voronezh State University, 31 p. (In Russ.).
- Alpatov, V.M. (2018). The principle of economy and changes in language. *Economy in language and communication* (pp. 19–26). Moscow: RSPU Publ. (In Russ.).
- Baudouin de Courtenay, I.A. (1964). Some general remarks on linguistics and language (1871). *History of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts. Pt. 1* (pp. 263–283). Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russ.).

- Dozorova, D.V. (2018). *Structure, semantics and functions of university schools in modern Russian speech*. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Moscow, 22 p. (In Russ.).
- Frolova, E.A. (2021). Variability of ways of word production in the modern Russian language: traditions and innovations. *Russian language at school*, 82(4), 87–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-4-87-92>
- Grigorenko, O.V. (2019). New affixoids in the syllabic system of the Russian language at the turn of the XX–XXI centuries. *Russian language at school*, (3), 69–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-3-69-75>
- Gromenko, E.S. (2024). QR code: from a term to a colloquial word. *Russian language at school*, (85(1)), 89–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-1-89-99>
- Izotov, V.P. (1998) *Parameters of the description of the system of methods of Russian word formation*. Orel: Orel State University Publ. (In Russ.).
- Kasyanova, L.Yu. (2009). *Cognitive-discursive problems of neologization in the Russian language of the late XX — early XXI century* [Author's abstr. dr. philol. diss.]. Astrakhan. (In Russ.).
- Konopkina, E.S., & Lunina, T.P. (2021). Truncation as a method of compressive word formation. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies*, (2), 107–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-31-107-111>
- Koriakowcewa, E.I. (Ed.). (2018). *Globalization and Slavic languages*. Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu w Siedlcach.
- Koryakovtseva, E.I. (2018). “Globalization” and word formation neologisms — Russian, Polish and Czech substantives and expressionalisms. *Globalization and Slavic languages* (pp. 47–56). Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu w Siedlcach. (In Russ.).
- Kotova, M.D. (2006). Productive components of compound words in modern Russian. *Structural and semantic description of units of language and speech* (pp. 265–270). Moscow. (In Russ.).
- Lapteva, M. (2020). Speech portrait of a young Russian politician. *Wizerunek jako kategoria teorii komunikacji, antropologii kultury i semiotyki tekstu* (pp. 307–317). Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Publ. (In Russ.).
- Nemchenko, V.N. (1994). The concept of the method of word formation from the diachronic and synchronic points of view. *Research on historical word formation* (pp. 281–290). Moscow: V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
- Nikolina, N.A. (2021) Types of derivatives-truncations in modern Russian speech. *Russian language at school*, 82(3), 69–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-3-69-74>
- Nikolina, N.A., Ratsiburskaya, L.V., & Fatkhutdinova, V.G. (2020). New Phenomena in the Sphere of Derivation Formants as Reflection of the Dynamics of the Russian Language Word-Formation System. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 19(2), 5–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.1>
- Osipova, L.I. (1999). *Active processes in modern Russian word formation (suffixation, truncation)*. (Doctoral dissertation, Moscow). (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L.V. (2019). Word-building science in Russia in the XXI century. *Russian Language Studies*, 17(3), 276–299. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-3-276-299>
- Ratsiburskaya, L.V., Nikolina, N.A., & Fatkhutdinova, V.G. (2020). New phenomena in the field of derivational formants as a reflection of the dynamics of the word-formation system of the Russian language. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 19(2), 5–19. (In Russ.).
- Ratsiburskaya L.V., Zhdanova E.A. (2021). The specificity of Russian media neoderivatives reflecting social realia. *Russian Language Studies*, 19(4), 466–480. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480>
- Šehović, A. (Ed.). (2018). *Osamnaesta Međunarodna naučna konferencija Komisije za tvorbu riječi Međunarodnog komiteta slavista. Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima*. Sarajevo: Slavistički komitet Publ.
- Shansky, N.M. (2019). *Essays on Russian word formation*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.).
- Shmeleva, E.Ya. (2019). New ways of word formation in the Russian language. *Semantics and pragmatics of linguistic units* (pp. 320–328). Kaluga: KSU named after K.E. Tsiolkovski Publ. (In Russ.).
- Shumarin, S.I. (2011). New trends in abbreviation. *Russian language at School*, (6), 85–92. (In Russ.).

- Sierociuk, J. (Ed.). (2012). *Slowotworstwo slowianskie: system i tekst. Prace Komisji Slowotworczej przy Miedzynarodowym Komitecie Slawistow. Seria 13*. Poznan: Wydawnictwo Poznanskiego Towarzystwa Przyjaciol Nauk Publ.
- Tošović, B., & Wonisch, A. (Eds.). (2016). *Wortbildung und Internet*. Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz Publ. Kommission für Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee Publ.
- Ulukhanov, I.S. (1996). *Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical implementation*. Moscow. (In Russ.).
- Zemskaya, E.A. (2006). Active processes in Russian word formation of our time. *Acta Neophilologica*, (8), 9–21. (In Russ.).
- Zemskaya, E.A. (1973). *Modern Russian language. Word formation*. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russ.).

Bio note:

Natalia A. Nikolina, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, 1a Malaya Pirogovskaya St, Moscow, 119991, Russian Federation. *Research interests*: word formation in the Russian literary language, the language of fiction, active processes in the modern Russian language, problems of Russian syntax, modern Russian lexicography. The author of more than 400 scientific works. ORCID: 0000-0002-4980-2229. SPIN-code: 9505-3868. E-mail: na.nikolina@mpgu.su

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-406-416

EDN: TAOGTR

Научная статья

Метафоры и субъективно-оценочные аффиксы как средства выражения речевой агрессии: агенты в российском медийном дискурсе

И. Палоши^{ORCID}

Университет им. Лоранда Этвеша, Будапешт, Венгрия

✉ palosi.ildiko@btk.elte.hu

Аннотация. Цель исследования — анализ агентов как средства выражения речевой агрессии в лексико-семантическом и словообразовательном аспектах. Актуальность темы состоит в том, что данная лингвистическая проблема имеет существенные общественные проекции. Как правило, речевая агрессия рассматривается в рамках интернет-коммуникации, однако в настоящее время наблюдается ее усиление и в медийном пространстве. Этим объясняется, что исследование было проведено на материале медиатекстов, опубликованных на разных новостных порталах в Интернете, некоторые из них были заимствованы из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Опираясь на лингвистическую литературу 1997—2022 гг., автор предлагает краткий обзор изучения речевой агрессии в русскоязычных СМИ (типологизации и средств выражения). В центре внимания автора находятся агенты, которые обозначаются метафорами или дериватами с семантикой подобия или несоответствия какой-либо норме. Пользуясь методом контекстуально-семантического анализа, помимо зоонимов автор представляет агенты со значением нереальных лиц, которые в зависимости от контекста предоставляют возможность адресанту причинить референту моральный ущерб, оскорбить, унижить, дискредитировать или даже дегуманизировать его. Из словообразовательных средств автором рассмотрены суффиксы *-oid*, *-yz-* и префиксы *псевдо-*, *квази-*, *недо-*, а также префиксоид *лже-*. В ходе анализа обращается внимание на вопрос осознанности/неосознанности адресантом речевой агрессии. Результаты исследования подтверждают, что субъективная оценочность приобретает все большую значимость в сфере русскоязычных СМИ. Дискредитация референта путем речевой агрессии проявляется, с одной стороны, в цитациях прямой речи постороннего лица, а с другой, в собственных высказываниях журналистов. Сделан вывод о заметном усилении осознанности использования речевой агрессии.

Ключевые слова: прагмалингвистика, вербальная агрессия, дискредитация, зооним, словообразование, суффиксы, оценочность, русский язык

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25.12.2023; принята к печати 06.04.2024.

Для цитирования: Палоши И. Метафоры и субъективно-оценочные аффиксы как средства выражения речевой агрессии: агенты в российском медийном дискурсе // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 406–416. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-406-416>

© Палоши И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

В последние десятилетия в языке российских СМИ ученые выделили множество лексико-семантических и прагмалингвистических новшеств. Не подвергается сомнению, что вследствие значительных политических и общественных процессов в конце XX в. и начале XXI в. в медийном дискурсе произошли серьезные изменения: медиатексты характеризуются повышенной субъективной модальностью и более активным употреблением элементов разговорной речи, жаргонизмов, а также просторечия (Рацибурская и др., 2020; Рацибурская, Жданова, 2021).

В медийном дискурсе обычно отражается актуальное ментальное и психическое состояние социума как с точки зрения содержания, так и формы. Однако данное воздействие не является односторонним: общественную значимость качества речи в электронных СМИ, а также на телевидении нельзя переоценить в аспекте формирования мышления и языковых компетенций носителей языка (Золотых, Фирсова, 2016: 135). Усиление субъективного начала в медийных текстах отмечено во многих исследующих медийную речь работах (Кормилицына, 2008; Петрова, Рацибурская, 2019; Рацибурская, 2018; Бакич (Самыlicheva), 2018; Торопкина, 2018; Samylicheva & Gazda, 2020; Сандакова, Рацибурская, 2023). Авторы единодушны в том, что субъективное изложение событий в текстах СМИ часто отодвигает объективное информирование читателей на задний план, что отражается в т.ч. и в проникновении речевой агрессии в медиадискурс. Использование агрессивных языковых средств особенно характерно для аргументативного жанра, в котором целью журналиста является воздействие на мировоззрение читателя, манипулирование его сознанием.

Изучение речевой агрессии активизировалось в конце XX в. Первые работы, посвященные данной теме, вышли в свет только в конце XX — начале XXI вв. (Subosits, 1996; Сковородников, 1997; Копнина, 2003; Щербинина, 2004), однако с тех пор она вызывает постоянный интерес лингвистов. Исследования по языковой агрессии были проведены российскими учеными также на материале английского языка (Закоян, 2010; Глухова, 2017) в сопоставлении с русским (Garaeva & Nurieva, 2020). Венгерские лингвисты Л. Батар и Э. Сабо изучали агрессивные вербальные высказывания в языке венгерских политических телепередач с учетом социолингвистических факторов (Batár, 2009; Szabó, 2020).

Что касается определения речевой агрессии, то в настоящий момент нет единого мнения о выборе термина для ее обозначения. В лингвистической литературе варьируется употребление словосочетаний «вербальная агрессия», «речевая агрессия», «языковая агрессия», «словесная агрессия». Комплексный анализ данного понятия представлен в одном из исследований, где «речевая агрессия — это проявление субъектом речи вербальной враждебности к объекту коммуникации при помощи лексических, грамматических, стилистических и интонационных языковых средств, охватывающее все сферы жизни общества, обусловленное культурно-историческими факторами и имеющее национальную специфику» (Никонова и др., 2022: 417). Упомянутые авторами культурно-исторические факторы, т.е. национально обусловленные

модели вербальной агрессии в диалогической речи, стали предметом тщательного анализа в статье И.А. Кузнецова (Кузнецов, 2021).

Необходимо отметить, что в области психологии исследования речевой агрессии проводились уже во второй половине XX в., на них базируется более поздний лингвистический анализ. Таким образом, как отмечают авторы цитируемой работы, типы речевой агрессии были выделены в психологическом ракурсе (см. классификацию А. Басса): активная прямая, активная непрямая, пассивная прямая и пассивная непрямая речевая агрессия (Никонова и др., 2022: 414; Рацибурская, 2010: 20). Из перечисленных типов в медиадискурсе широко представлены активные типы речевой агрессии. Под активной прямой речевой агрессией понимается непосредственная вербальная враждебность в форме унижения, угроз, оскорблений, саркастических замечаний, деструктивных пожеланий и т.д. «Активная непрямая речевая агрессия связана с использованием скрытых форм давления или манипуляции, распространением клеветы или неверной информации» (Никонова и др., 2022: 415; см. также Петрова, Рацибурская, 2011). Лингвистическому анализу, как правило, подвергается активная прямая речевая агрессия, в то время как распространением фальшивой (фейковой) информации активно занимаются представители общественных наук. О разновидностях речевой агрессии см. также (Кондрашева, Тинина, 2018).

Кроме изложенной выше типологизации необходимо упомянуть классификацию, согласно которой в рамках речевой агрессии можно выделить осознанную и неосознанную речевую агрессию. Основное различие между двумя типами заключается в преднамеренности адресанта нанести моральный ущерб адресату (Девдариани, Рубцова, 2019: 46). Принимая во внимание, что медиатексты не носят спонтанный характер, считаем, что изучаемые нами явления относятся к сфере осознанной речевой агрессии. Одна из важных особенностей медийного дискурса именно то, что речевая агрессия не появляется в нем под влиянием повышенного эмоционального состояния, а является осознанной языковой стратегией (Комарова, 2015: 26).

Особый интерес представляет вопрос о средствах выражения речевой агрессии. В одной из работ подробно представлены «инвективы и стилистически сниженная лексика, жаргонизмы, характерные словообразовательные модели, сравнения и метафоры, иноязычная лексика, некоторые дискурсивные элементы, иронизация», перегруженность текста негативной информацией, а также интертекстуальность (Петрова, Рацибурская, 2011).

Цель исследования — анализ агентивов, которые в медийных текстах употребляются в качестве оскорбительных метафор или дериватов со значением подobia или несоответствия какой-либо норме. В изучаемых нами высказываниях коммуникативными интенциями адресанта является унижение, оскорбление, моральная деградация, дискредитация адресата, причинение морального ущерба и дискомфорта объекту общения. Представляемые агентивы могут вызвать у адресата чувство стыда с саморефлексией и самопоричанием, т.е. способны стать средствами выражения шейминга. В лингвистической литературе на данный момент шейминг рассматривается как речевой жанр в интернет-общении (Лутовина, 2022), однако, на наш взгляд, следует также считать его разновидностью речевой агрессии. Еще одно популярное

в медиа средство речевой агрессии — словообразовательные неологизмы. Заметим, что подробный словообразовательно-семантический анализ агентивов-неологизмов был проведен в работе З.И. Минеевой (Минеева, 2016).

Методы и материалы

Материалом статьи послужили тексты новостных интернет-порталов «Коммерсант»¹, «Лента.ру»², «Новая газета»³, «Вечерняя Москва»⁴, «Газета.ру»⁵, «Парламентская газета»⁶, «Эхо Севера»⁷, «Комсомольская правда»⁸, информационного агентства «БНК»⁹, «Infozoid»¹⁰, «РИА Новости»¹¹ за 2010–2024 гг., а также примеры, заимствованные из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка¹². Объем материала составляет 505 цитат.

Использовался ряд методов: при исследовании внутренней структуры производных слов — описательный и словообразовательный; при определении значения производных слов — структурно-семантический; для точного установления значения лексем в данном вербальном контексте — контекстуально-семантического анализа. Классификационный метод послужил для изучения метафор агентивов.

Результаты

1. Речевая агрессия может проявляться путем метафоризации зоонимов и агентивов, обозначающих нереальных лиц, персонажей из известных произведений или фильмов.

2. В языке СМИ дискредитация человека может происходить за счет употребления агентивов с суффиксами *-oid*, *-уг-*, префиксами *псевдо-*, *квази-*, *недо-*, префиксоидом *лже-*.

3. Активное употребление лексических и грамматических средств выражения речевой агрессии показывает, что в медийном дискурсе наблюдается переход из плоскости не прямой речевой агрессии в плоскость прямой речевой агрессии.

4. Осознанность использования речевой агрессии усиливается, поскольку дискредитация референта наблюдается не только в цитациях прямой речи постороннего лица, но и в собственных высказываниях журналистов.

¹ Коммерсант. URL : <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 10.05.24).

² Лента.ру. URL : www.lenta.ru (дата обращения: 10.05.24).

³ СМИ и его сайт закрыты по решению Верховного суда РФ с 2022 г. (примечание редакции).

⁴ Вечерняя Москва. URL : <https://vm.ru> (дата обращения: 10.05.24).

⁵ Газета.ру. URL : <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 10.05.24).

⁶ Парламентская газета. URL : <https://www.pnp.ru> (дата обращения: 10.05.24).

⁷ Эхо Севера. URL : <https://www.echosevera.ru> (дата обращения: 10.05.24).

⁸ Комсомольская правда. URL : <https://www.kp.ru> (дата обращения: 10.05.24).

⁹ Информационное агентство «БНК». URL : <https://www.bnkomi.ru> (дата обращения: 10.05.24).

¹⁰ Infozoid. URL : <https://infozoid.ru> (дата обращения: 10.05.24).

¹¹ РИА Новости. URL : <https://ria.ru> (дата обращения: 10.05.24).

¹² Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.05.24).

Обсуждение

Метафора как средство речевой агрессии

В медийном дискурсе метафоры могут стать эффективным средством передачи мыслей, если они, с одной стороны, выразительны, экспрессивны, оригинальны, а с другой, семантически прозрачны, т.е. понятны для широкой читательской аудитории (Петрова, Рацибурская, 2011: 92). Намеренное использование метафор с отрицательной оценкой способствует не только моральной деградации и дискредитации объекта общения, но и его дегуманизации. Об агрессивных метафорах в телевизионном дискурсе см. работу (Волкова, 2021: 15).

Употребление зоонимов с оскорбительной целью не является новым феноменом. Известно, что в своей переписке с Андреем Курбским Иван Грозный отождествлял своего оппонента с собакой: *Что же ты, собака, совершив такое злодейство, пишешь и жалуешься?* Лексемы с зоосемантикой могут служить для дискредитации референта, потому что он лишается своего главного достоинства: человеческой сущности. В разговорной речи для дегуманизации широко используются зоонимы *баран, вошь, глиста, зверь, змея, кит, коза, козёл, корова, паразит, селедка, скот, слон, стрекоза, таракан, червь* и др. Некоторые из них попадают и в язык СМИ, например:

*Бывший зампред Кировской городской думы Александр Семакин был не менее красноречив: «Это наша земля, мы должны здесь решать. А если не можем, значит, мы, как сейчас говорят, холопы, **бараны**»* (Коммерсант, 27.01.2020);

*Вышколенные. Но лучше бы были честнее. Короче, поболтался тут и там, но так и не решился ничего купить. Как-то надоели все эти ваши квартирно-строительные **тараканы** — то со сроками явно обман, то с планами застройки, то еще чего-нибудь не так* (Lenta.ru, 18.03.2019);

*А все это время круизная компания (которая тоже порядочные **козлы**) будет вам отвечать, что вам обязательно надо получить визу, что помочь она в этом не может и что без визы они не пустят вас на корабль* (Новая газета¹³, 24.07.2016);

*Другой пользователь Энди Уэли (Welsh Andy) задался вопросом, почему деньги налогоплательщиков «тратятся на этих **паразитов**»* (Lenta.ru, 09.11.2010);

*«Ты, **скотина**, на Аллее Ангелов стоял?»: Кеосаян высказался о Галкине¹⁴ после Симоньян* (Вечерняя Москва, 02.06.2022).

Обратим внимание, что в примерах выше цитируется прямая речь, поэтому данные высказывания выражают субъективную оценку говорящих, а не журналиста. Предположим, что в данных ситуациях журналисты считали себя медиатором эмоциональной установки цитируемых мнений, однако вольно или невольно стали коммуникатором речевой агрессии.

Метафоризации подвергаются агентивы, обозначающие нереальных лиц, персонажей из известных произведений или фильмов: *биоробот, вампир,*

¹³ СМИ и его сайт закрыты по решению Верховного суда РФ с 2022 г.

¹⁴ Признан в РФ иноагентом.

ведьма, демон, дроид, дьявол, зомби, оборотень, орк, упырь, чудовище и т.д. Саморефлексия тоже может иметь агрессивный характер, проявляющийся в самодеградации: *В интервью газете «Комсомольская правда», опубликованном 23 мая, Доренко заявил, что считает свою миссию на радиостанции выполненной. «В какой-то момент я ощутил себя забытым биороботом, которого заслали с определенной миссией. Но когда он миссию выполнил, его забыли вернуть обратно», — пояснил журналист мотивы своего ухода с радиостанции (Lenta.ru, 03.06.2008).* Референт часто дискредитируется за счет акцентирования его злодейского характера: *«Это не люди, это чудовища» Суд вынес приговор убийцам Ксении Каторгиной (Коммерсантъ, 25.06.2021); В надежде на примирение он забрал заявление, а сейчас говорит про полицейских: «Это оборотни в погонах, им не место в полиции» (Новая газета¹⁵, 15.06.2018).* Также Милонов объяснил, что Клинтон победит, потому что она *ведьма (Gazeta.ru, 08.11.2016); «Все последнее время эти „шайтаны“ были в бегах за пределами России, прятались в Сирии и в других странах <...>» (Парламентская газета, 13.10.2020); Упыри подошли к входной двери в квартиру потерпевшей, и в тот момент, когда бабушка открыла дверь, ворвались внутрь. Орки повалили женщину на пол комнаты, а один из нападавших сел ей на грудь. Затем не люди потребовали сообщить где хранятся деньги (Эхо Севера. 20.10.2023); И все выжившие упыри в погонах и без них разбежались бы по всему городу, как тараканы от дихлофоса (Комсомольская правда. 26.08.2023); Ранее Центробанк предупредил о риске появления «зомби-заемщиков» в России (Lenta.ru, 27.11.2020).* Заметим, что последние три примера содержат собственное субъектное суждение журналиста, что свидетельствует в пользу осознанного использования журналистом речевой агрессии в медийном дискурсе.

Словообразовательные средства речевой агрессии для образования агентов

Описанию словообразовательных средств речевой агрессии посвящено немало исследований, в т.ч. (Рацибурская, 2010; Петрова, Рацибурская, 2011). В разнообразных аспектах исследовались лексемы с исконно русскими и иноязычными суффиксами, суффиксоидами, префиксами, а также префиксоидами, обозначающие актуальные политические, общественные или экономические явления, предметы или лиц. Общая семантическая черта исследуемых аффиксов заключается в их способности выражать пренебрежительную, отрицательную или ироническую оценку с целью дискредитации референта.

В настоящей работе мы обратим внимание на агенты с пейоративной коннотацией, которые содержат сему сравнения или несоответствия норме. Такие агенты могут образоваться при помощи суффиксов *-oid*, *-уг-* и префиксов *псевдо-*, *квази-*, *недо-*, префиксоида *лже-*. Суффикс *-oid-* имеет семантику подобия: *либероид, путиноид, трампоид: Во время эфира на радиостанции «Вести FM» он сорвался на слушателя, который в сети обозвал его «путиноидом» и лакеем. (Lenta.ru, 21.12.2019);* в то время как суффикс жаргонного

¹⁵ СМИ и его сайт закрыты по решению Верховного суда РФ с 2022 г.

стиля *-уг-* подчеркивает отрицательные качества представителя какой-либо деятельности: *журналиюга, ворюга, шоферюга: Наши журналиюги в ранних обзорах как всегда информацию из пальца высасывают* (Новая ЛАДА ВЕСТА¹⁶, 2015). Префиксы *псевдо-*, *квази-* и префиксоид *лже-* указывают на фальшивый, неистинный, ненастоящий характер лица: *псевдодемократ, квазигерой, квазизащитник, квазиполитик, псевдобанкир, лжепредприниматель: Псевдобанкир предстанет перед судом за кражу денег у жителей Коми* (bnkomi.ru, 27.04.2024); *Зарубежные квазиполитики и псевдоученые на службе интересам Ильхама Алиева* (Инфотека 24, 18.01.2021). Префикс *недо-* акцентирует недостаточность необходимых качеств для реализации сущности, обозначенной производящей основой: *недоэколог, недоресторатор, недопрезидент, недожурналист, недополитик, недописатель, недо-Пушкин, недопсихолог: Казахстану необходим закон, который запретит деятельность недопсихологов* (LITER. Новости Казахстана, 28.12.2023); *Диснеевский недо-Пушкин скоро в кинотеатрах России* (Infozoid, 17.07.2019); *В Чечне оскорбившего Путина ведущего «Рустави 2» назвали недожурналистом* (РИА Новости, 08.07.2019). Факт, что данные примеры представляют собой высказывания, сформулированные работниками СМИ, приводит к выводу о речевой агрессии в собственной речи журналистов.

Заключение

Проведенный анализ показал, что процессы номинации, активные в разговорной речи, проникают не только в интернет-общение, но и в медиадискурс. Наше исследование позволяет прийти к выводу, что речевая агрессия стремительно распространяется на разные области коммуникации. Рассмотренные нами примеры использования метафор и оценочных аффиксов подтверждают выводы лингвистов о растущей значимости субъективной оценочности в сфере русскоязычных СМИ. Дискредитация референта путем речевой агрессии проявляется, с одной стороны, в цитациях прямой речи постороннего лица, а с другой, в собственных высказываниях журналистов. Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что осознанность в использовании речевой агрессии усиливается.

Список литературы

- Бакич (Самыличева) Н.А. Людические аспекты современных словообразовательных процессов // Социокультурные и лингвокультурные аспекты современных словообразовательных процессов : коллективная монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М. : Флинта, 2018. С. 125–155.
- Волкова С.Н. Лексико-семантические средства речевой агрессии в телевизионном дискурсе // Вестник московского государственного областного университета. 2021. № 2. С. 7–21. <http://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-2-6-21>
- Глухова И.Г. Лексико-семантические способы выражения речевой агрессии (на материале англоязычных печатных СМИ) // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). С. 62–70.

¹⁶ Новая ЛАДА ВЕСТА. URL : <https://pda.bvf.ru/forum/showthread.php?t=1084846&page=7> (дата обращения: 10.05.24).

- Девдариани Н.В., Рубцова Е.В.* Агрессия в языке и речи как социальная проблема // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 45–47.
- Закоян Л.М.* Выражение агрессии в современном русском и английском языках (на материале американского национального варианта английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : 2010.
- Золотых Л.Г., Фирсова М.А.* Языковая агрессия как компонент современного медиапространства (на материале телепередачи «Однако») // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 6. С. 136–140.
- Комарова Л.Р.* Язык и речевая агрессия : аналитический обзор / под ред. Э.Б. Яковлевой. М. : ИНИОН РАН, 2015. 74 с.
- Кондрашева Е.В., Тинина А.О.* Речевая агрессия в языке СМИ: разновидности и причины появления // Эпоха науки. 2018. № 14. С. 241–246. <https://doi.org/10.1555/2409-3203-2018-0-14-241-246>
- Копнина Г.А.* Этическая норма и проблема речевого манипулирования // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч. конференции. (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М., 2003. С. 252–254.
- Кормилицына М.А.* Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. № 8. С. 18–19.
- Кузнецов И.А.* Национально обусловленные модели конфликтной коммуникации в русских диалогических вопросно-ответных единствах // Активные процессы в современном русском языке : национальное и интернациональное : сб. науч. ст. / под. ред. Л.В. Рацибурской. М. : Флинта, 2021. С. 338–346.
- Лутовинова О.В.* Шейминг как речевой жанр // Жанры речи. 2022. Т. 17. № 3 (35). С. 212–219. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219>
- Минеева З.И.* Словообразовательно-семантический анализ агентивов современного русского языка // Język i metoda. 2016. № 3. С. 43–50.
- Никонова Н.В., Петрова А.С., Рашидова Д.Т.* Речевая агрессия : формы и сферы бытования. Культурно-национальная специфика проявления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 2. С. 413–418. <https://doi.org/10.30853/phil20220089>
- Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В.* Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М. : Флинта: Наука, 2011. 155 с.
- Рацибурская Л.В.* Социокультурные и политические аспекты современного медийного словотворчества // Социокультурные и лингвокультурные аспекты современных словообразовательных процессов : монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М. : Флинта, 2018. С. 54–82.
- Рацибурская Л.В.* Российская словообразовательная наука в XXI веке // Русистика. 2019. Т. 17. № 3. С. 276–299. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-3-276-299>
- Рацибурская Л.В., Жданова Е.А.* Специфика русских медийных новообразований в отражении социальных реалий // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 466–480. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480>
- Рацибурская Л.В., Николина Н.А., Фатхутдинова В.Г.* Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. № 2. Т. 19. 2020. С. 5–19. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.1>
- Сандакова М.В., Рацибурская Л.В.* Словообразовательные и лексические интенсификаторы в современном русском языке: активные процессы // Русский язык в школе. № 84 (6). 2023. С. 69–80. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-6-69-80>
- Сковородников А.П.* Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения : науч.-метод. бюллетень. № 2. Красноярск; Ачинск : 1997. С. 10–15.
- Торопкина В.А.* Прагматические аспекты современного медийного словотворчества: новообразования как средство речевого воздействия // Социокультурные и лингвокультурные аспекты современных словообразовательных процессов / под ред. Л.В. Рацибурской. М. : Флинта, 2018. С. 156–191.
- Щербинина Ю.В.* Русский язык : Речевая агрессия и пути ее преодоления. М. : Флинта, 2004. 224 с.

- Batár L. Diskurzusok elemzése nyelvi agresszió szempontjából. Doktori értekezés. Pécs, 2009. 242 p.
- Garaeva L.M., Nurieva G.R. Verbal Aggression of Interprofessional Communication : On the Material of Russian and English Languages // *International Journal of Society, Culture & Language*. 2020. Vol. 8. No. 3. Pp. 28–36.
- Samylicheva N., Gazda J. Derivative Neologisms as Sociocultural Dominants in the Russian and Czech Languages of the Modern Period // *SHS Web of Conferences*. 2020. 88. 01022. <http://doi.org/10.1051/shsconf/20208801022>
- Subosits I. A verbális agresszió // *Az agresszió problémái korunkban / I. Hárدي red.* Budapest : Szociális Munka Alapítvány, 1996. Pp. 101–114.
- Szabó É. A nyelvi agresszió megjelenése a politikai vitaműsorokban. // *Argumentum*. 2020. No. 16. Pp. 31–43. <http://doi.org/10.34103/ARGUMENTUM/2020/3>

Сведения об авторе:

Палоши Ильдико, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия, Н-1088, Будапешт, площадь Эдьетем, д. 1–3. *Сфера научных интересов*: аспектология, дериватология, неология, язык интернета, язык СМИ, семантика. Автор более 50 научных публикаций. ORCID: 0000-0002-8943-8695. E-mail: palosi.ildiko@btk.elte.hu

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-406-416

EDN: TAOGTR

Research article

Metaphors and subjective-evaluative affixes as means of expressing verbal aggression: nomina agentis in Russian media discourse

Ildikó Pálosi^{ORCID}

Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

✉ palosi.ildiko@btk.elte.hu

Abstract. The aim of the study is to analyze agentives as a means of expressing speech aggression in lexico-semantic and word-formation aspects. The relevance of the topic is that this linguistic problem has significant social projections. As a rule, speech aggression is considered within the framework of Internet communication, but nowadays it is also observed in the media space. For that reason, the study was conducted on the material of media texts published on various news Internet portals, some of them were borrowed from the newspaper subcorpus of the Russian National Corpus. Relying on the linguistic literature of 1997–2022, the author offers a brief overview of the studies on speech aggression in Russian-language media (typologization and means of expression). The author focuses on agentives, which are expressed by metaphors or derivatives with the semantics of similarity or non-compliance with some norm. Using the method of contextual-semantic analysis, in addition to zoonyms, the author presents agentives with the meaning of unreal persons, which, depending on the context, provide an opportunity for the addressee to cause moral damage to the referent, insult, humiliate, discredit, or even dehumanize him. The author considered the suffixes *-oid-* ‘-oid’, *-yг-* ‘-ug-’ and the prefixes *псевдо-* ‘pseudo-’, *квази-* ‘quasi-’, *недо-* ‘under-’, as well as the prefixoid *лже-* ‘pseudo-’. The analysis draws attention to the issue of the addressee’s awareness/unawareness of speech aggression. The results of the analysis confirm that subjective evaluation is becoming increasingly important in the sphere of Russian-language media. The discrediting of the referent by means of speech aggression is manifested, on the one hand, in quotations of direct speech of a bystander and, on the other hand, in journalists’ own statements. The conclusion is that the consciousness of speech aggression is noticeably increased.

Keywords: pragmalinguistics, verbal aggression, discrediting, zoonym, word formation, suffixes, evaluation, the Russian language

Conflict of interests. The author declares no conflict of interests.

Article history: received 25.12.2023; accepted 06.04.2024.

For citation: Pálosi, I. (2024). Metaphors and subjective-evaluative affixes as means of expressing verbal aggression: nomina agentis in russian media discourse. *Russian Language Studies*, 22(3), 406–416. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-406-416>

References

- Bakich (Samylicheva), N.A. (2018). Ludic aspects of modern word-formation processes. In L.V. Ratsiburskaya (Ed.), *Sociocultural and linguopragmatic aspects of modern word-formation processes: a collective monograph* (pp. 125–155). Moscow: Flinta Publ. (In Russ.).
- Batár, L. (2009). Analysis of discourses in terms of linguistic aggression. (Doctoral dissertation, Pécs).
- Devdariani, N.V., & Rubtsova, E.V. (2019). Aggression in language and speech as a social problem. *Karelian Scientific Journal*, 8(1), 45–47. (In Russ.).
- Garaeva, L.M., & Nurieva, G.R. (2020). Verbal aggression of interprofessional communication: On the material of Russian and English languages. *International Journal of Society, Culture & Language*, 8(3), 28–36.
- Glukhova, I.V. (2017). Lexico-semantic ways of expressing speech aggression (based on the material of the English-language print media). *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philological sciences*, (12(408)), 62–70. (In Russ.).
- Komarova, L.R. (2015). *Language and speech aggression: The analytic review*. In E.B. Yakovleva (Ed.). Moscow: INION RAN Publ. (In Russ.).
- Kondrasheva, E.V., & Tinina, A.O. (2018). Verbal aggression in the language of media: The varieties and causes. *Era of Science*, (14), 241–246. (In Russ.). <https://doi.org/10.1555/2409-3203-2018-0-14-241-246>
- Kopnina, G.A. (2003). The ethical norm and the problem of speech manipulation. *Russian studies on the threshold of the XXI century: Problems and prospects: Proceedings of the international scientific conference* (pp. 252–254). Moscow. (In Russ.).
- Kormilitsyna, M.A. (2008). Some results of the study of processes occurring in the language of modern newspapers. In M.A. Kormilitsyna & O.B. Sirotinina (Eds.), *Problems of speech communication*, (vol. 8, pp. 18–19). Saratov: Saratov State University Publ. (In Russ.).
- Kuznetsov, I.A. (2021). Nationally determined models of conflict communication in Russian dialogical question-and-answer units. In L.V. Ratsiburskaya (Ed.), *Active processes in modern Russian: National and international* (pp. 338–346). Moscow: Flinta Publ. (In Russ.).
- Lutovinova, O.V. (2022). Shaming as a Speech Genre. *Speech Genres*, 17(3), 212–219. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219>
- Mineeva, Z.I. (2016). Word-formation and semantic analysis of the agentives of the modern Russian language. *Język i metoda*, (3), 43–50. (In Russ.).
- Nikonova, N.V., Petrova, A.S., & Rashidova, D.T. (2022). Verbal aggression: Forms and spheres of existence. *Cultural and National Specificity of Manifestation. Philology. Theory & Practice*, 15(2), 413–418. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20220089>
- Petrova, N.E., & Ratsiburskaya, L.V. (2011). *The language of modern media: Means of speech aggression*. Moscow: Flinta: Nauka Publ. 155 p. (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L.V. (2018). Sociocultural and political aspects of modern media word-formation. In L.V. Ratsiburskaya (Ed.), *Sociocultural and linguopragmatic aspects of modern word-formation processes*. (pp. 54–82). Moscow: Flinta Publ. (In Russ.).
- Ratsiburskaya L.V. (2019). Word-building science in Russia in the XXI century // *Russian Language Studies*, 17(3), 276–299. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-3-276-299>
- Ratsiburskaya, L.V., Nikolina, N.A., & Fatkhutdinova, V.G. (2020). New Phenomena in the Sphere of Derivation Formants as Reflection of the Dynamics of the Russian Language Word-Formation System. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 19(2), 5–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.1>
- Ratsiburskaya, L.V., & Zhdanova, E.A. (2021). The specificity of Russian media neoplasms in the reflection of social realities. *Russian Language Studies*, 19(4), 466–480. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480>

- Samylicheva, N.A., & Gazda, J. (2020). Derivative Neologisms as Sociocultural Dominant in the Russian And Czech Languages of the Modern Period. *SHS Web of Conferences*, 88, 01022. <http://doi.org/10.1051/shsconf/20208801022>
- Sandakova, M.V., & Ratsiburskaya, L.V. (2023). Derivational and lexical intensifiers in modern Russian: active processes. *Russian language at school*, 84(6), 69–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-6-69-80>
- Shcherbinina, Yu.V. (2004). *Russian language: Speech aggression and ways to overcome it*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.).
- Skovorodnikov, A.P. (1997). Linguistic violence in the contemporary Russian press. *Theoretical and applied aspects of verbal communication*, 2, 10–15. Krasnoyarsk; Achinsk. (In Russ.).
- Subosits, I. (1996). Verbal aggression. In I. Hárđi (Ed.), *The problems of aggression in our time* (pp. 101–114), Budapest: Szociális Munka Alapítvány Publ.
- Szabó, É. (2020). The appearance of linguistic aggression in political debate programs. *Argumentum*, 16, 31–43. <http://doi.org/10.34103/ARGUMENTUM/2020/3>
- Toropkina, V.A. (2018). Pragmatic aspects of modern media word-making: neoderivatives as a means of speech influence. In L.V. Ratsiburskaya (Ed.), *Sociocultural and linguopragmatic aspects of modern word-formation processes* (pp. 156–191) Moscow: Flinta Publ. (In Russ.).
- Volkova, S.N. (2021). Lexico-Semantic Means of Speech Aggression in Television Discourse. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, (2), 6–21. (In Russ.). <http://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-2-6-21>
- Zakoyan, L.M. (2010). Expression of aggression in modern Russian and English (based on the material of the American national version of the English language). [Author's abstr. cand. philol. diss.] Moscow. (In Russ.).
- Zolotykh, L.G., & Firsova, M.A. (2016). Linguistic aggression as a component of modern media space (based on the material of the TV show “However”). *Vestnik of Kostroma State University*, (6), 136–140. (In Russ.).

Bio note:

Ildikó Pálosi, PhD, Senior Lecturer of the Department of Russian Language and Literature, Eötvös Loránd University, 1–3 Egyetem tér, Budapest, H-1088, Hungary. *Research interests*: aspectology, derivatology, neology, Internet language, media language, semantics. The author of more than 50 scientific works. ORCID: 0000-0002-8943-8695. E-mail: palosi.ildiko@btk.elte.hu

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-417-432

EDN: TBQXYG

Научная статья

Языковая игра на русскоязычных интернет-форумах

М.В. Радченко^{ID}Задарский университет, *Задар, Хорватия*✉ radcenko@unizd.hr

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного изучения лингвокреативной деятельности участников интернет-коммуникации, реализующейся посредством языковой игры. В неформальной интернет-коммуникации языковая игра, как проявление лингвокреативности, выступает в качестве средства самопрезентации и развлечения, охватывая все уровни языковой системы, в первую очередь графический, словообразовательный, лексический. Цель исследования состоит в выявлении наиболее частотных видов языковой игры, создаваемых в ходе неформального общения и встречающихся в текстах, представленных на русскоязычных интернет-форумах, участниками которых являются жители Российской Федерации, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. Авторский корпус, материал для которого отбирался путем сплошной выборки в период с октября 2022 г. по март 2024 г., насчитывает 396 контекстов, содержащих различные разновидности языковой игры. В ходе исследования применялись методы описательно-аналитического, контекстуального, семантико-стилистического и словообразовательного анализа. Новизну работы определяет специфика языкового материала и анализ конкретных способов проявления лингвокреативности в интернет-дискурсе. Теоретическую базу составляют труды российских и зарубежных исследователей в области теории языковой игры и лингвокреативности. Доказано, что лингвокреативность коммуникантов, обусловленная анонимностью общения, а также спонтанностью и свободой выражения на форуме, реализуется в языковой игре, использующей средства разных уровней языка. В результате анализа собранного материала выявлены наиболее частотные приемы языковой игры в неформальной компьютерно-опосредованной коммуникации на русскоязычных интернет-форумах, такие как нестандартное использование графических средств, создание окказиональных новообразований, различные преобразования фразеологизмов, цитат и других устойчивых выражений. Перспективы видятся в дальнейшем изучении лингвокреативного потенциала компьютерно-опосредованной коммуникации на материале русского языка, а также в сопоставительных исследованиях с использованием в качестве материала в первую очередь данных других славянских языков.

Ключевые слова: лингвокреативность, компьютерно-опосредованная коммуникация, русский язык, графическая игра, словообразовательная игра, окказионализм, прецедентный текст

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию: 05.03.2024; принята к печати: 18.06.2024.

Для цитирования: Радченко М.В. Языковая игра на русскоязычных интернет-форумах // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 417–432. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-417-432>

© Радченко М.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Языковая игра — одна из форм лингвокреативной деятельности, представляющая собой творческое, неконвенциональное использование моделей и структур языка. Одной из причин отсутствия в научной литературе единого, общепризнанного определения термина «языковая игра» следует признать много-аспектность и сложность этого явления: «Даже если понимать языковую игру в узколингвистическом смысле — она вездесуща и многолика. И потому она проникает во все сферы человеческой жизни, от бытовой сферы, где она существует в виде ходячей шутки <...>, до рекламного слогана, газетного фельетона, ораторской речи и поэтического произведения. Языковая игра вездесуща и потому, что освоила все языковые уровни — фонику, словообразование, лексику, синтаксис» (Береговская, 1999: 159–160). Данный феномен описывается как «нетрадиционное, неканоническое использование языка, творчество в языке, ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» (Норман, 1987: 168). Предпосылкой языковой игры является «асимметрия языкового знака, стремление прежней формы приобретать новые значения и тенденция прежних значений выражаться посредством новых форм» (Коновалова, 2008: 15). Существование целого ряда трактовок и определений языковой игры во многом обусловлено различными подходами к пониманию данного феномена. Подытоживая результаты изучения явления языковой игры в российском языкознании конца XX — начала XXI в., исследователи выделяют два основных подхода к языковой игре (ЯИ): «представители первого связывают ЯИ с сознательным нарушением нормы, вторые видят в ЯИ отклонение от определенных правил, но в пределах нормы в обоих определениях подчеркивается деструкция речевой нормы и творческий характер ЯИ» (Ильясова, Амири, 2018: 33).

В российской лингвистике на сегодняшний день существует немало работ, в которых представлены результаты исследования русскоязычной языковой игры в разговорной речи (Земская и др., 1983; Коновалова, 2008), в художественной литературе (Санников, 2002; Гридина, 1996, 2013; Абдулганеева, 2022), в языке средств массовой информации и рекламы (Ильясова, Амири, 2009, 2018; Курганова, 2004).

Особую актуальность приобретает изучение многообразных способов и приемов языковой игры в интернет-коммуникации, поскольку именно «интернет-пространство является той коммуникативной «территорией», где ярко проявляется лингвокреативная составляющая речевой деятельности, в частности обусловленная спонтанностью интернет-переписки и свободой творческой самопрезентации субъектов коммуникации при использовании нестандартной формы и/или содержания сообщения» (Гридина, Талашманов, 2019: 31). По мнению исследователей, широкое распространение языковой игры в неформальной интернет-коммуникации обусловлено прежде всего свободой Интернета как явления современности в целом: «Люди получили практически неограниченную свободу самовыражения, демонстрации своих языковых, коммуникативных способностей и культурного потенциала, возможность диалога, дискуссии, распространения своих мыслей, знаний, а вместе

с тем и возможность играть, развлекаться, шутить» (Викторова, 2018: 295–296). Таким образом, в своей речевой деятельности посетитель Интернета переходит на позиции «человека играющего» (Трофимова, 2011: 277).

Явление лингвокреативности в новых жанрах компьютерно-опосредованной коммуникации подробно рассмотрено в ряде научных работ (Дускаева, Иванова, 2023; Чернявская, 2020; Каллистратидис, Ильясова, 2022 и др.). Российские лингвисты все чаще обращаются к исследованию механизмов и функциональных особенностей языковой игры в интернет-коммуникации (Шарифуллин, 2012; Ильясова, Каллистратидис, 2012; Каллистратидис, 2013; Лутовинова, 2015; Гридина, Талашманов, 2019 и др.). Ученые отмечают, что в интернет-коммуникации реализуются различные функции языковой игры: аттрактивная, экспрессивная, эмотивная, оценочная, языкотворческая, эвристическая, а также маскировочная (Каллистратидис, 2013: 7; Самигулина, Жабина, 2015: 312).

Безусловно, специфика функционирования языковой игры в неформальном интернет-общении обусловлена, в частности, особым устно-письменным характером речи. Как российские, так и зарубежные исследователи обращают внимание на свойственную интернет-опосредованному общению особую форму коммуникации, возникающую в результате сближения устной и письменной форм реализации языка (Crystal, 2001: 48; Лутовинова, 2008: 58–65; Трофимова, 2011: 82–83 и др.).

Анонимность общения на форуме способствует спонтанности и свободе выражения, а также создает благоприятные условия для лингвокреативной деятельности коммуникантов, реализующейся посредством языковой игры, в которую вовлекаются языковые средства разных уровней. В ряде исследований, посвященных изучению проявлений языковой игры в различных типах дискурса, игровые приемы классифицируются в соответствии с языковыми уровнями, на которых они используются (Санников, 2002; Коновалова, 2008; Ильясова, Амири, 2018). Особенности реализации языковой игры рассматриваются на фонетическом, графическом, морфологическом, словообразовательном, лексическом, синтаксическом уровнях, выделяется также игра на основе прецедентных феноменов. В качестве теоретической базы для нашей работы послужили исследования, в которых предлагается классификация лексических средств языковой игры в интернет-коммуникации в соответствии с их принадлежностью к тому или иному уровню языковой системы (Каллистратидис, 2013; Лутовинова, 2015 и др.). В нашем исследовании предпринята попытка выявления и анализа наиболее распространенных разновидностей языковой игры на материале текстов письменных полилогов, создаваемых в ходе общения на русскоязычных интернет-форумах.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения лингвокреативной деятельности участников интернет-коммуникации, реализующейся посредством языковой игры. Новизна исследования обусловлена спецификой языкового материала и связана с анализом конкретных способов проявления лингвокреативности в интернет-дискурсе. Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит определенный вклад в исследование феномена языковой игры в неформальном интернет-опосредованном общении на материале русского языка.

Цель исследования — выявить наиболее частотные виды языковой игры в неформальной интернет-коммуникации на русскоязычных интернет-форумах, а также проанализировать некоторые особенности реализации различных игровых приемов.

Методы и материалы

В работе использовались следующие методы и приемы исследования: сплошная выборка (при подборе языкового материала); описательно-аналитический, включающий обобщение, интерпретацию и классификацию исследуемого материала; контекстуальный и семантико-стилистический анализ; словообразовательный анализ, нацеленный на определение механизмов образования единиц и выявление их словообразовательной структуры.

Материалом исследования — тексты сообщений, которыми обмениваются пользователи в рамках неформального, непринужденного общения на русскоязычных интернет-форумах Forum.Exler.ru¹ и Web-Dialog.com². Участниками данных форумов — жители Российской Федерации, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. Материал отбирался путем сплошной выборки в период с октября 2022 г. по март 2024 г. и вошел в авторскую картотеку, насчитывающую 396 контекстов, представляющих различные разновидности языковой игры.

Результаты

Исследование показало, что основными средствами реализации языковой игры на русскоязычных интернет-форумах являются графические, словообразовательные и лексические.

Языковая игра на графическом уровне осуществляется с помощью приемов грамма-редупликации, капитализации, голофразиса, обыгрывания иноязычных элементов. Частотны игровые приемы, характерные для неформальной интернет-коммуникации, такие как литуратив и эрратив.

Словообразовательная игра — выразительное средство, придающее высказыванию юмористическую, ироническую, сатирическую окраску. Явление языковой игры находит наиболее яркое отражение в новообразованиях, созданных нестандартными, специфическими способами. К невуальным способам, используемым при производстве игровых окказиональных новообразований, в собранном нами материале следует отнести контаминацию, деривацию по конкретному образцу, чересступенное словообразование, редеривацию, прием рифмованного эхо.

Обыгрывание прецедентных текстов, к которым относятся выражения, общеизвестные в определенном лингвокультурном сообществе, представляет собой один из наиболее часто используемых приемов языковой игры. При этом происходят различные преобразования оригинального прецедентного текста, предполагающие сужение или расширение его компонентного состава,

¹ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/> (дата обращения : октябрь 2022 — март 2024).

² Web-Dialog.com. URL : <https://web-dialog.com> (дата обращения : октябрь 2022 — март 2024).

замену одного или нескольких компонентов, производство окказиональных новообразований на базе слов в составе исходного текста и др. Повышенная экспрессивность преобразованного прецедентного текста обусловлена ассоциациями, возникающими у реципиентов при сопоставлении трансформированного устойчивого выражения с общеизвестным источником.

Пользователи интернет-форумов нередко прибегают к совмещению двух и более игровых приемов, о чем свидетельствуют примеры обыгрывания прецедентного текста в сочетании со словообразовательной или графической игрой. Совмещение нескольких игровых приемов с использованием разноуровневых языковых средств в их взаимодействии приводит к усилению экспрессивности и оценочности.

Обсуждение

Графическая игра

Устно-письменный характер сетевого общения часто проявляется как намеренное изменение орфографического облика слова с целью передачи орфоэпических или фонетических особенностей, а также для усиления экспрессивности. Одним из распространенных видов графической языковой игры в интернет-коммуникации на русском языке является эрратив — нарочитое искажение графической формы слова. Исследователи указывают на отличия языковой игры в интернет-коммуникации от языковой игры внесетевого характера, проявляющиеся, в частности, «в усилении эстетической значимости графических средств, а также в широком использовании орфографической (точнее — антиорфографической) игры» (Колокольцева, 2011: 3). Языковая игра основывается на нарушении нормы одного слова в целом или одной буквы в нем, например³: «Привет всем. Реал всосал, не **выберисси**»⁴; «Этого треша в **энторнетах** полно. Новые „**журналы**“, которым нужны бесплатные редакторы и рецензенты и неприкаянные **афтары**, которых в серьезные издания не берут, и которые будут за все это платить»⁵. Игровая фонетизация письма в неформальной интернет-коммуникации связана с известным под названием «олбанский язык» (Кронгауз, 2013) и распространенным в Рунете в первом десятилетии XXI в. особым стилем употребления русского языка, характеризующимся фонетически нередко почти верным, но орфографически всегда нарочно неправильным написанием слов (эрратив).

Пользователи русскоязычных интернет-форумов активно применяют средства графики для выражения таких вариаций звучания как удлинение гласного или согласного звука. Частотны примеры умножения букв: грамматическая дупликация — «повтор буквы, усиливающий выразительность слова» (Попова, 2008: 110). Многократное повторение букв осуществляется, как правило, в эмоционально значимых словах и является одним наиболее частотных

³ В приведенных в статье примерах сохраняется авторская орфография и пунктуация.

⁴ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=77700> (дата обращения : 11.03.2024).

⁵ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=81900> (дата обращения : 12.03.2024).

средств, используемых для усиления экспрессивности. Имитируя на письме спонтанную устную речь путем повторения букв, пользователи интернет-форумов пытаются выразить различные чувства (радость, восхищение, негодование и др.), а также привлечь внимание собеседников, например: «*Вышли то ли пирожные, то ли мини-наполеоны, **стрррашные**, но вкусные*»⁶; «*Доброе утро! **Каникуууулыыыы!***»⁷; Подобные «фононаписания», обладающие признаками естественной устно-разговорной речи (высокая вариативность, некодифицированность, эмоциональность), свидетельствуют о сближении в интернет-общении письменной речи с устной разговорной формой языка, представляя собой новое выразительное средство (Барышева, 2021: 38).

В сообщениях пользователей интернет-форумов представлена и капитализация — прием графической игры, заключающийся в неузואльном чередовании строчных и прописных букв, что приводит к актуализации в составе исходного слова иных лексем: «*Обещаная чашка с лосями! Можно даже сказать тост про ЛОСЯ... Чтоб жиЛОСЯ и могЛОСЯ! Ещё раз с Праздником!*»⁸.

Одним из традиционных приемов графической игры является слияние (голофразис) — образование нового слова на базе словосочетания или предложения путем ликвидации пробелов между словами или замены пробела дефисом. Голофрастическая конструкция является своего рода выразителем принципа экономии языковых усилий, «мегазнаком, в котором в одной единице номинируется целый семантический комплекс» (Ковынева, 2017: 111). При этом значение данного комплекса синонимично значению входящих в него слов, например: «*Дорогой сотредник с **труднопроизносимымником**, ты опять троллишь*»⁹; «*Меня завтра к директору в школу вызывают. **Неговоритенненичего**. Пью валерьянку*»¹⁰.

Употребление иноязычных, в основном англоязычных, элементов, является эффективным приемом языковой игры, появляющимся в сообщениях пользователей русскоязычных интернет-форумов. Иноязычные слова и выражения в оригинальном написании или переданные с помощью графических средств принимающего языка привлекают внимание своей необычностью и приводят к созданию поликодового текста: «*В последнее время муж почему то предпочитает сидеть в **living room** со своим **laptop***»¹¹; «*А может быть предложить что нибудь на тему подготовки студентов к **real life***»¹²; «*И мы ждем из Али*

⁶ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=190103&st=31900#entry39719569> (дата обращения : 12.03.2024).

⁷ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=59641&st=26450> (дата обращения : 12.03.2024).

⁸ Web-Dialog.com. URL : <https://web-dialog.com/threads/ptichkiny-raznosti.14924/page-16#post-318152> (дата обращения : 20.03.2024).

⁹ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=115900> (дата обращения : 10.03.2024).

¹⁰ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=63900> (дата обращения : 13.03.2024).

¹¹ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=74800> (дата обращения : 12.03.2024).

¹² Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=76550#entry39635536> (дата обращения : 12.03.2024).

новогодние *фэмили лук пижамы*»¹³ (ср.: англ. *family look*); «*Ну, что ханни-бёздайтуми*»¹⁴ (голофрастическая конструкция образована на базе английского выражения *Happy birthday to me* ‘С днем рождения меня’). Подобное шутовое заимствование или кодовое переключение / кодовое смешение в неформальной интернет-коммуникации не обусловлено какими-либо семантическими потребностями, однако выполняет важную эстетическую функцию — «нарушать автоматизм речи, привлекать внимание, создавать непринужденную, раскованную атмосферу, вызывать улыбку собеседника, оживлять разговор» (Ривлина, 2011: 87).

Одним из графических приемов языковой игры, характерных для неформальной коммуникации на русскоязычных интернет-форумах, является прием зачеркивания текста. Зачеркнутое сообщение (литуратив) создает двойной план высказывания, а эффект языковой игры возникает на основе сравнения двух вариантов — официального и якобы скрытого: «Итоговый текст с литуративом — это результат мнимой интеллектуальной или эмоциональной рефлексии типа „На самом деле я хотел сказать *это*, но по здравому размышлению скажу вот *это*“. Мнимой, т.к. автор намеренно демонстрирует оба варианта, ибо хотел сказать и *это* и *это* одновременно, и в этом правила и суть игры» (Булавина, 2012: 45). Например, зачеркивая часть устойчивого выражения, автор иронизирует над склонностью людей к идеализации прошлого: «*Раньше лужи были глубже, а трава зеленей наступала зима — всё, понятно, минус-минус. А теперь поди пойми. Каждое утро смотреть на градусник, что там*»¹⁵. В следующем примере зачеркивание стилистически сниженного словосочетания призвано смягчить отрицательную эмоциональную оценку и нейтрализовать тональность высказывания: «*Но надо сказать таких, лезущих в драчку со всеми неуживчивых здесь мало*»¹⁶.

Словообразовательная игра

Языковая игра на словообразовательном уровне заключается в производстве окказионализмов, намеренно создаваемых автором для использования в определенном контексте и обладающих повышенной выразительностью на фоне узуальных лексем. Создание игровых новообразований может осуществляться как узуальными (нередко с теми или иными отступлениями от деривационной нормы), так и неuzuальными способами (Ильясова, Амири, 2018; Абдулганеева, 2022).

Игровые новообразования стандартной словообразовательной структуры нередко отличаются эмоционально-негативной оценочностью, что может быть

¹³ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=62650> (дата обращения : 10.03.2024).

¹⁴ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=78050> (дата обращения : 10.03.2024).

¹⁵ Forum.Exler.ru. URL <https://club443.ru/index.php?showtopic=59641&st=25550#entry39638595> (дата обращения : 10.03.2024).

¹⁶ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=85950> (дата обращения : 12.03.2024).

обусловлено использованием пейоративных словообразовательных морфем или семантико-стилистическими особенностями производящей лексемы. Например, существительные с суффиксом *-атин(а)/-ятин(а)* называют вещественное собирательное понятие обычно с экспрессией неодобрения, отрицательной оценки: «*Сегодня тянет на всякую хипстерятину и в еде, и вообще по духу*»¹⁷. Игровой эффект может создаваться в результате объединения в новообразовании основы слова, имеющего сниженный характер или вызывающего в сознании адресата неприятные ассоциации и отрицательные эмоции, и суффикса, который является нейтральным или отличается книжной стилиевой окраской. Так, окказиональное существительное *барахлизм* мотивировано разговорным существительным *барахло*, имеющим пренебрежительный оттенок: «*А вообще у меня чуток есть барахлизма от мамы, я человек запасливый и когда у меня в шкафах пусто, мне некомфортно, поэтому всегда что-то лишнее будет висеть, что-то с запасом будет куплено, а вдруг пригодится...*»¹⁸.

Активно образование окказионализмов при помощи размерно-оценочных суффиксов, например, увеличительного суффикса *-ищ(е)*: «*Это он сам перфекционист. Перфекционистище*»¹⁹; «*Кот тут прохаживается иногда. Толстый, вальяжный мизантропище*»²⁰. Частотны примеры новообразований с уменьшительно-ласкательными суффиксами в пейоративном употреблении, передающими, как правило, «не столько позитивную оценку, сколько экспрессию пренебрежения, презрения, уничижительности» (Рацибурская, 2016: 191). Ср., например, окказиональное новообразование с суффиксом *-ок*: «*Подумываю о том чтобы совсем от сбера отказаться. Уж больно прижмистый банчок. Всё ему денег со всех содрать надо*»²¹.

Повышению выразительности и усилению оценочности окказионализма способствует нанизывание префиксоидов: «*Ты опять купил кофточку из рециклированного полиэстера и опять помог природе. Как меня это бесит. Мы придумали очередную фигню, это супер-грин-эко-френдли, дай мне свои деньги, а если нет, то ты не заботишься о планете*»²².

Яркой экспрессивностью и необычностью отличаются окказионализмы нестандартной словообразовательной структуры, при образовании которых происходит нарушение семантических ограничений в сочетаемости морфем или условий словообразовательного типа. Например, окказиональное существительное *интровертыч* демонстрирует нарушение условий словообразо-

¹⁷ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=194390&st=228250#entry39644155> (дата обращения : 15.03.2024).

¹⁸ Web-Dialog.com. URL : <https://web-dialog.com/threads/xranite-li-vy-starye-veschi.25266/page-2#post-3124229> (дата обращения : 25.03.2024).

¹⁹ Web-Dialog.com. URL : <https://web-dialog.com/threads/kto-chto-segodnja-gotovil-4.208/page-180#post-2519> (дата обращения : 24.03.2024).

²⁰ Web-Dialog.com. URL : <https://web-dialog.com/threads/strana-klenovogo-lista.25021/page-3#post-3735> (дата обращения : 25.03.2024).

²¹ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=51250#entry39506626> (дата обращения : 15.03.2024).

²² Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=76850> (дата обращения : 21.03.2024).

вательного типа, так как суффикс *-ич/-ыч*, имеющий значение ‘сын того, кто назван мотивирующим словом’, в современном русском языке используется для образования отчеств, присоединяясь к собственным мужским именам: «Уж на что я интроверт **интровертыч**, а и то новых подруг в лагере периодически заводила»²³.

Значительная часть игровых новообразований в неформальной интернет-коммуникации создается нестандартными способами, характерными для окказиональной деривации.

Способ чересступенного словообразования отличается особой экспрессивностью, так как автор при производстве слова как бы додумывает словообразовательную цепочку, не реализуя ее в языковых формах. Окказиональное существительное *плюшкование* образовано от имени собственного *Плюшкин* с пропуском глагольной формы *плюшковать*, отсутствующей в русском языке: «Я в **плюшковании** — абсолютный рациональный середнячок. Но зато выбрана хранителем выпускной стенгазеты нашего 10 „А“. Ей 41 год. Стоит в рулоне»²⁴.

Об использовании безаффиксного способа при номинации лиц, так называемого обратного словообразования (редеривации), при котором формант не присоединяется, а удаляется из мотивирующего слова, свидетельствует следующий пример: «В Милане вон наши красотки и **красоты** зажигают как в старые времена»²⁵. Путем редеривации образован и окказионализм *досып*. В данном случае из мотивирующего слова удаляется часть форманта — приставки *недо-*: «Бывает хронический *недосып*, а у неё хронический **досып**»²⁶.

Одним из характерных приемов словообразовательной игры является деривация по конкретному образцу, т.е. создание окказионализма по аналогии со структурой конкретного слова-прообраза. Например, новообразование *накривую* построено по образцу узуального наречия *напрямую*: «В рабочее время можно много чего делать, в т.ч. и в игрушки играть. Они, конечно, ни *напрямую*, ни **накривую** к работе не относятся, но...»²⁷.

В текстах интернет-форумов представлен особый тип игрового словообразования, который в отечественной лингвистике получил различные названия: «прием рифмованного эха» и «эхо-конструкция» (Земская и др., 1983: 193–194), а также «фокус-покус прием» (Ильясова, Амири, 2018: 222). Его применение приводит к образованию окказиональных рифмованных сложений. Как правило, первая часть сложения является знаменательной основой, в то время как вторая часть представляет собой псевдоморфему, созданную путем преобразования узуальной лексемы. Нередко «слово-эхо» содержит

²³ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204674&st=100> (дата обращения : 16.03.2024).

²⁴ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204911> (дата обращения : 16.03.2024).

²⁵ Web-Dialog.com. URL : <https://web-dialog.com/threads/prixodite-v-gosti.59/page-162#post-3201> (дата обращения : 20.03.2024).

²⁶ Web-Dialog.com. URL : <https://web-dialog.com/threads/o-chem-sejchas-dumaesh-9.241/page-170> (дата обращения : 23.03.2024).

²⁷ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=59641&st=28150#entry39689651> (дата обращения : 16.03.2024).

в начале сочетание *шм*, например: «*Что бы там не трюндели всякие заинтересованные умники про то, как хранить деньги на черный день, акции-шмакции, а доллары и в Африке доллары*»²⁸.

К неузואальным способам производства окказионализмов относится также контаминация, при которой новое слово создается в результате совмещения производящих основ как минимум двух исходных лексем. При этом производящие основы могут подвергаться неморфемному усечению. В контаминированном новообразовании сочетается семантика обоих исходных слов, а при создании окказионализма нередко происходит наложение звуковых сегментов основ (полных или усеченных): «*Все эти эксперты диванные вояки, диваняки*»²⁹ (диван + вояки = диваняки); «*В обычном цветочном купила. Чего я вообще туда зашла, сама не знаю. Пялилась на комнатные цветы, как обычно, я же из этих, „цветанутых“*»³⁰ (цветы + шизанутый = цветанутый).

Игра с прецедентными текстами

В сообщениях участников интернет-форумов нередко обыгрываются прецедентные тексты — прозаические цитаты, строки из стихотворений и известных песен, названия кинофильмов, художественных и публицистических произведений, поговорки, пословицы, фразеологизмы и другие выражения, которые «знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» (Гудков и др., 1997: 102). Прецедентный текст при этом нередко подвергается различным преобразованиям. Трансформация прецедентной единицы представляет собой «особый вид языковой игры по оси „привычное — новое“, часто создающей эффект обманутого ожидания и усиливающей экспрессивно-эстетическое впечатление, производимое оборотом» (Селиверстова, 2020: 467).

По нашим наблюдениям, один из наиболее широко распространенных способов трансформации прецедентного текста заключается в замене одного или нескольких компонентов в составе исходного выражения на слово или слова, которые имеют непосредственное отношение к содержанию сообщения. В примере «*Как бананы могут быть невкусными? Мне казалось что они уж точно „зимой и летом одним... вкусом“*»³¹ обыгрывается загадка про хвойные деревья: «*Зимой и летом одним цветом*».

Преобразование прецедентного текста может происходить путем изменения количественного состава исходного выражения, т.е. его сужения или расширения, в некоторых случаях сопровождаемого различными грамматическими преобразованиями компонентов, например: «*А когда-то надо еще*

²⁸ Web-Dialog.com. URL : <https://web-dialog.com/threads/o-chem-sejchas-dumaesh-8.322/page-150> (дата обращения : 21.03.2024).

²⁹ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=116700> (дата обращения : 11.03.2024).

³⁰ Web-Dialog.com. URL : <https://web-dialog.com/threads/kak-vyjti-iz-depressii.18739/page-17> (дата обращения : 22.03.2024).

³¹ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=190103&st=30050#entry39671901> (дата обращения : 13.03.2024).

ребенка воспитывать, работа тоже не волк, в лес не убегают совсем»³² (ср.: пословица «Работа не волк — в лес не убежит»). Ярко выраженную шутивно-ироническую окраску придает тексту расширение прецедентной единицы при помощи словосочетания, повторяющего структуру исходного выражения: «*Не, мы ещё до полуночи гуляли вдоль моря, прикинула, что на каждого по полбутылки шампанского и полбутылки Киндзмараули. Но закуски было много, так что есть ещё порох в пороховницах и ягоды в ягодицах*»³³.

В некоторых случаях трансформация прецедентного текста может привести к его полной деформации, например, к вычленению и обособленному употреблению отдельных компонентов устойчивого выражения. Данные компоненты могут употребляться в составе словосочетаний или предложений, которые по структуре и лексическому составу отличаются от исходного выражения: «*Ну что ты, дорогая, это же классика, у себя бревна не мешают нигде*»³⁴ (ср.: пословица «В чужом глазу сучок видеть, а в своем бревна на замечать»).

Контаминация (смешение) нескольких прецедентных текстов является достаточно редким явлением. Чаще всего происходит смешение двух исходных выражений. Объединение противоположных по смыслу пословиц в сочетании с графической игрой (литуратив) иллюстрирует следующий пример: «*Вот так и живем, что в Москве, что на Западе по принципу человек человеку друг, товарищ и брат, волк*»³⁵ (ср.: «Человек человеку — друг, товарищ и брат» и «Человек человеку волк»). Совмещение различных приемов языковой игры обусловлено тем, что «в реальной языковой жизни отдельные приемы не функционируют изолированно» (Земская и др., 1983: 210). Нередко преобразование прецедентного текста сопровождается использованием графической игры, например, зачеркиванием части фразы из кинофильма «Берегись автомобиля»: «*К нам на следующей неделе дорогой гость приезжает, обязательно будет лимонник, а так же хочу ~~замахнуться на Вильяма, понимаете ли, м-м, нашего Шекспира на аджарские хачапури~~*»³⁶.

Обыгрывание прецедентного текста может сочетаться со словообразовательной игрой, например: «*Хожу валюту на рубли обмениваю, чернодневную*»³⁷ — сложное окказиональное существительное образовано на базе компонентов в составе фразеологизма «беречь / сберечь что-либо на черный день»; «*Теперь буду пакеты из магазина сразу выбрасывать или просить без*

³² Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=59641&st=28850#entry39706130> (дата обращения : 16.03.2024).

³³ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=62800> (дата обращения : 17.03.2024).

³⁴ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=80400> (дата обращения : 12.03.2024).

³⁵ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=85900#entry39703187> (дата обращения : 14.03.2024).

³⁶ Web-Dialog.com. URL : <https://web-dialog.com/threads/kto-chto-segodnja-gotovil-3.30065/page-204#post-3443419> (дата обращения : 13.03.2024).

³⁷ Forum.Exler.ru. URL : <https://club443.ru/index.php?showtopic=204142&st=74350> (дата обращения : 15.03.2024).

упаковки под *эко*соусом»³⁸ — префиксоид *эко*- присоединяется к существительному в составе устойчивого выражения «под соусом каким-то (подавать, преподносить что-либо)».

Заключение

Исследование подтвердило, что пользователи русскоязычных интернет-форумов используют разнообразные способы и приемы создания языковой игры, что обусловлено стремлением воплотить свою мысль в необычной форме, передать эмоционально-оценочное отношение к каким-либо явлениям действительности, а также привлечь внимание собеседников. В неформальной интернет-коммуникации языковая игра, как проявление лингвокреативности, выступает в качестве средства самопрезентации и развлечения, охватывая все уровни языковой системы, в первую очередь графический, словообразовательный, лексический.

Анализ языкового материала позволил выявить особенно характерные для анализируемого сегмента компьютерно-опосредованной коммуникации виды языковой игры: графическая игра (манипулирование графическими средствами), словообразовательная игра (создание индивидуально-авторских новообразований или окказионализмов) и обыгрывание прецедентных текстов. Обнаружены разновидности языковой игры, специфические для виртуального дискурса, а также рассмотрены случаи одновременного использования разноуровневых игровых приемов.

В неформальной интернет-коммуникации особенно ярко проявляются актуальные тенденции к диалогичности, экспрессивизации и коллоквиализации общения, именно поэтому исследование языковых особенностей неформальной интернет-коммуникации представляется особенно перспективным. В заключение отметим необходимость дальнейшего изучения лингвокреативного потенциала компьютерно-опосредованной коммуникации на материале русского языка, а также важность проведения сопоставительных исследований, в которых в качестве материала будут использованы данные других европейских, в первую очередь славянских языков.

Список литературы

- Барышева С.Ф. «Устно-письменная» форма речи в интернет-коммуникации как проявление тенденции к разговорности и диалогичности // Мир лингвистики и коммуникации. 2021. № 2. С. 34–47.
- Береговская Э.М. Принцип организации текста как игровой момент // Русская филология. Учен. зап. Смоленского гос. пед. ун-та. 1999. № 4. С. 159–180.
- Булавина М.А. Зачеркивание как один из приемов языковой игры в интернет-коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Вопросы образования : языки и специальность. 2012. № 1. С. 45–52.
- Викторова Е.Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) // Жанры речи. 2018. № 4. С. 294–303. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303>

³⁸ Web-Dialog.com. URL : <https://web-dialog.com/threads/o-chem-sejchas-dumaesh-6.422/page-160> (дата обращения : 24.03.2024).

- Гридина Т.А. Языковая игра : стереотип и творчество. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 1996. 214 с.
- Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте : монография. 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2013. 254 с.
- Гридина Т.А., Талашманов С.С. Языковая игра в современной интернет-коммуникации : мета-языковой аспект // Политическая лингвистика. 2019. № 3. С. 31–37. <https://doi.org/10.26170/pl19-03-03>
- Гудков Д.Б., Багаева Д.В., Захаренко И.В., Красных В.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Серия 9 : Филология. 1997. № 4. С. 106–118.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е.А. Земская. М. : Наука, 1983. С. 172–214.
- Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М. : Флинта, 2009. 296 с.
- Ильясова С.В., Амири Л.П. Язык СМИ и рекламы : игра как норма и как аномалия. М. : Флинта : Наука, 2018. 296 с.
- Ильясова С.В., Каллистратидис Е.В. Языковая игра в «сетевых языках» // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М. : Флинта : Наука, 2012. С. 220–236.
- Каллистратидис Е.В. Языковая игра в неформальной интернет-коммуникации (на материале русского языка начала XXI века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 24 с.
- Ковычева И.А. Голофразис как способ экономии языковых усилий // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4. С. 110–112.
- Колокольцева Т.Н. Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка // Грани познания. 2011. № 4. С. 1–5.
- Коновалова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Монография. Владивосток : ВГУЭС, 2008. 196 с.
- Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М. : АСТ : Corpus, 2013. 416 с.
- Курганова Е.Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 24 с.
- Лутовинова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 11. С. 58–65.
- Лутовинова О.В. Языковая игра в интернет-коммуникации // Известия ВГПУ. 2015. № 2. С. 104–111.
- Норман Б.Ю. Язык : знакомый незнакомец. Минск : Высшая школа, 1987. 337 с.
- Попова Т.В. Виды графодеривации в современном русском языке // Русский язык : человек, культура, коммуникация. Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2008. С. 108–113.
- Рацибурская Л.В. Экспрессивно-оценочные возможности современного медийного словотворчества // Неология и неография : современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления) / отв. ред. Т.Н. Бурцева. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 191–195.
- Ривлина А.А. Об основных приемах современной англо-русской языковой игры // Homo Loquens : актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Вып. 3 / под ред. И.Ю. Щемелевой. СПб. : Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2011. С. 86–96.
- Самигулина Ф.Г., Жабина Е.Л. Функции языковой игры в интернет-общении // Научные исследования : от теории к практике : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 31 дек. 2015 г.). Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2015. № 5. С. 311–312.
- Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М. : Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
- Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете : концептуально-сущностные доминанты : монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : РУДН, 2011. 436 с.

Шарифуллин Б.Я. Языковая игра в интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М. : Флинта : Наука, 2012. С. 203–219.

Crystal D. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 272 p.

Сведения об авторе:

Радченко Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, отделение русистики, Задарский университет, Республика Хорватия, 23000, г. Задар, набережная короля Петра Крешимира IV, д. 2. Сфера научных интересов: современный русский язык, лингвокультурология, языковая игра, язык современных СМИ, интернет-коммуникация. ORCID: 0000-0003-1869-4808. E-mail: radcenko@unizd.hr

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-417-432

EDN: TBQXYG

Research article

Language play on Russian-language Internet forums

Marina V. Radchenko

University of Zadar, Zadar, Republic of Croatia

✉ radcenko@unizd.hr

Abstract. The relevance of the topic is determined by the need for a more comprehensive analysis of the linguistic and creative activity of users in computer-mediated communication, achieved through language play. In informal computer-mediated communication, the phenomenon of language play, as a manifestation of linguistic creativity, serves as a means of self-presentation and entertainment, impacting all levels of the language system, primarily the orthographic and lexical level, as well as the level of word-formation. The aim of the study is thus to identify the most frequent patterns of language play in informal computer-mediated communication based on data collected from Russian-language Internet forums. Research material were texts of messages exchanged by users within the framework of informal, relaxed communication on Russian-language Internet forums, participants of which are residents of the Russian Federation, as well as post-Soviet countries and other countries around the world. Based on the material selected by means of a complete sampling from October 2022 to March 2024, the author's card index was compiled, numbering 396 contexts in which various types of language games are presented. For the purposes of the study, methods of continuous sampling, direct observation of language use, contextual, semantic and stylistic analysis, analysis of word-formation processes as well as descriptive and analytical approach were applied. The novelty of the work is due to the specifics of the linguistic material and is associated with the analysis of specific ways of manifestation of linguistic creativity in Internet discourse. The theoretical framework of the present paper focuses on the studies of Russian and foreign scholars in the field of language play and linguistic creativity. It has been established that anonymity of communication on the forum promotes spontaneity and freedom of expression, and also creates favorable conditions for the linguistic and creative activities of communicants, realized through a language play, which is carried out using linguistic means of different levels. The analysis of the collected data made it possible to identify the most frequent language play techniques in informal computer-mediated communication on Russian-language Internet forums, such as the non-standard use of graphic characters, the creation of nonce words and the various changes involving phraseological units, quotes and other fixed expressions. Prospects for the research are seen in further study of the linguistic and creative potential of computer-mediated communication using the material of the Russian language, as well as conducting comparative studies using primarily data from other Slavic languages.

Keywords: linguistic creativity, computer-mediated communication, Russian language, graphic game, word-building game, nonce word, precedent text

Conflict of interests. The author declares no conflict of interests.

Article history: received 05.03.2024; accepted 18.06.2024.

For citation: Radchenko, M.V. (2024). Language play on Russian-language Internet forums. *Russian Language Studies*, 22(3), 417–432. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-417-432>

References

- Barysheva, S.F. (2021). The “Oral-written” form of speech in Internet communication as a manifestation of the tendency towards colloquiality and dialogicity. *World of Linguistics and Communication*, (2), 34–47. (In Russ.).
- Beregovskaya, E.M. (1999). The principle of organizing the text as a game moment. *Russian Philology: Scientific notes of Smolensk state pedagogical university*, (4), 159–180. (In Russ.).
- Bulavina, M.A. (2012). Strikeout as one of the linguistic game mode in the internet communication. *RUDN Journal of language education and translanguing practices*, (1), 45–52. (In Russ.).
- Crystal, D. (2001). *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gridina, T.A. (1996). *Language game: Stereotype and creativity*. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t publ. (In Russ.).
- Gridina, T.A. (2013). *Language Game in the Artistic Text*. 3rd ed., corr. and add. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t publ. (In Russ.).
- Gridina, T.A., & Talashmanov, S.S. (2019). Language game in modern internet communication: metalinguistic aspect. *Political linguistics*, (3), 31–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/pl19-03-03>
- Gudkov, D.B., Bagaeva, D.V., Zakharenko, I.V., & Kracnykh, V.V. (1997). Some features of the functioning of precedent statements. *Vestnik of Moscow university. Ser. 9. Philology*, (4), 106–118. (In Russ.).
- Ilyasova, S.V., & Amiri, L.P. (2009). *Language play in the communicative space of media and advertising*. Moscow: Flinta publ. (In Russ.).
- Ilyasova, S.V., & Amiri, L.P. (2018). *Language of media and advertising: play as a norm and as an anomaly*. Moscow: FLINTA: Nauka publ. (In Russ.).
- Ilyasova, S.V., & Kallistratidis, E.V. (2012). Language play in “network languages”. *Internet communication as a new speech formation*, (pp. 220–236). Moscow: FLINTA: Nauka publ. (In Russ.).
- Kallistratidis, E.V. (2007). *Language play in informal internet communication (based on the Russian language of the early 21st century)*. [Author’s abstr. cand. philol. diss.]. Rostov-na-Donu. (In Russ.).
- Kolokoltseva, T.N. (2011). Internet-communication as the mirror of the main tendencies of development and functioning of the Russian language. *Grani Poznaniya*, 4(14), 1–5. (In Russ.).
- Konovalova, Yu.O. (2008). *Language play in modern Russian colloquial speech*. Vladivostok: VGUES publ. (In Russ.).
- Kovyneva, I.A. (2017). Holophrase as the way of saving the speech efforts. *Baltic Humanitarian Journal*, 6(4), 110–112. (In Russ.).
- Krongauz, M.A. (2013). *Self-study guide of the “Olbanian” language*. Moscow: AST: Corpus publ. (In Russ.).
- Kurganova, E.B. (2004). *Gaming aspect in modern advertising text*. [Author’s abstr. cand. philol. diss.]. Voronezh: (In Russ.).
- Lutovinova, O.V. (2008). Internet is a new “oral-written” communication system. *Izvestia of Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*, (11), 58–65. (In Russ.).
- Lutovinova, O.V. (2015). *Language play in Internet communication*. *Izvestia of the Volgograd state pedagogical university*, (2), 104–111. (In Russ.).
- Norman, B.Yu. (1987). *Language: familiar stranger*. Minsk: Vysshaya shkola publ. (In Russ.).
- Popova, T.V. (2008). Types of graph derivation in modern Russian language. *Russian language: people, culture, communication* (pp. 108–113). Ekaterinburg: UGTU-UPI publ. (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L.V. (2016). Expressive-evaluative capabilities of modern media word creation. *Neology and neography: current state and prospects (to the 50th anniversary of the scientific field)* (pp. 191–195). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya publ. (In Russ.).
- Rivlina, A.A. (2011). About the main techniques of the modern English-Russian language play. *Homo Loquens: Current issues of linguistics and methods of teaching foreign languages:*

- Collection of scientific articles*, (3), 86–96. Saint Petersburg: Department of Operational Printing, National Research University Higher School of Economics. (In Russ.).
- Samigulina, F.G., & Zhabina, E.L. (2015). Functions of language play in internet communication. *Scientific research: From theory to practice: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference (Cheboksary, December 31, 2015)*, (5), 311–312. Cheboksary: Central Scientific Center “Interactive Plus” publ. (In Russ.).
- Sannikov, V.Z. (2002). *Russian language in the mirror of the language play*. Moscow: Languages of Slavic culture publ. (In Russ.).
- Sharifullin, B.Ya. (2012). Language play in internet communication. *Internet communication as a new speech formation*, 203–219. Moscow: FLINTA: Nauka publ. (In Russ.).
- Trofimova, G.N. (2011). *Language taste of the Internet era in Russia: Operation of the Russian language on the Internet: Conceptual-intrinsic dominants*. 2nd ed. Moscow: RUDN. (In Russ.).
- Viktorova, E.Yu. (2018). Potential capacity of linguistic creativity in internet communication (based on the genre of social networks). *Speech genres*, (4), 294–303. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303>
- Zemskaya, E.A., Kitaigorodskaya, M.V., & Rozanova, N.N. (1983). Language play. *Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture*, 172–214. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).

Bio note:

Marina V. Radchenko, Doctor of Philology, Full professor, Department of Russian Studies, University of Zadar, 2 Obala kralja Petra Krešimira IV, 23000 Zadar, Republic of Croatia. *Research interests*: modern Russian language, cultural linguistics, language play, language of contemporary media, internet-mediated communication. ORCID: 0000-0003-1869-4808. E-mail: radchenko@unizd.hr

МЕДИАДИДАКТИКА
И ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ
MEDIADIDACTICS
AND ELECTRONIC MEANS OF INSTRUCTION

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-433-450

EDN: THEBRY

Научная статья

**Лингводидактический потенциал языковых сред
в метавселенных при обучении русскому языку
как иностранному**

Э.Г. Азимов^{id}, В.А. Жильцов^{id}✉, В.М. Филиппова^{id}

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация
✉ vajiltsov@pushkin.institute

Аннотация. С 2020 г. в научном и медийном дискурсе наблюдается стихийное использование термина «метавселенная» применительно к многопользовательским виртуальным мирам и новому поколению Интернета Web3. На основе данного вида ресурсов спонтанно формируются искусственные языковые среды, которые иногда используются в рамках коммуникативного метода обучения иностранным языкам, при этом в научной литературе отсутствует единое определение метавселенной. Цель исследования — анализ лингводидактического потенциала виртуальных языковых сред в метавселенных при коммуникативном обучении русскому языку как иностранному (РКИ). Рассматриваются определяющие признаки метавселенных в контексте виртуального обучения и общего научного дискурса, посвященного современным подходам к компьютерной лингводидактике. Использован комплекс методов: научное наблюдение, критический анализ литературных источников, изучение и обобщение опыта преподавания иностранных языков с использованием технологий v-learning, описанного в работах зарубежных исследователей, терминологический анализ. В результате исследования осуществлен анализ лингводидактического потенциала на основании наиболее актуальных научных работ по данной тематике. По совокупности выделенных признаков актуализировано понятие метавселенной как технологии в образовании. Полученные результаты позволяют оценить лингводидактический потенциал виртуальных языковых сред в метавселенных при коммуникативном обучении русскому языку как высокий. Виртуальные языковые среды в метавселенных обладают рядом свойств, присущих реальным языковым средам, что позволяет усилить мотивацию обучающихся и их глубокое вовлечение в процесс обучения. В перспективе это дает основание расширить практику применения данных технологий при дистанционном обучении РКИ.

Ключевые слова: РКИ, коммуникативно-ориентированное обучение, компьютерная лингводидактика, v-learning, виртуальные языковые среды

© Азимов Э.Г., Жильцов В.А., Филиппова В.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: *Азимов Э.Г.* — осуществление руководства исследованием, верификация методологии исследования, научное консультирование при разработке концепции исследования, верификация результатов исследования; *Жильцов В.А.* — разработка концепции исследования, постановка проблемы, определение целей и задач, структурирование и написание текста статьи, критический анализ литературы; *Филиппова В.М.* — описание результатов, формирование выводов, проведение анализа научной литературы по теме, оформление списка использованных источников, научное редактирование.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12.03.2024; принята к печати 17.05.2024.

Для цитирования: *Азимов Э.Г., Жильцов В.А., Филиппова В.М.* Лингводидактический потенциал языковых сред в метавселенных при обучении русскому языку как иностранному // *Русистика*. 2024. Т. 22. № 3. С. 433–450. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-433-350>

Введение

Актуальность исследования обусловлена активным развитием дистанционных образовательных технологий (ДОТ) и компьютерных технологий в целом, а также ускоряющимся переходом общества от цифровизации к цифровой трансформации, что неизбежно влияет на деятельность современного педагога, требования к его квалификации, а также на сам процесс организации дистанционного обучения. В связи с этим определения отдельных технологий очень быстро теряют свою актуальность и нуждаются в постоянном пересмотре, дополнении и уточнении, чтобы учитывать не только текущие характеристики, но и вновь наметившиеся тенденции. Исходя из этого, исследование предполагает изучение возможностей передовых интернет-технологий, используемых для преодоления естественных ограничений и интенсификации дистанционного обучения русскому языку как иностранному (РКИ).

«Виртуальное обучение (v-learning) — это система обучения с использованием технологий виртуальной реальности (VR)» (Zhiltsov, Maev, 2020). Как правило для реализации такого обучения используются многопользовательские виртуальные миры, которые являются одной из форм реализации VR-технологии. В свою очередь, понятие «метавселенная» в научном и медийном дискурсе часто употребляется как синонимичное понятию «виртуальный мир» (Peña Arcila, 2015; Díaz et al., 2020; Márquez, 2011; Vázquez-Cano & Sevillano-García, 2018), что, по нашему мнению, не вполне корректно в силу различающейся широты и относительности этих категорий.

Коммуникативный метод обучения предполагает создание в учебных условиях ситуаций речевого общения, приближенных к реальным. Основой коммуникативного метода является прежде всего обучение через общение. В разное время для реализации этого метода предлагались разные методические и технические возможности: использование ролевых игр, проектов, аутентичных неадаптированных текстов, газетных материалов, различных аудиовизуальных средств. Коммуникативный метод ранее рассматривался широким кругом отечественных исследователей (Пассов, 1983, 2000; Гез, Фролова, 2008; Прохоров, Стернин, 2002; Щукин, 2015, Шейлз, 1995 и др.).

Такие авторы как И.А. Орехова, Н.А. Журавлева и некоторые другие убедительно доказали положительное влияние языковой среды на развитие ключевых

чевых компетенций в ходе формирования вторичной языковой личности (Орехова, 2019; Журавлева, 1981; Похолков, Горянова, 2022). Вопросы методической организации виртуальной языковой среды описаны А.Н. Богомоловым (Богомолов, 2008).

Проблема использования трехмерного интернета, его характеристик, возможностей и будущего развития исследована Alrcan T., Vauckhage C. и Kotsosvinos E. (Alrcan et al., 2007). Применение виртуальных многопользовательских миров и коммуникативно-деятельностного подхода к обучению РКИ ранее описывалось в диссертационном исследовании О.А. Великосельского (Великосельский, 2004). В более поздних работах отечественных авторов предпринимались попытки исследований v-learning в системе высшего образования для обучения иностранным языкам (Анзорова, Платов, 2019; Козловцева, 2024; Бычкова, 2020). Более комплексно эта проблема рассмотрена автором Qiu Xin, продемонстрированы положительные результаты экспериментального обучения (Qiu, 2020). Вопросы использования Second Life и Lively от Google как платформ для реализации виртуального образовательного пространства освещены в (Steinkuehler, 2008; Hernández-Serrano et al., 2009; Wankel & Kingsley, 2009; Warburton, 2009). Наиболее полное описание результатов педагогических экспериментов в различных дисциплинах с использованием виртуального мира опубликовано Даниэлем Ливингстоном и коллегами (Livingstone, 2007). Техническая сторона метавселенной (метаверса) как сочетания физического и цифрового мира представлена в исследовании Yuheng Zhao, Jinjing Jiang, Yi Chen (Zhao et al., 2022). Проблемы использования метавселенных в образовательных целях рассматривались исследователями Iman A. Akour, Rana Saeed Al-Marqoof и коллегами (Akour et al., 2022). В данном исследовании подняты вопросы встраивания метавселенных в образовательную систему стран Персидского залива, предложена концептуальная модель внедрения, предусматривающая совместимость с реальным образовательным процессом и учитывающая удовлетворенность пользователей от взаимодействия с подобными технологиями. Коллеги из Национального Тайваньского университета науки и технологий (Hwang & Chien, 2022) предприняли попытку разобраться в терминологической путанице и определить понятие «метавселенная» при его использовании в контексте обучения английскому языку. По мнению авторов, такие признаки метавселенных, как децентрализация, направленность на социальное взаимодействие, использование технологий виртуальной реальности, являются характерными, вместе с тем достаточно строгого определения данного термина до сих пор предложено не было.

С учетом того факта, что концепция метавселенной во многом представляет собой прототип, очевидно, что единое мнение на этот счет до настоящего времени окончательно не сформировалось. В академической среде активно обсуждается применение виртуальных миров и метавселенных в образовательных целях. Подобные исследования, ранее проведенные в контексте обучения английскому, испанскому и другим иностранным языкам (Shih, 2014; Hislope, 2008; Liu, Zhang, 2012; Tu & McIssac, 2002; Qiu, 2020; Klimova, 2021), демонстрируют результаты и наблюдения, которые могут быть адаптированы для обучения РКИ. Это подтверждается многочисленными исследованиями ученых различных стран мира, которые приходят к аналогичным выводам,

подчеркивая универсальность и перспективность таких подходов в лингвистическом образовании.

В этой связи особое внимание мы уделили виртуальным языковым средам, которые формируются стихийно, в процессе деятельности самих пользователей метавселенных и, по нашему мнению, могут служить стимулирующим фактором для развития коммуникативной и языковой компетенции обучающихся. Основной тенденцией современных интернет-технологий можно считать своего рода «сокращение дистанции» между удаленными коммуникантами, стремление поместить пользователей в единое пространство, создать у них ощущение погруженности в коммуникативную ситуацию, предоставить возможности для реализации всех видов речевой деятельности в синхронном формате.

Цель исследования — анализ лингводидактического потенциала виртуальных языковых сред в метавселенных при обучении РКИ.

Методы и материалы

Материалами послужили наиболее актуальные научные статьи, посвященные осмыслению и практическому исследованию виртуальной реальности как разновидности технологии в обучении, прежде всего в русле компьютерной лингводидактики, а также работы, рассматривающие дидактический потенциал данных технологий в общем контексте дистанционного и группового обучения.

Были использованы методы исследования:

– научное наблюдение за тенденциями развития технологий виртуальных миров на протяжении последних 10 лет. В фокусе наблюдения находятся популярные платформы, разработанные специально для организации учебного процесса (Engage, Vacademia, Minecraft Education Edition) и др., созданные для социального взаимодействия в виртуальной реальности, но часто используемые для обучения языковым навыкам (SecondLife, Opensim). Большое внимание уделяется перспективным платформам с открытым исходным кодом в связи с их высоким потенциалом для использования в образовательных учреждениях (Vircadia, Overte);

– критический анализ литературных источников — материалов, посвященных вопросам использования метавселенной в области компьютерной лингводидактики и попыткам определения этого термина;

– изучение и обобщение опыта преподавания русского и других иностранных языков с использованием технологий v-learning, описанного в научной литературе;

– терминологический анализ исследуемых явлений, заключающийся в обнаружении и уточнении значений и смыслов обозначающих их терминов и понятий.

Результаты

Подробно описаны характеристики языковой среды в метавселенных и ее лингводидактические возможности при дистанционном обучении РКИ.

Выявлены сущность и технологические особенности метавселенных.

На основе определяющих признаков и технических характеристик с опорой на предыдущие исследования в данной области предложено в достаточной степени строгое определение понятия метавселенной как технологии в образовании. В результате стала возможной дальнейшая дифференциация подобных электронных ресурсов.

Выявлено, что языковые среды в метавселенных могут использоваться для организации дистанционного группового обучения в виртуальной среде.

Описан зарубежный опыт обучения иностранным языкам в виртуальных языковых средах, выдвинуты предположения о расширении существующих возможностей путем использования технологий метавселенных в дистанционном обучении РКИ.

Лингводидактический потенциал виртуальных языковых сред в метавселенных оценивается как высокий на основании всей совокупности собственных наблюдений и выводов более ранних международных исследований.

Обсуждение

Основные характеристики коммуникативно-ориентированного обучения инофонов с использованием виртуальных миров

Использование системы v-learning в дистанционном обучении РКИ преследует цели устранения негативных психологических эффектов, решения проблем и преодоления барьеров, возникающих при организации учебного процесса. Также акцентируется внимание на стимулировании положительных эффектов и интенсификации процесса обучения.

Международный опыт использования виртуальных миров для образовательных целей часто демонстрируется на примере динамично изменяющегося списка виртуальных учебных заведений на платформе Second Life, который содержит ссылки на виртуальные миры, принадлежащие образовательным учреждениям США, Австралии, стран Европы и Азии.

«Система v-learning характеризуется [...] наличием интерактивной 3D-среды, аватар-опосредованной деятельности (Белозеров, 2015), иммерсией, [...] активным социальным взаимодействием, эффектом социального присутствия (Tu, McIssac, 2002) и персонализацией» (Zhiltsov, Maev, 2020).

Метавселенные используются двумя основными способами: для создания виртуальной образовательной среды и виртуальной языковой среды. В первом случае разрабатывают трехмерные классы и аудитории, оборудованные всеми необходимыми ТСО для представления учебных материалов, проведения онлайн-лекций и семинаров. Иногда в виртуальную аудиторию интегрируют элементы различных LMS, что позволяет обучающимся знакомиться с материалами дистанционных курсов, выполнять тестовые задания, не покидая при этом виртуальной среды. Одним из ярких примеров может служить внедрение курсов Moodle в виртуальную среду SecondLife и Opensim. Для этого используются специальные плагины проекта SLOODLE (Livingstone, Hollins, 2010). «Групповое обучение в виртуальных аудиториях имитирует реальную социальную атмосферу благодаря тому, что студенты и их преподаватель переносят свое поведение в виртуальную среду» (Wankel, Kingsley, 2009).

Во втором случае вместо предсказуемых и заранее подготовленных виртуальных аудиторий пользователи отправляются исследовать языковые среды, которые были созданы сообществами носителей изучаемого языка. Пользователи виртуальных миров как правило стремятся объединяться в группы со своими соотечественниками, общаться на родном языке в окружении знакомых им культурных паттернов. Они часто воссоздают вокруг себя виртуальное окружение, которое соответствует их культурным предпочтениям, например, во многих метавселенных существует виртуальная Москва, Париж, Лондон и т.д., которые создаются пользователями из России, Франции, Англии. Присоединение к таким группам позволяет обучающимся получить довольно целостное представление о языковой среде путем непосредственного погружения и получения языкового опыта.

Таким образом, разработка виртуальной образовательной среды подразумевает создание совокупности информационных, технических, методологических средств и элементов среды, формирующей условия для осуществления образовательной деятельности, в то время как второй метод подразумевает использование уже сложившихся виртуальных языковых сред для языковой практики. Тем не менее образовательный процесс в виртуальной среде организован с использованием языка как основного средства коммуникации так же, как в реальной образовательной среде.

Виртуализация русской языковой среды

Одной из особенностей языковых сред в виртуальных мирах является спонтанность и естественность их формирования. Русскоязычные пользователи по собственной инициативе объединяются в группы, воссоздавая вокруг себя виртуальное окружение, соответствующее их национальным и культурным предпочтениям. Например, в SecondLife можно найти виртуальную Москву и некоторые другие города, отличающиеся характерной и узнаваемой застройкой. Формирование таких сред, по всей видимости, может занимать годы, что, впрочем, не является недостатком, если говорить о языковой практике в аутентичной среде. Аутентичность виртуального окружения способствует более глубокому эффекту погружения в происходящее и позволяет обучающимся познакомиться с лингвокультурной составляющей языковой среды.

Пользователи, изучающие иностранный язык, присоединяются к группе носителей языка для осуществления непосредственной языковой и коммуникативной практики (Shih, 2014). Виртуальная языковая практика является наиболее релевантной целям формирования вторичной языковой личности, соотносимым с пребыванием в реальной действительности. Одно из основных преимуществ данного метода перед тренировкой с чат-ботами — тот факт, что собеседники представлены живыми пользователями, не заинтересованными в обучении кого-либо. Они ведут себя естественно, преследуя собственные коммуникативные цели. Это обстоятельство способствует возникновению ряда эффектов:

- 1) усиливается ощущение погружения в коммуникативную ситуацию;
- 2) повышается коммуникативная ответственность обучающихся (при общении приходится учитывать ряд факторов, таких как эмоциональное состоя-

ние собеседника, его культурно-идеологические надстройки, интересы, необходимость поддерживать культуру общения и т.д.);

3) повышается мотивация к общению, а также в процессе общения иностранцев с их русскоязычными собеседниками часто возникают дружеские отношения;

4) приобретается языковой опыт: обучающийся на практике использует свои знания и навыки, участвуя в межличностном общении и реализуя коммуникативные стратегии с носителями русского языка и культуры;

5) реализуется языковая наглядность: обучающийся получает возможность на практике наблюдать коммуникативное поведение собеседника, то, как русский язык реализуется в повседневной жизни носителями этого языка. «Использовать на занятиях языковую наглядность — значит, прежде всего, прибегать к иноязычно-речевой практике: слушанию иноязычной речи, говорению на изучаемом языке, чтению иноязычных текстов и выполнению письменных упражнений» (Азимов, Щукин, 2018). Русскоязычные пользователи часто используют музыкальные композиции популярной российской эстрады на своих мероприятиях, отмечают национальные праздники, украшая виртуальные локации соответствующим образом. Все надписи, таблички и плакаты также выполняются на русском языке. Обучающийся получает возможность целостного восприятия виртуальной языковой среды за счет синхронного воспроизведения визуального, ситуативного и аудиоряда, что соответствует естественному порядку восприятия человеком окружающей действительности;

6) происходит знакомство с лингвокультурным аспектом языковой среды. Виртуальная русская языковая среда позволяет пользователям из других стран ближе познакомиться с русской культурой. Например, у них появляется возможность принять участие в праздничных мероприятиях по случаю Нового года, Православного Рождества, Дня Победы, 1 Мая, а также большого количества иных национальных праздников, которые широко отмечаются на русских виртуальных локациях;

7) появляется возможность спонтанного возникновения коммуникативных ситуаций, обладающих вариативной непредсказуемостью. Так, например, можно встретить собеседника в виртуальном музее картин и обсудить вопросы искусства, в магазине поговорить о предпочтениях в моде, познакомиться в клубе, на дискотеке, на праздновании дня рождения, можно поиграть в шахматы, посетить литературный клуб и т.д. Виртуальные клубы, классы, выставки, лекционные залы и кафе наподобие тех, какие существуют в действительной реальности, создают сами пользователи (Berger et al., 2016). Некоторые коммуникативные ситуации часто повторяются, например, знакомство. Каждое следующее знакомство с новым собеседником позволяет отрабатывать целый ряд речевых конструкций, таких, как приветствие, обращение, знакомство, благодарность и прочих. В процессе общения с русскоязычным собеседником в виртуальной среде у обучающегося появляется возможность познакомиться с узусом, скорректировать собственный академический опыт относительно языковой реальности.

Все вышеперечисленное свидетельствует о значительных преимуществах использования виртуальных миров для языковой практики. Негативные

эффекты коммуникативных неудач купируются благодаря использованию виртуального аватара, которым представлены пользователи. Виртуальная реальность часто используется как среда, позволяющая допускать ошибки и учиться на собственном опыте. Таковы, например, виртуальные симуляторы пилотирования самолетов, химических реакций, медицинских операций и т.д. (Азимов, Щукин, 2018).

Переход к практике использования виртуальной языковой среды целесообразен при достижении обучающимся уровня А2–В1. В процессе виртуального общения, как правило, используется графический чат и/или голосовое общение.

Ряд авторов отмечает следующие положительные эффекты от использования виртуальных сред в обучении иностранному языку: повышение уровня мотивации у студентов, изучающих РКИ в виртуальной реальности; стимуляция стремления к самостоятельной работе, интенсификация закрепления полученных знаний и навыков (Qiu, 2020). Занятия в виртуальном сообществе носителей языка способствуют эффективному развитию навыков аудирования у обучающихся (Liu, Zhang, 2012). Согласно нашим наблюдениям, после занятий с носителями языка в виртуальной реальности повышается общий уровень уверенности в себе при реальном общении. Обучающиеся получают возможность субъективно оценить собственные языковые навыки, определив степень их достаточности для применения в иноязычной среде. Как минимум одной трети участников виртуального общения подобная практика помогает преодолеть неловкость при вступлении в иноязычное общение с незнакомыми людьми (Zhiltsov, Maev, 2020).

Сущность и технологические особенности метавселенных

Понятие «метавселенная» впервые было упомянуто в фантастическом романе «Снежная лавина» (Snow Crash) Нилом Стивенсоном. В романе метавселенная представлена в виде реалистичного онлайн-виртуального мира, в котором живут люди будущего, будучи постоянно подключенными к некоей глобальной сети. Метавселенная здесь мыслится как нечто, что заменяет собой Интернет.

Позднее данный термин иногда использовался для обозначения виртуальных вселенных, объединяющих в рамках единой системы некие множества виртуальных миров и направленных на социальное взаимодействие пользователей, таких, например, как OpenSim. Вероятно, что именно вследствие этого значения термин «метавселенная» часто употребляется в научной литературе и медиа синонимично понятию «виртуальный мир». В СМИ и популярных медиа метавселенную часто представляют как «Интернет будущего», что во многом апеллирует к упомянутому выше роману Стивенсона, однако в реальности роль этой интернет-технологии куда более скромна.

В академической литературе Интернет следующего поколения часто обозначается как Web3 и характеризуется как арена для развития новых интернет-приложений, основанных на блокчейн-технологиях (Murray et al., 2023). Блокчейн представляет собой публичный регистр, в котором транзакции хранятся в виде последовательности блоков, постоянно пополняемой новыми записями.

Основные атрибуты блокчейна включают децентрализацию, неизменность, анонимность и возможность проведения аудита (Zheng et al., 2018).

Согласно некоторым исследователям, метавселенные представляют собой лишь одно из направлений развития технологий Web3, что позволяет избежать изначального максимализма в оценке их возможностей (Murtagy et al., 2023). Метавселенные способны интегрировать разнообразные онлайн-сервисы, программное обеспечение и приложения для гаджетов в единую экосистему, используя при этом различные технологии и предоставляя разнообразные пользовательские интерфейсы. Возможные компоненты метавселенной включают искусственные нейронные сети, блокчейн, социальные сети, а также клиентские приложения для различных устройств, включая шлемы и очки виртуальной реальности.

Большинство исследователей метавселенной предлагают широкое разнообразие определений, которые в различной степени отличаются, однако в целом содержат ряд общих элементов, упоминаний отдельных технологий и их характеристик, на основе которых можно сформулировать наиболее полное непротиворечивое определение. В таких исследованиях наиболее часто встречаются упоминания виртуальных миров, децентрализации, цифровых экосистем и цифровых активов. Отдельные исследователи полагают, что главным элементом, характеризующим децентрализацию метавселенных, является блокчейн (Duan et al., 2021), однако на практике многие из них используют блокчейн в ограниченной степени, предпочитая другие методы децентрализации. Такие экосистемы могут образовывать взаимосвязанные сети, позволяющие двухстороннее взаимодействие вовлеченных пользователей.

В результате наблюдений мы пришли к выводу, что такие платформы как Spatial, Vircadia и Overte дают возможность интегрировать контент (3D-модели, PDF-документы, картинки, видео и т.д.), находящийся в различных облачных хранилищах, на видеохостингах и серверах, без использования блокчейна. Исследования Haihan Duan и коллег свидетельствуют о том, что лишь относительно небольшая часть виртуальных миров предпочитает использование блокчейна. «Cryptovoxels — это виртуальный мир, построенный на Ethereum. [...] Стоит отметить, что некоторые художники выставляют и продают свои работы в Cryptovoxels как NFT. Decentraland — еще один виртуальный мир, основанный на Ethereum» (Duan et al., 2021).

По нашему мнению, одной из значимых возможностей метавселенных является проекция виртуального собеседника в физическую реальность с помощью VR-гарнитур (например, Oculus Quest, Pico, Apple Vision) и технологии дополненной реальности (AR), что создает эффект присутствия собеседника в едином пространстве. Также предусмотрена возможность проекции виртуального окружения. Идеальная метавселенная стремится к созданию пользовательского опыта на стыке цифровой и физической реальности, предполагая постоянное пребывание пользователя в онлайн-среде (Zhao et al, 2022).

Исходя из всего рассмотренного выше, учитывая все сопутствующие факты и точки зрения, мы можем предложить уточнение ранее данного нами (Жильцов, 2023) общего определения таким образом: «Метавселенная (метаверс) — это сеть взаимосвязанных цифровых экосистем, созданных на базе виртуальных многопользовательских миров и технологий расширенной реаль-

ности, позволяющих осуществлять децентрализованное взаимодействие пользователей с цифровыми объектами и активами. Технология метавселенной используются для организации дистанционного группового обучения в виртуальных образовательных и языковых средах». Это определение содержит ряд ссылок на смежные термины, ранее определенные в работах ряда исследователей, значения которых важны для понимания сущности рассматриваемой технологии. Цифровая экосистема — это группа взаимосвязанных информационных технологических ресурсов, которые могут функционировать как единое целое (Тельнов, 2017). «Термин „расширенная реальность“ (extended reality, XR) охватывает виртуальную реальность, дополненную реальность и смешанную реальность» (Casini, 2022). Такие понятия, как цифровые объекты и цифровые активы были упомянуты отдельно, так как не все цифровые объекты можно отнести к цифровым активам. К цифровым активам относят цифровые объекты, проявляющие свою ценность (стоимость) в информационной системе и способных к гражданскому (имущественному) обороту (Лосева, 2022). Такие объекты являются разновидностью экономических активов, например, криптовалюта (Bitcoin, Ethereum и т.д.) и невзаимозаменяемые токены (NFT). Объекты, ценность которых не декларируется, можно отнести к обычным цифровым объектам (3D-модели, изображения, видео, звуковые файлы, текстовые и иные документы).

Использование метавселенных при дистанционном обучении РКИ

Стремление реализовать концепцию метавселенных на практике породило новое поколение виртуальных миров, использующих большое количество инновационных технологий, многие из которых позволяют в значительной степени расширить возможности педагогов и обучающихся. Вероятно, что именно эти тенденции помогут сделать практику v-learning более доступной, позволят реализовывать более сложные и эффективные подходы к обучению языку. Здесь мы рассмотрим, какие именно инновации предлагают метавселенные и технологии Web3 своим пользователям и каким образом это помогает преодолевать существующие барьеры и расширить практику v-learning.

1. Устранение проблемы доступа студентов к виртуальной среде. Проблема организованного доступа студентов к виртуальной среде во многом связана с клиент-серверной архитектурой большинства виртуальных миров, которые традиционно используют в лингводидактических целях, таких как SecondLife и OpenSim. Для доступа студентов к виртуальной среде им необходимо пройти несколько последовательных процедур: зарегистрироваться, подтвердить почту, скачать специальный клиент, установить его, а затем выполнить вход в соответствии с введенными ранее данными. Проблемы могли начаться уже на этапе регистрации, когда инструкции сервиса могут показаться студентам недостаточно понятными, а письмо с подтверждением попадает в корзину спама. Если преподаватель пытается зарегистрировать всю группу студентов самостоятельно, то он сталкивается с ограничением сервисов на количество регистраций с одного IP адреса за единицу времени. Установка и запуск клиента также может вызывать трудности, связанные с разли-

чающимися по возможностям аппаратными характеристиками компьютеров обучающихся. Помимо всего этого встает вопрос о передаче и хранении персональных данных на серверах третьих лиц и сервисов, не аффилированных с учебным заведением, так как ни преподаватель, ни учебное заведение не могут нести ответственность за их безопасность.

Технологии метавселенных позволяют решить эти проблемы, благодаря изменению подхода к аутентификации пользователей. Такие проекты как, например, Spatial, Decentraland, Vircadia и Overte, не требуют регистрации для посещения виртуального мира. Пользователю достаточно ввести никнейм, который будет отображаться над его аватаром. В Spatial (<https://spatial.io>) достаточно сформировать ссылку на виртуальную аудиторию и отправить приглашение своим студентам, чтобы они могли присоединиться к виртуальному занятию через браузер, что очень напоминает возможности Zoom. В самой виртуальной среде можно использовать видеосвязь и голосовое общение. Spatial позволяет также делиться экраном в виртуальном мире, что делает возможным демонстрацию презентаций PowerPoint в реальном времени. Для организации виртуальной аудитории не требуется дополнительных навыков программиста. Все эти особенности делают Spatial пригодным для использования в образовательных целях.

2. Децентрализованное и упрощенное использование аватаров. При обучении в виртуальных мирах могут быть некоторые сложности с созданием аватаров во внутреннем редакторе. Без сомнения интересный и творческий процесс, который усиливает эффект вовлечения и обеспечивает геймификацию, может показаться сложным для некоторых людей. Метавселенные в большинстве случаев отказались от встроенных редакторов аватаров, как это было в SecondLife. Разрабатывается некий единый стандарт аватаров для Web3, который будет функционален вне зависимости от метавселенной, в которой проводятся занятия. Наиболее популярным сервисом для создания аватаров является ReadyPlayerMe (RPM) (<https://readyplayer.me/>). Это онлайн редактор и одновременно хранилище аватаров для метавселенных, который значительно упрощает процесс их создания. Для его использования регистрация также не обязательна. При голосовом общении аватар проигрывает лицевую анимацию, жестикулирует в зависимости от темпа и громкости речи. Используя видеозахват с параллельной трансляцией презентации, можно создавать материалы для различных MOOK. Аватары делают возможным широкое применение сценарных методов обучения, включающих ролевую игру на уроках в виртуальной реальности. По заданию преподавателя студенты создают аватары и по ролям разыгрывают небольшие сценки коммуникативных ситуаций. Все это можно записать и смонтировать, используя видеоредактор, а затем совместно с преподавателем использовать полученное видео для анализа допущенных ошибок. Методика сценариев применяется для усвоения и закрепления уже изученных языковых конструкций, слов и фраз. В процессе создания сценария учитывается специализированное обучение. Начальный этап включает изучение нужных языковых элементов, которые в дальнейшем интегрируются и укрепляются в более комплексном сценарии на завершающем этапе (Пашковская, 2019).

3. Ориентация метавселенных на пользовательский опыт, с применением технологий VR. Использование шлемов виртуальной реальности способствует усилению эффекта погружения в виртуальную среду. Собеседники при этом ощущают себя в непосредственной близости друг к другу, что в значительной степени способствует более реалистичному восприятию ситуации общения. Теоретически это может усилить эффект присутствия, вовлечения, что положительным образом скажется на результатах виртуальной языковой и коммуникативной практики. Результат подобных экспериментов с VR-гарнитурой применительно к изучению иностранного языка описывается некоторыми исследователями как положительный. Исследователи отмечают развитие самостоятельности учащихся, лучшее запоминание материала за счет усиления иммерсии, а также общее улучшение результатов обучения (Klimova, 2021).

Заключение

Методы и технологии v-learning активно обсуждаются в научном сообществе. Развитие технологий в области интернета и компьютерной графики привели к революционному изменению парадигмы в этой сфере, значительно расширив возможности педагога и обучающихся. Несмотря на участвовавшее в последнее время использование понятия «метавселенная» в значении «нового Интернета», претендующего на некую глобальность этой технологии, исследования свидетельствуют о том, что метавселенная — это лишь одна из технологий в технологическом комплексе парадигмы Web3. Кроме того, понятия «метавселенная» в современном понимании этого термина и «виртуальный мир» не являются синонимичными, поскольку метавселенная представляет собой не только комплекс взаимосвязанных виртуальных миров, но и метод реализации взаимодействия между пользователями, виртуальными средами и цифровым контентом. Результаты исследований в этой области свидетельствуют о высоком лингводидактическом потенциале виртуальных языковых сред, поскольку данные технологии способны обеспечить эффект погружения в коммуникативную ситуацию, повышения мотивации к иноязычному общению и ответственности за коммуникативный акт. Занятия в виртуальных средах способствуют получению языкового опыта, реализуют языковую наглядность и знакомят обучающихся с лингвокультурным аспектом языковой среды. Метавселенные позволяют интенсифицировать обучение языку, встраивая этот процесс в повседневную практику взаимодействия с электронным ресурсом на основе собственной мотивации обучающегося, связанной с реализацией потребности в социализации и межличностном общении. В некоторой степени это может со временем стать выгодной альтернативой обычным социальным сетям.

Список литературы

- Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М : Русский язык. Курсы, 2018. 495 с.
- Анзорова С.П., Платов А.В. Перспективы v-learning в высшем образовании // Перспективы науки. 2019. № 12. С. 230–233.

- Белозеров С.А. Виртуальные миры: анализ содержания психологических эффектов аватар-опосредованной деятельности // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 94–105.
- Богомолов А.Н. Виртуальная среда обучения русскому языку как иностранному: лингвокультурологический аспект. М. : МАКС Пресс, 2008. 320 с.
- Бычкова Е.М. Использование виртуальной реальности в обучении иностранным языкам (на примере Second Life) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 4. С. 80–91.
- Великосельский О.А. Использование технологии трехмерных виртуальных многопользовательских миров при обучении русскому языку как иностранному : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2004. 157 с.
- Гез Н.И., Фролова Г.М. История зарубежной методики преподавания иностранных языков : учеб. пособие. М. : Изд. центр «Академия», 2008. 254 с.
- Жильцов В.А. Технологии Web3 и метавселенных в контексте компьютерной лингводидактики // Русский язык за рубежом. 2023. № 6. С. 43–51. <https://doi.org/10.37632/PI.2023.301.6.006>
- Журавлева Н.А. Языковая среда как обучающий фактор резерв повышения эффективности краткосрочного обучения русскому языку : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1981.
- Информационные системы и технологии / под ред. Ю.Ф. Тельнова. М. : Юнити, 2017. 544 с.
- Козловцева Н.А. Потенциал применения VR-технологий в обучении русскому языку как иностранному // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1. С. 65–67. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-1104-65-67>
- Лосева О.В. Виды и классификация цифровых активов для целей стоимостной оценки // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 2. С. 45–57. <https://doi.org/10.24412/2072-4098-2022-2245-45-57>
- Орехова И.А. Виртуальная языковая среда, реальная языковая среда и языковая личность // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие : XX Кирилло-Мефодиевские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 521–524.
- Пассов Е.И. Теоретические основы обучения иноязычному говорению. Воронеж : изд. Воронеж. ун-та, 1983. 199 с.
- Пассов Е.И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования : Развитие индивидуальности в диалоге культур : учебник. М. : Просвещение, 2000. 161 с.
- Пащковская Н.Д. Метод сценария в процессе обучения иностранному языку // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62–1. С. 225–228.
- Похолков Ю.П., Горянова Л.Н. Языковая среда: от понятия к принципам создания // Высшее образование в России. 2022. № 7. С. 123–136. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-7-123-136>
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение. М., 2002. 328 с.
- Шейлз Д. Коммуникативность в обучении современным языкам. Страсбург : Совет Европы пресс, 1995. 349 с.
- Щукин А.Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном. М. : Русский язык. Курсы, 2015. 784 с.
- Akour I.A., Al-Marooof R.S., Alfaisal R., Salloum S.A. A conceptual framework for determining metaverse adoption in higher institutions of gulf area : An empirical study using hybrid SEM-ANN approach // Computers and Education : Artificial Intelligence. 2022. No. 3. 100052. <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2022.100052>
- Alpcan T., Bauckhage C., Kotsovinos E. Towards 3D Internet : Why, What, and How? // 2007 International Conference on Cyberworlds (CW'07). 2007. Pp. 95–99. <https://doi.org/10.1109/CW.2007.62>
- Berger M., Jucker A.H., Locher M.A. Interaction and space in the virtual world of Second Life // Journal of Pragmatics. 2016. No. 101. Pp. 83–100. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2016.05.009>
- Casini M. Extended Reality for Smart Building Operation and Maintenance : A Review // Energies. 2022. Vol. 15. No. 10. 3785. <https://doi.org/10.3390/en15103785>
- Díaz J.E.M., Saldaña C.A.D., Avila C.A.R. Virtual world as a resource for hybrid education // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2020. Vol. 15. No. 15. Pp. 94–109. <https://doi.org/10.3991/ijet.v15i15.13025>
- Duan H., Li J., Fan S., Lin Z., Wu X., Cai W. Metaverse for Social Good // Proceedings of the 29th ACM International Conference on Multimedia. New York, 2021. Pp. 153–161. <https://doi.org/10.1145/3474085.3479238>

- Hernández-Serrano M.J., González-Sánchez M., Muñoz-Rodríguez J.* Designing learning environments improving social interactions : essential variables for a virtual training space // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2009. Vol. 1. No. 1. Pp. 2411–2415. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2009.01.423>
- Hislope K.* Language Learning in a Virtual World // *The International Journal of Learning: Annual Review*. 2008. Vol. 14. No. 11. Pp. 51–58. <https://doi.org/10.18848/1447-9494/CGP/v15i11/46010>
- Hwang G.-J., Chien S.-Y.* Definition, roles, and potential research issues of the metaverse in education : An artificial intelligence perspective // *Computers and Education : Artificial Intelligence*. 2022. Vol. 3. 100082. <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2022.100082>
- Klimova B.* Use of Virtual Reality in Non-Native Language Learning and Teaching // *Procedia Computer Science*. 2021. Vol. 192. Pp. 1385–1392. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.08.141>
- Liu X., Zhang J.* Foreign Language Learning through Virtual Communities // *Energy Procedia*. 2012. Vol. 17. Pt. A. Pp. 737–740. <https://doi.org/10.1016/j.egypro.2012.02.165>
- Livingstone D.* Second Life Education Workshop at the Second Life Community Convention, San Francisco, August 20, 2006 // *ELearn*. 2007. Vol. 2007. No. 3. Pp. 4. <https://doi.org/10.1145/1235511.1235517>
- Livingstone D., Hollins P.* Virtual Worlds, Standards and Interoperability // *International Journal of IT Standards and Standardization Research*. 2010. Vol. 8. No. 2. Pp. 45–59. <https://doi.org/10.4018/jitsr.2010070104>
- Márquez I.* Metaversos y educación : Second Life como plataforma educativa // *Journal ICONO 14*. 2011. Vol. 9. No. 2. Pp. 151–166. <https://doi.org/10.7195/ri14.v9i2.30>
- Murray A., Kim D., Combs J.* The promise of a decentralized internet : What is Web3 and how can firms prepare? // *Business Horizons*. 2023. Vol. 66. No. 2. Pp. 191–202. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2022.06.002>
- Peña Arcila J.B.* Metaversos para el máster iberoamericano en educación en entornos virtuales // *Etic@net. Revista Científica Electrónica de Educación y Comunicación En La Sociedad Del Conocimiento*. 2015. Vol. 14. No. 2. Pp. 227–248. <https://doi.org/10.30827/eticanet.v14i2.11977>
- Qiu X.* Virtual reality as a tech tool for students studying Russian in China // *Russian Language Studies*. 2020. Vol. 18. No. 3. Pp. 328–341. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-3-328-341>
- Shih Y.-C.* The Meeting Point of Second Life® and Web 2.0. // *Cyber Behavior : Concepts, Methodologies, Tools, and Applications*. IGI Global, 2014. Pp. 689–707. <https://doi.org/10.4018/978-1-4666-5942-1.ch035>
- Steinkuehler C.* Massively Multiplayer Online Games as an Educational Technology : An Outline for Research // *Educational Technology*. 2008. Vol. 48. Pp. 10–21.
- Tu C.-H., McIsaac M.* The Relationship of Social Presence and Interaction in Online Classes // *American Journal of Distance Education*. 2022. Vol. 16. No. 3. Pp. 131–150. https://doi.org/10.1207/S15389286AJDE1603_2
- Vázquez-Cano E., Sevillano-García M. L.* Lugares y espacios para el uso educativo y ubicuo de los dispositivos digitales móviles en la Educación Superior // *Edutec. Revista Electrónica de Tecnología Educativa*. 2018. Vol. 62. 1007. <https://doi.org/10.21556/edutec.2017.62.1007>
- Wankel C., Kingsley J.* Higher education in virtual worlds : Teaching and learning in Second Life. Emerald Group Publishing Limited, 2009. 259 p.
- Warburton S.* Second Life in higher education: Assessing the potential for and the barriers to deploying virtual worlds in learning and teaching. *British Journal of Educational Technology*, 40(3), 2009. C. 414–426. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8535.2009.00952.x>
- Zhao Y., Jiang J., Chen Y., Liu R., Yang Y., Xue X., Chen S.* Metaverse : Perspectives from graphics, interactions and visualization // *Visual Informatics*. 2022. Vol. 6. No. 1. Pp. 56–67. <https://doi.org/10.1016/j.visinf.2022.03.002>
- Zheng Z., Xie S., Dai H. N., Chen X., Wang H.* Blockchain challenges and opportunities : a survey // *International Journal of Web and Grid Services*. 2018. Vol. 14. No. 4. Pp. 352–375. <https://doi.org/10.1504/IJWGS.2018.095647>
- Zhiltsov V.A., Maev I.A.* V-learning and Modern Development Trends in Computer Linguistics: Virtual Language Environment // *VI International Forum on Teacher Education, Kazan Federal University : ARPHA Proceedings 3*. 2020. Pp. 2909–2924. <https://doi.org/10.3897/ap.2.e2909>

Сведения об авторах:

Азимов Эльхан Гейдарович, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры методики преподавания русского языка как иностранного, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Российская Федерация, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. *Сфера научных интересов*: методика преподавания русского языка как иностранного, лингводидактическая терминология, использование компьютерных технологий в обучении русскому языку как иностранному. ORCID: 0000-0002-3282-9177. SPIN-код: 2810-5922. E-mail: EGazimov@pushkin.institute

Жильцов Владимир Александрович, кандидат педагогических наук, главный эксперт департамента научной деятельности Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Российская Федерация, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. *Сфера научных интересов*: компьютерная лингводидактика, система обучения v-learning, виртуальные языковые среды в обучении русскому языку как иностранному. ORCID: 0000-0003-4161-5119. SPIN-код: 4257-5106. E-mail: vajiltsov@pushkin.institute

Филиппова Варвара Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры стажировки зарубежных специалистов, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Российская Федерация, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. *Сфера научных интересов*: этноориентированное обучение, развитие учебной автономии. Автор более 50 научных публикаций. ORCID: 0000-0003-1480-1039. SPIN-код: 1246-2776. E-mail: vmfilippova@pushkin.institute

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-433-450

EDN: THEBRY

Research article

Linguodidactic potential of metaverse language environments for teaching Russian as a foreign language

Elkhan G. Azimov^{ORCID}, Vladimir A. Zhiltsov^{ORCID}✉,
Varvara M. Filippova^{ORCID}

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

✉ vajiltsov@pushkin.institute

Abstract. Since 2020, the term “metaverse” has been spontaneously used in both scientific and media discourse, particularly in relation to multiplayer virtual worlds and the new generation of the Internet Web3. These resources spontaneously form artificial language environments, which are sometimes used within the communicative approach to foreign language teaching. However, there is no common definition of the metaverse in the scientific literature. The aim of this study is to analyze the linguodidactic potential of virtual language environments in metaverses for communicative teaching of Russian as a foreign language. This study examines the features of metaverses in the context of virtual learning and the broader scientific discourse dedicated to modern approaches to computer-assisted linguodidactics. The research employed a comprehensive set of methods, including scientific observation, critical analysis of literature, study and synthesis of foreign language learning experiences using v-learning technologies as described by foreign scientists, and terminological analysis. The study resulted in an analysis of the linguodidactic potential based on the most current scientific works on the topic. A set of identified features led to an updated understanding of the metaverse as a technology in education. The findings suggest that virtual language environments in metaverses have high linguodidactic potential for communicative teaching of Russian. Virtual language environments in metaverses possess several properties inherent to real ones, which enhances students’ motivation and deep engagement in the learning process. This prospectively justifies the expansion of these technologies in distance learning of Russian as a foreign language.

Keywords: RLF, communicative learning, computer-assisted language learning, v-learning, virtual language environments

Contributions of the Authors: *Azimov E.G.* — supervision of the research, verification of the research methodology, scientific consulting during the development of the research concept, verification of the research results; *Zhiltsov V.A.* — development of the research concept, formulation of the problem, definition of goals and objectives, structuring and writing the text of the article, critical analysis of the literature; *Filippova V.M.* — description of the results, formulation of conclusions, conducting a literature review on the topic, formatting the list of references, scientific editing.

Conflict of interests. The authors declare that they have no conflict of interests.

Article history: received: 12.03.2024; accepted: 17.05.2024.

For citation: Azimov, E.G., Zhiltsov, V.A., & Filippova, V.M. (2024) Linguodidactic potential of metaverse language environments for teaching Russian as a foreign language. *Russian Language Studies*, 22(3), 433–350. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-433-350>

References

- Akour, I.A., Al-Marouf, R.S., Alfaisal, R., & Salloum, S.A. (2022). A conceptual framework for determining metaverse adoption in higher institutions of gulf area: An empirical study using hybrid SEM-ANN approach. *Computers and Education: Artificial Intelligence*, 3, 100052. <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2022.100052>
- Alpcan, T., Baukhage, C., & Kotsovinos, E. (2007). Towards 3D Internet: Why, what, and how? *2007 International Conference on Cyberworlds (CW'07)* (pp. 95–99). Hannover, Germany. <https://doi.org/10.1109/CW.2007.62>
- Anzorova, S.P., & Platov, A.V. (2019). Prospects for V-learning in higher education. *Science Prospects*, 12(123), 230–233. (In Russ.).
- Azimov Je.G., & Shhykin A.N. (2018). *Modern dictionary of methodological terms and concepts. Theory and practice of teaching languages*. Moscow: Russky yazyk. Kursy. Publ. (In Russ.).
- Belozerov, S.A. (2015). Virtual worlds: Analysis of the content of psychological effects of avatar-mediated activities. *Experimental Psychology (in Russia)*, 8(1), 94–105. (In Russ.).
- Berger, M., Jucker, A.H., & Locher, M.A. (2016). Interaction and space in the virtual world of Second Life. *Journal of Pragmatics*, 101, 83–100. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2016.05.009>
- Bogomolov, A.N. (2008). *Virtual environment for teaching Russian as a foreign language: Linguocultural aspect*. Moscow: MAKSS Press Publ. (In Russ.).
- Bychkova, E.M. (2020). The use of virtual reality in teaching foreign languages (with Reference to Second life). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*, (4(837)), 80–91. (In Russ.).
- Casini, M. (2022). Extended reality for smart building operation and maintenance: A review. *Energies*, 15(10), 3785. <https://doi.org/10.3390/en15103785>
- Díaz, J.E.M., Saldaña, C.A.D., & Avila, C.A.R. (2020). Virtual world as a resource for hybrid education. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*, 15(15), 94–109. <https://doi.org/10.3991/ijet.v15i15.13025>
- Duan, H., Li, J., Fan, S., Lin, Z., Wu, X., & Cai, W. (2021). Metaverse for Social Good. *Proceedings of the 29th ACM International Conference on Multimedia*, 153–161. <https://doi.org/10.1145/3474085.3479238>
- Gez, N.I., & Frolova, G.M. (2008). History of foreign methods of foreign language teaching. Moscow : Academia Publ. (In Russ.).
- Hernández-Serrano, M.J., González-Sánchez, M., & Muñoz-Rodríguez, J. (2009). Designing learning environments improving social interactions: Essential variables for a virtual training space. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 1(1), 2411–2415. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2009.01.423>
- Hislope, K. (2008). Language learning in a virtual world. *The International Journal of Learning: Annual Review*, 14(11), 51–58. <https://doi.org/10.18848/1447-9494/CGP/v15i11/46010>
- Hwang, G.-J., & Chien, S.-Y. (2022). Definition, roles, and potential research issues of the metaverse in education: An artificial intelligence perspective. *Computers and Education: Artificial Intelligence*, 3, 100082. <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2022.100082>

- Klimova, B. (2021). Use of virtual reality in non-native language learning and teaching. *Procedia Computer Science*, 192, 1385–1392. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.08.141>
- Kozlovitseva, N.A. (2024). Potential of VR-technologies application in teaching Russian as a foreign language. *The world of science, culture and education*, 1(104), 65–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-1104-65-67>.
- Liu, X., & Zhang, J. (2012). Foreign language learning through virtual communities. *Energy Procedia*, 17, 737–740. <https://doi.org/10.1016/j.egypro.2012.02.165>
- Livingstone, D. (2007). Second Life education workshop at the Second life community convention, San Francisco, August 20, 2006. *ELearn*, 2007(3), 4. <https://doi.org/10.1145/1235511.1235517>
- Livingstone, D., & Hollins, P. (2010). Virtual worlds, standards and interoperability. *International Journal of IT Standards and Standardization Research*, 8(2), 45–59. <https://doi.org/10.4018/jitsr.2010070104>
- Loseva, O.V. (2022). Types and classification of digital assets for valuation purposes. *Property relations in the Russian Federation*, 2(245), 45–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2072-4098-2022-2245-45-57>
- Márquez, I. (2011). Metaverses and education: Second Life as an educational platform. *Journal ICONO 14*, 9(2), 151–166. <https://doi.org/10.7195/ri14.v9i2.30>
- Murray, A., Kim, D., & Combs, J. (2023). The promise of a decentralized internet: What is Web3 and how can firms prepare? *Business Horizons*, 66(2), 191–202. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2022.06.002>
- Orehova, I.A. (2019). Virtual language environment, real language environment and language personality. *Slavic Culture: Origins, Traditions, Interaction: XX Cyril and Methodius Readings: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 521–524). Moscow. (In Russ.).
- Pashkovskaja, N.D. (2019). Scenario method in the process of teaching a foreign language. *Problems of modern pedagogical education*, (62–1), 225–228. (In Russ.).
- Passov, E.I. (1983). *Theoretical basis of teaching speaking in a foreign language*. Voronezh: Voronezh University Publ.
- Passov, E.I. (2000). *Programme-concept of communicative foreign-language education*. Moscow: Prosveshcheniye publ. (In Russ.).
- Peña Arcila, J.B. (2015). Metaversos para el máster iberoamericano en educación en entornos virtuales. *Etic@net. Revista Científica Electrónica de Educación y Comunicación En La Sociedad Del Conocimiento*, 14(2), 227–248. <https://doi.org/10.30827/eticanet.v14i2.11977>
- Pokholkov, Y.P., & Goryanova, L.N. (2022). Language environment: From concept to principles of creation. *Higher Education in Russia*, (7), 123–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-7-123-136>
- Prokhorov, Y.E., & Sternin, I.A. (2002). Russian communicative behaviour. Moscow. (In Russ.).
- Qiu, X. (2020). Virtual reality as a tech tool for students studying Russian in China. *Russian Language Studies*, 18(3), 328–341. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-3-328-341>
- Shih, Y.-C. (2014). The Meeting Point of Second Life® and Web 2.0. In *Cyber Behavior* (pp. 689–707). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-4666-5942-1.ch035>
- Sheils, D. (1995). *Communicativeness in teaching modern languages*. Strasbourg: Council of Europe Publ.
- Steinkuehler, C. (2008). Massively multiplayer online games as an educational technology: An Outline for Research. *Educational Technology*, 48, 10–21.
- Shchukin, A.N. (2015). Teaching verbal communication in Russian as a foreign language. Moscow: “Russian language”. Courses Publ. (In Russ.).
- Telnov, Y.F. (ed.). (2017). *Information System and Technologies*. Moscow: Unity Publ. (In Russ.).
- Tu, C.-H., & McIsaac, M. (2002). The relationship of social presence and interaction in online classes. *American Journal of Distance Education*, 16(3), 131–150. https://doi.org/10.1207/S15389286AJDE1603_2
- Vázquez-Cano, E., & Sevillano-García, M.L. (2018). Places and spaces for the educational and ubiquitous use of mobile digital devices in Higher Education. *EduTec. Revista Electrónica de Tecnología Educativa*, 62, 1007. <https://doi.org/10.21556/edutec.2017.62.1007>
- Velikosel'skiy, O.A. (2004). Using the technology of three-dimensional virtual multi-user worlds when teaching Russian as a foreign language. (Candidate dissertation, Saint Petersburg). (In Russ.).

- Wankel, C., & Kingsley, J. (2009). *Higher education in virtual worlds: Teaching and learning in Second Life*. Emerald Group Publishing Limited.
- Warburton, S. (2009). Second Life in higher education: Assessing the potential for and the barriers to deploying virtual worlds in learning and teaching. *British Journal of Educational Technology*, 40(3), 414–426. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8535.2009.00952.x>
- Zhao, Y., Jiang, J., Chen, Y., Liu, R., Yang, Y., Xue, X., & Chen, S. (2022). Metaverse: Perspectives from graphics, interactions and visualization. *Visual Informatics*, 6(1), 56–67. <https://doi.org/10.1016/j.visinf.2022.03.002>
- Zheng, Z., Xie, S., Dai, H. N., Chen, X., & Wang, H. (2018). Blockchain challenges and opportunities: A survey. *International Journal of Web and Grid Services*, 14(4), 352. <https://doi.org/10.1504/IJWGS.2018.095647>
- Zhiltsov, V.A., & Maev, I.A. (2020). V-learning and Modern Development Trends in Computer Linguistics: Virtual Language Environment. *ARPHA Proceedings* (pp. 2909–2924). <https://doi.org/10.3897/ap.2.e2909>
- Zhiltsov, V.A. (2023). Web 3 technologies and metaverses in the context of computer assisted language learning. *Russian Language Abroad*, 6(301), 43–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.37632/PI.2023.301.6.006>
- Zhuravleva, N.A. (1981). *Language environment as a learning factor and a reserve for increasing the effectiveness of short-term studying of Russian language*. [Author's abstr. cand. ped. diss.]. Moscow. (In Russ.).

Bio notes:

Elkhan G. Azimov, PhD, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Teaching Russian as a Foreign Language, Pushkin State Russian Language Institute, 6 Akademika Volgina St, Moscow, 117485, Russian Federation. *Research interests*: teaching Russian as a foreign language, terminology of linguistics, computer technologies in teaching Russian as a foreign language. ORCID: 0000-0002-3282-9177. SPIN-code: 2810-5922. E-mail: EGazimov@pushkin.institute

Vladimir A. Zhiltsov, Candidate of Pedagogy, Chief Expert of the Department of Scientific Activity, Pushkin State Russian Language Institute, 6 Akademika Volgina St, Moscow, 117485, Russian Federation. *Research interests*: computational linguistics, v-learning system, virtual language environments for teaching Russian as a foreign language. ORCID: 0000-0003-4161-5119. SPIN-code: 4257-5106. E-mail: vajiltsov@pushkin.institute.

Varvara M. Filippova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Foreign Specialist Internship, Pushkin State Russian Language Institute, 6 Akademika Volgina St, Moscow, 117485, Russian Federation. *Research interests*: ethno-oriented learning, learner autonomy development. The author of more than 50 scientific works. ORCID: 0000-0003-1480-1039. SPIN-code: 1246-2776. E-mail: vmfilippova@pushkin.institute

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
CULTURAL LINGUISTICS:
THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-451-464

EDN: TKKKNU

Research article

**Linguistic-culturological characteristics of a conflicting
linguistic personality in modern Internet discourse**

Fluza G. Fatkullina¹ , Saeedeh Dastamooz²

¹ Ufa University of Science and Technology, *Ufa, Russian Federation*

² Alzahra University, *Tehran, Iran*

 fluzarus@rambler.ru

Abstract. The research is devoted to the conflictual linguistic personality of a hater as one of the types of cybercommunication which are rapidly gaining popularity, namely, hating as a purposeful type of speech aggression on the Internet. The relevance of the proposed research is determined by the need to consider a new communicative reality in the modern Internet space and identify new forms of communication between members of the network community. The aim of the study is to describe the characteristic features of hating in modern Internet discourse, identify stereotypical features of haters, and consider the ideas about haters in the linguistic consciousness of communicants. The material was the scientific works of domestic and foreign scientists on virtual linguistic personality, as well as more than 300 interactions from popular Russian-language Internet chats where communicants resort to various speech strategies and tactics. The authors used linguistic-cultural, linguistic-pragmatic, descriptive methods, as well as elements of contextual-situational and intentional analysis. Synchronous Internet discourse is presented as a media platform for interaction, as well as the verbal and non-verbal impact of communication participants on each other and on a wide audience of users in general. The main characteristics of the modern cognitive and communicative space of the Internet (hypertextuality, virtuality, crealization, etc.) are highlighted and described in detail, and the characteristics of the speech behavior of the main virtual linguistic and cultural types are given. As a result of the study of one of the key linguistic and cultural types — the conflicting linguistic personality of a hater — the following characteristics of his speech behavior were revealed: a dynamic manipulative scenario, targeting and subjectivity, an attitude towards obtaining a perlocutionary effect when achieving the goal of pleasure, satisfaction, and self-admiration that the hater needs. It is also shown that, as a rule, famous and popular personalities are chosen as the object of cyber aggression for the manifestation of online hating; there is no objective assessment or criticism in the comments of the haters, their speech activity is exclusively destructive. The prospect of further research is related to the application of the proposed integrative approach to the study of other types of cyber aggression: flaming, trolling, cyberbullying, etc.

Keywords: linguistic and cultural type, conflicted linguistic personality, a hater, media text, speech behavior, virtual linguistic personality, speech aggression, provocation, hating

© Fatkullina F.G., Dastamooz S., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Contribution: *Fatkullina F.G.* — Conceptualization, creation of the manuscript and its editing, collection and analysis of the material, general management of the research; *Dastamooz S.* — Collection of material, systemisation and preparation of a draft manuscript, analysis of the material.

Conflict of interests. The authors declare that they have no conflict of interests.

Article history: received 12.01.2024; accepted 28.04.2024.

For citation: Fatkullina, F.G., & Dastamooz, S. (2024). Linguistic-culturological characteristics of a conflicting linguistic personality in modern Internet discourse. *Russian Language Studies*, 22(3), 451–464. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-451-464>

Introduction

In recent years, synchronous Internet discourse has become the most popular object of research by both Russian and foreign scientists, especially from the point of view of identifying the specifics and linguistic features of the implementation of speech tactics and strategies of the main participants in Internet communication.

The heterogeneity of the social environment, which can be described as the anonymously conditioned possibility of overcoming social, gender and age restrictions, is considered one of the main factors of the specificity of Internet communication, according to the vast majority of researchers.

Internet communication is more often defined as a type of oral and written discourse, since it actively combines almost all the characteristics of spoken language: redundancy of speech means, unpreparedness, jargon, abbreviations, etc. This trend is associated with the fact that the language used on the Internet is interactive, and the pace of communication is close to the pace of oral communication. An important factor is the informal environment of communication platforms on the Internet, which are as close as possible to oral speech.

Researcher P.E. Kondrashova identifies such discursive parameters of online communication as: “dynamism or processuality (user dialogue as the basis of communication); communicativeness (attitude to communication and search for an interlocutor); personification, situational conditioning” (Kondrashov, 2004: 90). An important feature of Internet communication is a pronounced connotativity, a peculiar emotional-evaluative, and sometimes expressive attitude of communicants to the subject, person or phenomenon under discussion.

Researcher E.V. Gorina presents a model of Internet discourse consisting of five constitutive properties: “cognitiveness, interactivity, variability, sociologicity and psychologicity” (Gorina, 2015).

P.E. Kondrashova, the discursive properties of Internet communication include “dynamism or processuality (user dialogue as the basis of communication); communicativeness (a set for communication and search for an interlocutor); personification, situational conditioning” (Kondrashov, 2004: 90). An important feature of Internet communication is a pronounced connotativity, a peculiar emotional-evaluative, and sometimes expressive attitude of communicants to the subject, person or phenomenon under discussion.

The phenomenon of Internet discourse as an effective tool of influence can be judged by the number of scientific studies, including foreign ones (see the works of Alexandrova, 2001; Afanasieva, 2010; Galichkina, 2004; Volodina, 2003; Van Dijk, 1989; Chomsky, 1988, etc.).

From the characteristics described above, we can conclude that “Internet discourse is a complex information and communication space in its structure, which organically adapts all known types of discourse in its forms, as well as their genres, and at the same time creates its own: blog, personal website, social networks, forums” (Podshivalova et al., 2022).

And, in our opinion, the means of speech influence used by communicants, which are designated as the subject in this study, acquire significant importance in this regard. By means of speech influence, we understand the whole combination of linguistic means, strategies and tactics that affect the addressee’s worldview, as well as his goals and attitudes.

The problems of studying the virtual linguistic personality and the features of Internet communication in the global network were considered in the works of Afanasyeva V.V., Apazheva L.T., Germasheva T.M., Lutovinova O.V., Nazarova R.Z., Sokolova G.N., Fatkullina F.G., etc. (Afanasyeva, 2010; Apazheva, 2014; Germasheva, 2014; Lutovinova, 2015; Nazarova & Sokolova, 2020; Fatkullina & Zaripova, 2020; Lucas, 2010, etc.).

Understanding the features of communication in the context of the manifestation of hating (from the English ‘hate’) in linguocultural and linguopragmatic aspects, as well as the problem of describing the conflicting speech behavior of Internet users are also widely represented in scientific research. There is a solid base of scientific papers that address the problems of the pragmalinguistic, gender, linguistic and cultural nature of interpersonal communication; on the theory of speech tactics, strategies and others (Bondarenko, 2006; Vetyugova, 2016; Mozgovaya, 2020, etc.).

In our opinion, the study of various ways and means of verbal influence on the mass consciousness of consumers, manifestations of verbal aggression in the Internet space, as well as discursive characteristics of modern Internet discourse seems relevant both from the point of view of creating effective technologies, the need for which is felt in many areas of human activity, including in the field of education and upbringing; as well as from the position of searching for mechanisms and tools to protect the recipients’ consciousness from information that distorts facts and is manipulative in nature.

The purpose of study is to identify and consider the linguistic and cultural features of the speech behavior of a conflicted personality (based on the material of the linguistic personality of a hater) and speech (network) etiquette in electronic interpersonal communication in the Internet space, as well as defining and clarifying the discursive characteristics of Internet discourse.

Methods and materials

As the main research material, we selected scientific papers devoted to the problems of studying the speech behavior of a virtual linguistic personality in linguocultural and linguopragmatic aspects, the problems of identifying and describing the constitutive features of synchronous Internet discourse. Special attention was paid to research devoted to the study of the features of destructive behavior of communication participants, as well as the understanding of their speech strategies and tactics.

To determine the pragmatics of the main linguistic and cultural types of Internet discourse, more than 300 interactions extracted from popular Russian-language social networks (VKontakte, Telegram, OK — Odnoklassniki, etc.) and Internet chats were studied, the analysis of which revealed the dominant strategies and tactics of communication participants.

In the proposed study, we applied analytical techniques of linguoculturology and linguopragmatics, functional-semantic and interpretative methods. Elements of contextual-situational and intentional analysis were used to analyze the media materials. We believe that the presented research methodology can be used in studying the problems of the influence of media content on a wide audience of Internet users, in order to create technologies to protect individual and mass consciousness from modern means of speech influence and manipulation, involving an arsenal of linguistic and psychological developments in this field.

Results

In the course of the research, the virtual linguistic personalities of the participants of the Internet discourse, the peculiarities of their linguistic behavior from the standpoint of linguoculturology and linguopragmatics are studied and modeled. Special attention is paid to one of the varieties of conflicted linguistic personality — linguistic personality of a hater.

As the analysis showed, anonymity and the virtual nature of communicative interaction on the Internet contribute to the choice of motives and goals, various manipulative tactics, optimal language tools, practically washing away psychological and moral barriers.

Among the speech features of a conflicted linguistic personality, there is a frequent use of special pictograms, a unique system of signs that replace non-verbal means of communication: emoticons, emojis, stickers, punctuation marks to convey emotions, assessment and mental states; gravitation to agrammatism (deviation from the norms of literary language), emotional syntax; polystylism (a combination of linguistic means of different functional styles).

In the course of the study, the main discursive characteristics of synchronous Internet discourse are clarified and described in detail: virtuality, globality, multi-functionality, genre generation, remoteness, hypertextuality and a special ethics of behavior due to anonymity.

The parameters of various genres of modern Internet discourse are defined: personal web pages, blogs, social networks and forums.

Discussion

It is customary to consider Internet discourse from two positions: as an information channel that includes countless other discourses and as a unique discourse with a set of its own characteristics. Based on the classification of E.N. Galichkina, we will highlight the main characteristics of Internet discourse (Galichkina, 2004). Let's highlight the main characteristics of Internet discourse, based on the classification of E.N. Galichkina (Galichkina, 2004):

1. An electronic signal as a communication channel.
2. Virtuality — a conceptual feature of Internet discourse characterized by multidimensionality. In fact, the characteristic of virtuality is a rough generalization, because the very lexeme of this concept indicates the absence of a material shell, i.e. the presence of this phenomenon only at the level of imagination, and, consequently, the impossibility of its assessment and interpretation. We can start analyzing Internet discourse only when translating the virtual into a sign system, so in this case it would be more correct to use the concept of “actualized virtuality.”
3. Globality. There are many subdiscourses in the Internet space that represent various fields of knowledge and human activity.
4. Distance — “separation in space and time and simultaneous synchronicity.”
5. Technical mediation — the process of interaction with Internet discourse occurs through technical means — computer, tablet, phone, smartphone. Unlike virtual, other discourses do not imply the need for any special skills, knowledge and tools.
6. Permeability — any user can become a participant in real-time communication.
7. Hypertextuality is one of the most important parameters of Internet discourse. A hypertext allows you to establish non-linear, associative connections within a single text and between its fragments. At its core, it is a new organization of texts, an entire information space that determines the structure of information in Internet discourse. Technically, a hypertext is a series of interconnected texts united by a system of links. This information space can only be compared in depth with the structure of the processing of ideas by the human brain.
8. Creolization of texts is a combination of textual, visual or auditory components into a structural whole. Thus, both linguistic and paralinguistic means are used in the texts. This also includes a variable choice of font, size, type and color versions of the font in the text. The use of creolized texts with the help of multimedia means gives users the opportunity not only to express themselves, but also to act within the framework of a single communicative situation.
9. Virtual democracy — the absence of any hierarchy in the global sense. Interaction in Internet discourse is characterized by the erasure of social, economic and political factors. According to some researchers, this feature is possible due to the anonymity of virtual discourse.
10. A special ethics of behavior characterized by non-observance or absence of rules of (speech) behavior, due to a high degree of anonymity.
11. Multifunctionality: communicative-spatial, informational, educational and applied, etc.
12. The genre-generating environment is characterized by the emergence of new forms of language interaction: blog, social networks, online broadcasts, which we will analyze before we begin to analyze the linguistic personalities of participants in network communication.

On the pages of a *personal website (web page)*, individuals tries to present themselves, express their opinion and offer some ideas. Personal websites are characterized by hypertext organization, i.e. the presence of a connection of different topics with active hyperlinks.

Social networks are integral web pages with blocks united by an idea: Facebook¹, OK — Odnoklassniki; VK — VKontakte and etc.

A *blog* is a very popular genre, the main purpose of which is the self-presentation of the user (blogger), expressing personal opinions about any socially significant problems of society, indicating the provision of services in any field, etc. Blogs are usually open to all users and comments.

The genre of a forum (online forum) is a network community within a site. The communicative purpose of the forum is to communicate on certain topics.

Thus, with some regret, we have to state that we really gradually got into the World Wide Web, because we visit some sites at least once a day to find the necessary information or to communicate (Vorob'ev et al., 2023). We live in an era of reduced direct contact (this is especially typical for the youth environment), and, consequently, the emergence of a new form of interaction in society, a new type of social virtual relationship “personality \Leftrightarrow computer \Leftrightarrow personality”.

Hence, there is a need to consider and model the linguistic personalities of participants in Internet discourse, the peculiarities of their linguistic behavior from the perspective of linguo-culturology and linguopragmatics.

Since any user of the network is a native speaker, can produce texts in conditions of Internet communication for the purpose of either self-presentation or to achieve certain goals and objectives, then he can confidently be called a language personality (Karaulov, 2010), more precisely a virtual linguistic personality (LP). It should be noted that in the context of computer-mediated network communication, the problem of a broad understanding of a virtual personality arises, since it appears too generalized compared to a linguistic personality in a situation of real communication. The metaphorical name of the virtual LP even appeared on the network: “the clicking person”, “digital personality” “post-human” (Tarasenko, 2000; Lucas, 2010). The researchers also include computer robotic programs with artificial intelligence (for example, “Alice”, “Siri”) in the concept of virtual LP, as well as user-controlled characters, fictional language personalities or masks, which become a kind of protective mechanism of a virtual personality (Lutovinova, 2015).

Thus, we can describe and interpret a virtual linguistic personality as a verbalized linguistic personality with individual characteristics of speech behavior on the web. Hence, we can talk about the emergence of a new online subculture and a unique communicative environment characterized by a mixture of literary and colloquial styles of speech, with the use of auditory, visual and multimedia means.

From a cultural point of view, virtual linguistic personalities are carriers of a particular culture, therefore they can be considered as linguistic and cultural types (V.I. Karasik's term), i.e. “generalized recognizable representatives of certain groups of society, whose behavior embodies the norms of linguistic culture as a whole and influences the behavior of all representatives of society” (Karasik, 2007: 83).

In our case, the belonging of a virtual linguistic personality to a particular linguistic and cultural type of network communication is determined by a characteristic set of linguistic techniques and speech strategies and communicative behavior of the individual. So, based on the analysis of these parameters, several

¹ Social network owned by Meta, was recognized as extremist and banned in the Russian Federation.

independent linguistic and cultural types are distinguished: “author / blogger”, “commentator”, “administrator / moderator”.

1. Any Internet user aged 30–60 years old who creates certain speech works (texts), as a rule, having a higher humanitarian education, can act as an author. In most cases, the texts he creates characterize him as a person of a high level of culture (well-spoken, compliance with the rules of spelling and punctuation, he practically does not use jargon and colloquial vocabulary, minimal use of graphic means of non-verbal information). Some researchers attribute the author to the basic type of Internet culture (Nazarova & Sokolova, 2020).

2. The basic type of Internet culture also includes an administrator / moderator — this is, as a rule, a man 25–50 years old with higher technical education, engaged in the field of IT technologies; this type is characterized by a high level of speech competence: his speech is correct, concise, in compliance with all the rules of grammar and punctuation. The main function of moderators is to monitor compliance with the rules and norms of speech behavior on websites and in chat rooms.

3. The next linguistic and cultural type — a commenter — is a user who, without editing the text written by the author directly, writes comments, gives likes, to put it shortly, he affects the emotional and evaluative background of a particular message.

Virtual linguistic and cultural types are almost impossible to describe externally, however, in Internet discourse there are additional markers for such participants of communication, such as “nickname”, “avatar”, “status”, various graphic means of transmitting information (emojis, stickers, audio files, etc.), forming an image of these linguistic and cultural types.

Let's focus in more detail on the description of the conflicted linguistic personality of hater, which occupies one of the key positions in modern personal Internet communication. A hater is a person or one of a group of people who hate something, more often than not, and write offensive, sometimes aggressive comments and messages on social networks. A hater is a collective type of participant in personal Internet discourse, with an extensive structure: it includes “trolls” (social provocateurs), “spammers”, “flamers” (from the word flame), “flooders” (from the word flood). The generalized characteristics of a typical hater include the age of 15–45 years, more often a man with a low level of communication culture. Hater is a typical representative of marginal Internet culture. and the phenomenon of hating itself, as well as its varieties of trolling, occupies a leading position on the Internet. Researchers explain this fact primarily by extralinguistic reasons that reflect the specifics of the mentality and worldview, as well as the mental properties of Internet communicants of our time.

First of all, it is necessary to separate hater from the critic, who expresses his opinion with a basis, even a subjective one, provides facts and arguments that form the basis of his point of view, and sometimes constructive criticism can be very useful. Hater, on the other hand, lacks any evidence base and, moreover, objectivity, and his main goal is to cause a psychoemotional disorder in the addressee and force him to play out his manipulative scenario, which is facilitated by anonymity and accessibility of virtual communication (Kilvington, 2021). To achieve this goal, this linguistic and cultural type chooses any information occasion, more often

focusing on relevant and topical issues, “the coverage of which is associated with the creation of an atmosphere of provocation and incitement to inappropriate verbal responses from participants in network interaction in the correspondence space” (Kuryanovich, 2018: 129).

The reason for hating can be both provocative stories about the lives of the stars of modern “show business”, and arguments on topical social issues, as long as the main thing for hater is the destructive flow of communication, removing the addressee from a state of emotional balance. This, as we have already pointed out, is primarily facilitated by anonymity and a virtual environment of interaction, which embolden conflicting linguistic personalities, practically removing psychological and moral barriers that are inherent in real life.

Hater's linguistic and phonological status is difficult to recognize, since he uses fictitious names, does not act on his own behalf, but creates a non-existent image in virtual discourse. All this actually “nullifies” hater's responsibility for his speech actions. Hater's communicative behavior is characterized by hidden provocation, emotional verbal sparring, insults, a desire to influence the feelings and emotions of the object of his hate, while experiencing pleasure, increased self-esteem and mood (so-called energy vampirism).

The destructive style of behavior of haters is reflected in their relatively stable types of statements, i.e. speech genres, the main of which is the hating — an aggressive online speech genre with its own strategies and tactics and specific language design. According to lexicographic dictionaries, researcher O.V. Lutovinova has derived the most complete, in our opinion, definition of hating: “hating is an expression of a strong feeling of dislike, irritation, hostility towards someone, i.e. a manifestation of hatred, usually when interacting in the communicative space of the Internet” (Lutovinova, 2021: 97).

Hater's linguistic personality is represented by units of almost all language levels. Let's demonstrate this conflicting virtual LP using the example of the hating of the famous and perhaps the most popular Russian singer Yaroslav Dronov, who performs under the pseudonym Shaman, since celebrities are primarily targeted by haters.

At the phonetic level, the boldness and aggressiveness of haters is observed at the level of markers such as logical stress and intonation, which are expressed graphically:

... you (in America) are not interesting to **anyo-oo-one**;

I know — they will throw everything at me now that will be at hand. That there will be no limit to the outrage of the majority. After all, everyone so **WANTED** to hear something in the key in which the **new singer** expressed it to them, albeit rudely and clumsily²;

Yupppp, [he], made everyone feel the heat, so to speak³.

Hater manifests himself especially vividly at the lexical level: there is the use of abusive non-literary units; roughly colloquial vocabulary, as well as invectives, obscene vocabulary, etc.: a paid man, a Kremlin minion, a non-patriot for money,

² The Shaman. Why am I not excited about the new singer. Retrieved December 12, 2023, from <https://dzen.ru/a/Yxoz8li2n2VIXWfs>

³ Shaman. VK. Retrieved December 12, 2023, from https://vk.com/shaman_me

the most fondled singer, a sh<...>talker a super-duper artist, a kid with subcultural African pigtails and such.

At the grammar level, there is a frequent use of modal words and expressions: directives, negative evaluative expressions with evaluative predicates, infinitive interrogative sentences with the particle *whether* (Dastamuz, 2013), etc.:

... some lured singers release nationalist clips on Hitler's birthday, with armbands suspiciously resembling Russian Liberation Army symbols, and with slogans like "God is with us"⁴.

*He answers all uncomfortable questions under the guise of God or that knowledge came to him from above. **It's so convenient!** I wonder whether the dark streak in the musician's life has ended already...⁵*

Haters of different levels began to disperse the theme of the so-called fascist style, in which the singer performs. Close-up, short haircut, blond stripes, bangs on the side. A leather jacket with a bandage on the arm (tricolor), which are usually worn by employees of the Federal Security Service. In fact, the image of a patriotic rocker, a man who stood up for the Motherland — but in his creative role, they tried to associate it with the images of the military of the Third Reich.

The rhetorical and stylistic level of hating is represented by a wide range of stylistic means and techniques: making personal remarks, rhetorical questions, exclamations, ridicule, banter, verbal pressure, switching of attention, etc.:

1) *Art??? Then **pig's squeal can also be considered art**???*⁶;

2) *How long will you show this **Kremlin buffoon**???* I'm sick of him already!⁷;

3) *... why does a Russian patriot need **these non-Russian dreadlocks** on his head?*⁸;

4) *The problem with the system is that Russian patriots are portrayed by **non-patriots for money***⁹.

So, let's summarize the results. Firstly, the linguistic and cultural types of personal Internet discourse are not isolated from each other, they are in constant interaction. Secondly, the stereotypical characteristics of communicants may differ from the real representatives of the typified groups. Thirdly, the characteristics of virtual linguistic and cultural types are devoid of descriptions of external features,

⁴ Herald of the Storm. Retrieved January 12, 2024, from <https://vestnikburi.com/poka-nekotorye-prikormlennye-pevczy-vypuskayut-nacjonalisticheskie-klipy-v-den-rozhdeniya-gitlera-s-povyazkami-na-ruke-podozritelno-napominayushhimi-simvoly-roa-i-s-lozungami-tipa-s-nami-bog-podozrit>*

* This material (information) was produced, distributed and (or) sent by a foreign agent A.V. Rudoy.

⁵ Boycott, Nazi parody, LGBT* background check: a dark streak in SHAMAN's life. Retrieved February 15, 2024, from <https://news.ru/show-business/bojkot-nacistskaya-parodiya-proverka-na-lgbt-chernaya-polosa-v-zhizni-shaman/>

* The "international LGBT movement" was recognized as extremist and banned in Russia.

⁶ From utter despair to an audience of millions: how SHAMAN became the discovery of the year. Retrieved February 15, 2024, from https://dzen.ru/a/Y3K7TZi_C3FpIdG8.

⁷ Vkontakte. Retrieved December 4, 2022, from https://vk.com/wall-151660297_1953504?ysclid=lw28mclmk7459231684

⁸ Yaroslav Dronov (Shaman): Split personality? Retrieved September 4, 2023, from // https://vk.com/wall-49622204_677426

⁹ Vkontakte. Retrieved June 20, 2023, from https://vk.com/wall-68934093_190077

but they can be identified by the speech means and communication models they use. And, finally, fourthly, the speech behavior in the network of a hater's conflictual LP, which we have discussed in more detail, is characterized by: a dynamic manipulative scenario, targeting and subjectivity, an attitude towards obtaining a perlocative effect, when achieving the goal desired by hater, obtaining pleasure, satisfaction and self-admiration.

Conclusion

The linguistic and cultural features of Internet discourse considered in the study have a number of specific features. Since the life of a modern person has gradually acquired a hybrid format (it begins in real life and continues on the web), synchronous Internet discourse has become a kind of open media platform for interaction, as well as the verbal and non-verbal impact of communication participants on each other and on a wide audience of users in general.

The verbal interaction of linguistic and cultural types is mediated by an electronic information transmission channel, which gives almost unlimited possibilities for using various manipulative strategies and tactics using modern computer technologies, which creates the effect of presence and even participation. The discursive nature, as well as the high anonymity of Internet communication, have provided almost unlimited opportunities for conflicting linguistic personalities (haters, trolls, flammers, etc.) to manifest negative intentions in order to create a speech conflict, which is aimed at denigrating and negatively transforming the image of the addressee in society, to discredit him (especially celebrities).

The study of hating seems relevant both theoretically and practically, since this genre is based on verbal aggression, destructive communicative behavior, which need to develop effective tactics.

The parameters of conflict communication in Internet discourse considered in the study in the aspect of linguoculturology and linguopragmatics make a definite contribution to the development of modern scientific theories, in particular, communicative linguoculturology.

References

- Alexandrova, O.V. (2001). Cognitive and pragmatic features of the construction of media discourse. *The language of mass information as an object of interdisciplinary research* (pp. 25–27). Moscow: Moscow State University. (In Russ.).
- Apazheva, L.T. (2014). Model of the linguistic personality of the subject of virtual communication. *Current problems of philology and pedagogical linguistics*, (16), 138–144. (In Russ.).
- Afanasieva, V.V. (2010). HomoVirtualis: psychological characteristics. *News of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 10(2), 59–64. (In Russ.).
- Bondarenko, T.A. (2006). *Personality transformation in virtual reality*. Rostov-on-Don: Don State Technical University Publ. (In Russ.).
- Chomsky, N. (1988). *Language and politics*. Montréal; New York: Black rose books.
- Dastamuz, S. (2013). Communicative properties of infinitive interrogatives sentences with the particle *nu*. *Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology*, (2), 142–147. (In Russ.).
- Fatkullina, F.G., & Zaripova, E.M. (2020). Linguistic manipulation of the basic values of modern society in the digital media environment. *World of science, culture, education*, 3(82), 387–388. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00587>
- Galichkina, E.N. (2004). Characteristics of computer discourse. *Orenburg State University Bulletin*, (10), 55–59. (In Russ.).

- Germasheva, T.M. (2014). Virtual linguistic personality in the space of blog discourse. *Adygea State University Bulletin. Series 2: Philology and art history*, 2(140), 36–40. (In Russ.).
- Gorina, E.V. (2015). Internet discourse in terms of impact on the user. *Political linguistics*, 52(2), 150–155. (In Russ.).
- Karasik, V.I. (2007). Discursive personology. *Language, communication and social environment* (pp. 78–86). Voronezh: Voronezh State Univ. Publ. (In Russ.).
- Karaulov, Yu.N. (2010). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: LKI Publ. (In Russ.).
- Kilvington, D. (2021). The virtual stages of hate: Using Goffman's work to conceptualise the motivations for online hate. *Media, Culture & Society*, 43(2), 256–272. <https://doi.org/10.1177/0163443720972318>
- Kondrashov, P.E. (2004). *Computer discourse: Sociolinguistic aspect*. (Candidate dissertation, Krasnodar). (In Russ.).
- Kuryanovich, A.V. (2018). Experience of linguistic and legal characteristics of a conflicting linguistic personality (using the example of analysis of the communicative behavior of a troll in online correspondence). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, (2), 127–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-2-127-142>
- Lucas, Ch. (2010). *Creating a positive Virtual persona*. Education.com. Bringing Learning To Life. http://www.education.com/magazine/article/Virtual_Persona
- Lutovinova, O.B. (2015). Virtual linguistic personality: to the definition of the concept. *World of science, culture, education*, (1(50)), 288–292. (In Russ.).
- Lutovinova, O.B. (2021). Genre characteristics of hating. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, (9(162)), 96–103. (In Russ.).
- Mozgovaya, O.A. (2020). Provocative strategies of trolling and hating in German-language Internet texts. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences*, (2(831)), 119–131. (In Russ.).
- Nazarova, R.Z., & Sokolova, G.N. (2020). Classification of linguocultural types of participants and genre linguistic features of personal Internet discourse. *Foreign languages in the context of intercultural communication*, (XII), 125–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/9999-052A-2020-00024>
- Podshivalova, T.P., Titova, E.V., & Gromova, E.A. (Ed.). (2022). *The law of the digital environment*. Moscow: Prospekt Publ. (In Russ.).
- Tarasenko, V.V. (2000). Anthropology of the Internet: self-organization of the “clicking person”. *Social sciences and modernity*, (5), 111–120. (In Russ.).
- Van Dijk, T.A. (1989). *Language. Cognition. Communication*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.).
- Vetyugova, L.I. (2016). Speech manipulation as a form of influence. *University Readings Materials of scientific-methodical readings of Pyatigorsk State Linguistic University Pt. III* (pp. 83–87). Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University Publ. (In Russ.).
- Volodina, M.N. (2003). The language of mass communication is the main means of information influence on public consciousness. In M.N. Volodina (Ed.), *The language of mass information as an object of interdisciplinary research* (pp. 6–23). Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.).
- Vorob'ev, V.V., Fatkullina, F.G., & Kuzhuget, Sh.Yu. (2023). Linguoculturological description of the spatial code of culture (based on the material of the Russian and Tuvan languages). *New Research of Tuva*, (4), 153–170. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.11>

Bio notes:

Fluza G. Fatkullina, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Comparative Philology, Ufa University of Science and Technology, 32 Zaki Validi St., Ufa, 450076, Russian Federation. *Research interests*: linguoculturology, media language, semantics, pragmatics, discourse studies. ORCID: 0000-0001-8711-2993. SPIN-code: 2022-2453. E-mail: fluzarus@rambler.ru

Saeedeh Dastamooz, PhD, Head of Affiliate Network Center Pushkin Institute in Iran, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Literature, Alzahra University, North Sheikh Bahae St., Deh-e Vanak, Tehran, 1993891176, Iran. *Research interests*: Russian language, discourse studies, translation studies, semantics, pragmatics, RFL. ORCID: 0000-0003-1812-8427. E-mail: s.dastamooz@alzahra.ac.ir

Лингвокультурологическая характеристика конфликтной языковой личности в современном интернет-дискурсе

Ф.Г. Фаткуллина¹✉, С. Дастамуз²✉

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

² Университет Аль-Захра, Тегеран, Иран

✉ fluzarus@rambler.ru

Аннотация. Исследована конфликтная языковая личность хейтера как одного из активных представителей современной киберкоммуникации, а также хейтинга как целенаправленного вида речевой агрессии в интернет-пространстве. Актуальность предлагаемого исследования определяется необходимостью рассмотрения новой коммуникативной реальности в современном интернет-пространстве и выявления новых форм коммуникации между участниками сетевого сообщества. Цель исследования — описать характерные особенности хейтинга в пространстве интернет-дискурса, выявить стереотипные черты хейтеров, рассмотреть представления о хейтерах в языковом сознании коммуникантов. Материалом послужили научные труды российских и зарубежных ученых, посвященные вопросам изучения виртуальной языковой личности, а также более 300 интеракций из популярных русскоязычных интернет-чатов, в которых коммуниканты прибегают к различным речевым стратегиям и тактикам. В качестве методов использованы лингвокультурологический, лингвопрагматический, описательный, а также элементы контекстно-ситуативного и интенционального анализа. Синхронный интернет-дискурс представлен как медийная площадка для взаимодействия, а также речевого и невербального воздействия участников коммуникации друг на друга и на широкую аудиторию пользователей в целом. Выделены и детально описаны основные характеристики современного когнитивно-коммуникативного пространства интернета (гипертекстуальность, виртуальность, креализованность и под.), даны характеристики речевого поведения основных виртуальных лингвокультурных типажей. В результате исследования одного из ключевых лингвокультурных типажей — конфликтной языковой личности хейтера — выявлены следующие характеристики его речевого поведения: динамичный манипулятивный сценарий, адресность и субъектность, установка на получение перлокутивного эффекта при достижении нужной ему (хейтеру) цели получения удовольствия, удовлетворения и самолюбования. Также показано, что для проявления онлайн-хейтинга в качестве объекта киберагрессии выбираются, как правило, знаменитые и популярные личности; в комментариях хейтеров отсутствует объективная оценка или критика, их речевая деятельность носит исключительно деструктивный характер. Перспектива дальнейшего исследования связана с применением предложенного интегративного подхода к изучению других видов киберагрессии в интернет-пространстве: флейминга, троллинга, кибербуллинга и под.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, конфликтная языковая личность, хейтер, медиатекст, речевое поведение, виртуальная языковая личность, речевая агрессия, провокация, хейтинг

Вклад авторов: *Фаткуллина Ф.Г.* — концептуализация, создание рукописи и ее редактирование, сбор и анализ материала, общее руководство исследованием; *Дастамуз С.* — сбор материала, систематизация и подготовка черновика рукописи, анализ материала.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12.01.2024; принята к печати 28.04.2024.

Для цитирования: *Fatkullina F.G., Dastamooz S.* Linguistic-culturological characteristics of a conflicting linguistic personality in modern Internet discourse // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 451–464. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-451-464>

Список литературы

- Александрова О.В.* Когнитивно-прагматические особенности построения дискурса СМИ // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М. : Изд-во МГУ, 2001. С. 25–27.
- Апажеева Л.Т.* Модель языковой личности субъекта виртуальной коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 138–144.
- Афанасьева В.В.* HomoVirtualis: психологические характеристики // Известия Саратовского университета. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10. № 2. С. 59–64.
- Бондаренко Т.А.* Трансформация личности в условиях виртуальной реальности. Ростов-на-Дону : Издательский центр ДГТУ, 2006. 50 с.
- Ветюгова Л.И.* Речевая манипуляция как форма воздействия [Электронный ресурс] 2016. URL: http://pglu.ru/upload/iblock/575/statuya_17_.pdf
- Володина М.Н.* Язык массовой коммуникации — основное средство информационного воздействия на общественное сознание // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М. : Изд-во МГУ, 2003. <https://evartist.narod.ru/text12/01.html>
- Воробьев В.В., Фаткуллина Ф.Г., Кужугет Ш.Ю.* Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 153–170. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.11>
- Галичкина Е.Н.* Характеристики компьютерного дискурса // Вестник ОГУ. 2004. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-kompyuternogo-diskurs>
- Гермашева Т.М.* Виртуальная языковая личность в пространстве блог-дискурса // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 2 (140). С. 36–40.
- Горина .В.* Дискурс Интернета в аспекте воздействия на пользователя // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 150–155. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-interneta-v-aspekte-vozdeystviya-na-polzovatelya>
- Дастамуз С.* Коммуникативные свойства инфинитивных вопросительных предложений с частицей *ли* // Вестник Московского университета. Серия 9. 2013. № 2. С. 142–147.
- Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 312 с.
- Карасик В.И.* Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. № 5. С. 78–86.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
- Кондрашов П. Е.* Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 : Краснодар, 2004. 189 с.
- Курьянович А.В.* Опыт лингво-правовой характеристики конфликтной языковой личности (на примере анализа коммуникативного поведения тролля в сетевой переписке) // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2018. 2 (191). С. 127–142. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-2-127-142>
- Лутвинова О.Б.* Виртуальная языковая личность: к определению понятия // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 1 (50). С. 288–292.
- Лутвинова О.Б.* Жанровые характеристики хейтинга // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 9 (162). С. 96–103.
- Мозговая О.А.* Провокационные стратегии троллинг и хейтинг в немецкоязычных интернет-текстах // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. № 2 (831). С. 119–131.
- Назарова Р.З., Соколова Г.Н.* Классификация лингвокультурологических типажей участников и жанровых языковых особенностей персонального интернет-дискурса // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2020. С. 125–132.
- Подшивалов Т.П., Титова Е.В., Громова Е.А.* Право цифровой среды : монография. М.: Проспект, 2023. С. 896.
- Тарасенко В.В.* Антропология Интернет: самоорганизация «человека кликающего» // Общие научные проблемы культуры и современность. 2000. № 5. С. 111–120.
- Фаткуллина Ф.Г., Зарипова Э.М.* Языковое манипулирование базовыми ценностями современного общества в цифровой медиасреде // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 387–388. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00587>

- Chomsky N.* Language and politics / Ed. by C.P. Otero. Montréal; New York : Black rose books, Cop. 1988. 779 p.
- Kilvington D.* The virtual stages of hate: Using Goffman's work to conceptualise the motivations for online hate // *Media, Culture & Society*. 2021. Vol. 43. № 2. P. 256–272. <https://doi.org/10.1177/0163443720972318>
- Lucas Ch.* Creating a positive Virtual persona. Education.com. Bringing Learning To Life. 2010. Available at: http://www.education.com/magazine/article/Virtual_Persona

Сведения об авторах:

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член РАЕН, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, язык СМИ, семантика, прагматика, дискурсоведение. ORCID: 0000-0001-8711-2993. SPIN-код: 2022-2453. E-mail: fluzarus@rambler.ru

Дастамуз Саиде, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Университет Аль-Захра, руководитель центра партнерской сети Института Пушкина в Иране, Иран, 1993891176, г. Тегеран, Дех-и Ванак, Северная улица Шейха Бахаи. *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, дискурсоведение, переводоведение, русский язык, семантика, прагматика. ORCID: 0000-0003-1812-8427. E-mail: s.dastamooz@alzahra.ac.ir

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ: ПОЗИЦИЯ УЧЕНОГО SCIENTIFIC DISCOURSE: SCIENTIST'S OPINION

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-465-479

EDN: TMJIEB

Научная статья

Таксис в высказываниях с глаголами движения в русском языке: нестандартные ситуации одновременности

Е.Ю. Иванова-Жданова¹, И.П. Матханова²¹ Новосибирский государственный технический университет,
*Новосибирск, Российская Федерация*² Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Российская Федерация
 elenaivanova-zhdanova@yandex.ru

Аннотация. Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования взаимодействия лексической и грамматической семантики при характеристике ситуаций, имеющих общую концептуальную основу движения (хронологического и пространственного); изучения нецентральных грамматических явлений, семантика которых в большей степени зависит от среды; создания системы субкатегоризации нестандартных таксисных ситуаций. Цель исследования — выявление спектра ситуаций одновременности, которые реализуются при участии финитных глаголов и деепричастий с семантикой движения, противопоставленных по некаузативности/каузативности. Материалом послужили художественные тексты XX–XXI в., представленные в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка. Анализировались высказывания, включающие некаузативные глаголы движения и каузативные деепричастия движения. Исследуемый материал отличается обусловленностью значения одновременности взаимодействием лексических значений некаузативных глаголов движения и каузативных деепричастий движения и экстралингвистическими факторами. Основной метод исследования — функциональный анализ, базирующийся на теории категориальных ситуаций А.В. Бондарко. Выявлено два основных типа аспектуально-таксисных ситуаций: одновременность процессов движения и одновременность целостных фактов движения, каждая из которых включает несколько разновидностей. Одновременность процессов движения включает 3 ситуации: одновременность процессов движения в срединных фиксируемых периодах; проспективную одновременность процессов движения; ретроспективную одновременность процессов движения. Одновременность целостных фактов движения включает 2 ситуации: одновременность результатов целостных фактов движения; одновременность целостных фактов движения при неактуализированности результата каузативного движения. Перспективы работы заключаются в продолжении изучения роли лексической семантики в русских таксисных конструкциях и сопоставительном исследовании высказываний с деепричастиями.

Ключевые слова: таксисная семантика, аспектуально-таксисные ситуации одновременности, русское деепричастие, нефинитные формы, семантика движения

Вклад авторов: *Иванова-Жданова Е.Ю.* — концептуализация: формулирование исследовательских целей и задач; методология: создание модели исследования; проведение

© Иванова-Жданова Е.Ю., Матханова И.П., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

исследования; создание черновика рукописи; создание рукописи и ее редактирование; *Матханова И.П.* — концептуализация: формулирование идеи; методология: разработка методологии исследования; создание рукописи и ее редактирование: комментирование и пересмотр рукописи; руководство исследованием.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10.02.2024; принята к печати 18.05.2024.

Для цитирования: *Иванова-Жданова Е.Ю., Матханова И.П.* Таксис в высказываниях с глаголами движения в русском языке: нестандартные ситуации одновременности // *Русистика*. 2024. Т. 22. № 3. С. 465–479. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-465-479>

Введение

Современная функциональная лингвистика, в т.ч. функциональная грамматика русского языка, характеризуется такими свойствами, как интегральность, внимание к переходным нестандартным явлениям в языке, стремление выявить закономерности речевой системности (Кубрякова, 1995; Гак, 1985; Бондарко, 2017). Это проявляется в изучении взаимодействия лексической и грамматической семантики, прагматических и экстралингвистических факторов и т.д.

В данной работе рассматривается таксис в русском языке. Таксис — семантическая категория, отражающая один из аспектов понятия времени — хронологическую последовательность действий: предшествование, одновременность и следование (Jakobson, 1984; Бондарко, 1987b; Акимова, Козинцева, 1987; Храковский, 2009; Дремов, 2019; Миллиареси, 2019; Корди, 2020 и др.). Категория таксиса выражается только при синтагматическом взаимодействии двух или более форм, прототипически — глагольных, напр.: *Когда он пришел домой, он приготовил обед; Придя домой, он лег отдыхать; Идя по улице, он смотрел по сторонам.* В русском языке общепризнанной является роль видовых форм в выражении таксиса: несовершенного (НСВ) в выражении одновременности (напр.: *Когда он возвращался домой, он говорил по телефону; Идя по улице, он смотрел по сторонам*), совершенного (СВ) в выражении последовательности (напр.: *Когда он пришел домой, он приготовил обед; Придя домой, он лег отдыхать*). Тем не менее, для выражения таксиса важна не только грамматическая семантика вида (аспектуальность), но и лексическая семантика глаголов.

В центре нашего внимания находится выражение таксиса в русских конструкциях с деепричастиями и финитными глаголами с определенной лексической семантикой — движения.

Выбор предмета исследования объясняется несколькими факторами.

Во-первых, внимание к единицам с семантикой движения обусловлено тем, что таксис как семантическая категория, отражающая один из аспектов понятия времени, связан с метафорой времени как пространственного движения (Lakoff & Johnson, 1999). Однако до сих пор такая корреляция лексической семантики движения и грамматической семантики таксиса не была исследована.

Во-вторых, русские таксисные конструкции с глагольными формами, относящимися к одной лексической группе, ранее не попадали в поле зрения исследователей. В работах, где рассматриваются деепричастные конструк-

ции, наиболее подробно освещен аспект грамматического выражения деепричастиями разных лексических групп семантики одновременности и последовательности (предшествования и следования)¹ (Виноградов, 1972; Исаченко, 2003; Кудинова, 2018; Коцкова, 2019; Ляшенко, 2019; Уржа, 2024 и др.). При этом в основном роль лексического значения рассматривается фрагментарно. На данный момент этот аспект исследован в работе Н.В. Зорихиной-Нильссон (Зорихина-Нильссон, 2014).

В-третьих, русские деепричастные конструкции отличаются моносубъектностью, что накладывает семантические ограничения на высказывания с ними: деепричастие и финитный глагол могут обозначать только действия, осуществляющиеся одним субъектом. В этой связи невозможно построение конструкций, члены которых содержат несовместимые денотативные признаки, напр. **летя, бежал* (движение по воздуху / по земле); **идя, ехал* (движение пешком / на транспорте); **прыгая, бежал* (движение с отрывом от земли / без отрыва от земли). Выявлено, что моносубъектность обуславливает необходимость противопоставленности по каузативности / некаузативности для выражения таксисной семантики, поскольку только при этом условии деепричастие и финитный глагол обозначают разные виды движения одного субъекта.

Проанализированы русские конструкции с деепричастиями и финитными глаголами с семантикой движения, противопоставленными по признаку каузативности / некаузативности, напр.: *Он шел, неся знамя; Мы возвращались домой, везя сувениры.*

Характеризуя глаголы движения в русском языке, необходимо отметить, что они составляют обширное семантическое поле, которое классифицируется по разным признакам (по каузативности / некаузативности, характеру движения, по сфере движения, по способу движения (Ибрагимова, 1975); по носителю движения (Блягоз, 1964) и др.). Спецификой поля глаголов движения в русском языке является наличие особой группы коррелятивных глаголов движения НСВ, состоящих из 18 пар (Русская грамматика, 1980) и являющихся «архаическим структурно-семантическим типом русского глагола» (Авилова, 1976: 107). От остальных глаголов движения они отличаются оппозицией по неоднаправленности / одинаправленности и кратности / не кратности (Русская грамматика, 1980). Большинство пар составляют некаузативные глаголы движения (такие как *ходить* и *идти*, *ездить* и *ехать*, *плавать* и *плыть*, *летать* и *лететь* и др.); меньшую часть — каузативные глаголы (такие как *носить* и *нести*, *водить* и *вести*, *возить* и *везти* и др.). Из всего спектра характеристик глаголов движения для данного исследования в первую очередь релевантны каузативность/некаузативность; эксплицитно выраженная направленность в пространстве (у приставочных глаголов) / отсутствие эксплицитно выраженной направленности (у бесприставочных глаголов).

Цель исследования заключается в выявлении нестандартных аспектуально-таксисных ситуаций одновременности, которые могут выражаться в высказываниях с финитными некаузативными глаголами движения и каузативными деепричастиями движения.

¹ Русская корпусная грамматика. URL : <http://rusgram.ru/Деепричастие> (дата обращения : 15.04.2024).

Методы и материалы

Исследование проводилось с применением функционального анализа, основывающегося на теории категориальных ситуаций А.В. Бондарко (Бондарко, 1987а) и предполагающего выявление системы субкатегоризации семантической категории.

В силу ограниченного объема статьи для анализа были выбраны высказывания, включающие:

1) деепричастия, образованные от 3 наиболее употребительных бесприставочных каузативных однонаправленных глаголов движения НСВ (*везти, нести, вести*) и их 12 дериватов (НСВ и СВ) с приставками приближения и удаления *при-* и *у-* (как эксплицитно выражающими семантику приближения / удаления);

2) некаузативные глаголы движения в финитной форме.

Исследуемый материал отличается значительной спецификой — обусловленностью значения одновременности взаимодействием лексических значений некаузативных глаголов движения и каузативных деепричастий движения в моносубъектной деепричастной конструкции и экстралингвистическими факторами.

Методом сплошной выборки из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка было отобрано 450 высказываний, где каузативные деепричастия движения составляют конструкции с некаузативными глаголами движения. Анализировались художественные тексты XX–XXI в. Рассматривались только локализованные во времени ситуации.

Результаты

Установлено, что в исследуемых высказываниях реализуется 2 типа аспектуально-таксисных ситуаций: 1) одновременность процессов движения (63 %); 2) одновременность целостных фактов движения (37 %).

Ситуация одновременности процессов движения включает 3 разновидности: 1) одновременность процессов движения в срединных фиксируемых периодах (23 %); 2) проспективную одновременность процессов движения (21 %); 3) ретроспективную одновременность процессов движения (19 %).

Ситуация одновременности целостных фактов движения включает 2 разновидности: 1) одновременность результатов целостных фактов движения (20 %); 2) одновременность целостных фактов движения при неактуализированности результата каузативного движения (17 %).

Для каждой разновидности охарактеризованы соотношения видов глаголов движения и деепричастий движения, участие семантики глаголов движения (приставочных и бесприставочных), а также точки отсчета для таксисных и пространственных отношений. Выявлены особенности взаимодействия таксисной семантики и семантики движения: начала, продолжения и окончания процесса; исходной, срединной и конечной точки пути, совершаемой субъектом и объектом.

В ситуации одновременности процессов в срединных фазах процессы некаузативного и каузативного движения выражаются эксплицитно с помощью

форм НСВ деепричастия и глагола. Одновременность актуализируется параллелизмом видовых форм.

В ситуациях проспективной и ретроспективной одновременности эксплицитно выражается начало / конец некаузативного движения и процесс каузативного движения: глагол движения СВ обозначает начало / конец движения, а деепричастие НСВ — его процесс. Спецификой ситуаций является выражение глаголами СВ имплицитной процессной семантики, появляющейся при взаимодействии его лексического значения со значением деепричастия НСВ.

В ситуации одновременности результатов целостных фактов эксплицитно выражается совпадение результатов некаузативного и каузативного движения с помощью параллелизма форм СВ. В ситуации одновременности целостных фактов при неактуализированности результата каузативного движения глагол СВ эксплицитно выражает результат некаузативного движения, а деепричастие НСВ выражает сопутствующее каузативное движение, результат которого не является важным для говорящего.

Обсуждение

Одновременность в русских деепричастных конструкциях обычно выражается деепричастиями НСВ и финитными глаголами НСВ и СВ. В зависимости от вида финитного глагола различаются два основных типа ситуаций: при НСВ — ситуация одновременности процессов, трактуемая как общность их «срединного фиксируемого периода» (Акимова, Козинцева, 1987: 259); при СВ — ситуация одновременности целостного факта и процесса.

В высказываниях с каузативными деепричастиями движения (ДДв) и некаузативными глаголами движения (ГДв) выражаются нестандартные аспектуально-таксисные отношения, реализующие систему субкатегоризации, учитывающую аспектуальные характеристики (процесс — целостный факт), а также их взаимодействие с характеристиками движения. Далее будут рассмотрены 2 основных типа аспектуально-таксисной ситуации одновременности — одновременность процессов движения и одновременность целостных фактов движения — и их разновидности.

1. Одновременность процессов некаузативного и каузативного движения

В высказываниях с ДДв и ГДв реализуются разные типы аспектуально-таксисной ситуации одновременности, в которых функционируют ДДв НСВ и ГДв обоих видов.

При ДДв НСВ и ГДв НСВ реализуется стандартная ситуация одновременности процессов в срединных фиксируемых периодах. В то же время при ГДв СВ в силу ряда факторов реализуются особые ситуации: проспективной и ретроспективной одновременности процессов движения. Ситуация одновременности процессов движения в срединных фиксируемых периодах и ситуации проспективной и ретроспективной одновременности отличаются наличием / отсутствием параллелизма у ГДв и ДДв в представлении основных этапов движения: начала, процесса, завершения.

1. 1. Одновременность процессов некаузативного и каузативного движения в срединных фиксируемых периодах

В ситуации одновременности процессов движения в срединных фиксируемых периодах ГДв НСВ и ДДв НСВ обнаруживают параллелизм в представлении этапов движения — оба выражают его процесс. Конкретно-процессное значение НСВ, реализующееся у ГДв и ДДв в этой ситуации, отражает динамичную суть движения. Совпадение вида у ГДв и ДДв отражает экстралингвистические характеристики ситуации: при движении субъекта синхронно осуществляется и движение объекта.

В данной ситуации возможно как представление процесса движения в его срединной фазе без указания на исходную и конечную точку, так и представление процесса с ориентацией на точку. В зависимости от эксплицированности / неэксплицированности исходной / конечной точки пути выделяются следующие типы высказываний:

1) высказывания, где лексемы ГДв и ДДв самостоятельно не выражают исходной / конечной точки пути, напр.: (1) *Терентьев шёл впереди, неся под мышкой шкатулку красного дерева с пистолетами* (И. Оммулевский. Попытка — не шутка); (2) *Возница шагал, ведя мула под уздцы, охранники двигались по сторонам* (С. Логинов. Мастерская Иосифа).

Возможно и обратное соотношение, где в финитной форме выступает каузативный ГДв, в деепричастной — некаузативный. Напр.: (3) *Несмотря на 15-градусный мороз, маленького Цесаревича привезли в манеж и Государь нёс его на руках, идя за о. Желобовским, кропившим строй св. водой* (К.К. Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма); (4) *Ординарец — унтер-офицер Семенов — ведёт нас по узкой полевой тропинке, шагая, как проводник, впереди* (Г.А. Гоштовт. Дневник);

2) высказывания, где исходная / конечная точка движения эксплицируется ГДв, напр.: (5) *Усталые атаманы возвращались, везя убитого казака и семерых раненых* (П. Краснов. Атаманская памятка); (6) *В момент моего разговора по телефону я увидел, как в подъезд дома, в котором я находился, вбегали солдаты Л.-гв Семеновского запасного полка, неся смертельно раненых прапорщиков Соловьева и Эссена* (Л. Евдокимова. Февральская революция глазами любительницы «мягких тканей и духов»); (7) *Мальчик показан спиной, он удаляется, везя за собой санки* (М. Силина. Галерея Ленбаххаус. Мюнхен);

3) высказывания, где исходная точка эксплицируется ДДв, напр.: (8) *Соседка в странном танце шла от подъезда к помойке, унося худую ржавую елку, про которую я и забыл думать* (С. Шаргунов. Май); (9) *Поезд медленно набирал скорость, увозя нас на Кавказ; молодые ребята на перроне замерли, их веселость как ветром сдуло* (Д. Филиппов. Билет в Катманду).

В высказываниях всех трех типов процесс движения субъекта, выраженный ГДв НСВ (*шел, шагал, возвращались, вбегали, удаляется, шла, набирал скорость*) одновременен с процессом каузативного движения объекта, выраженного постпозитивными ДДв НСВ (*неся, ведя, везя, унося, увозя*). ГДв НСВ выражают разные аспекты движения: способ (*шел, шагал, шла*); скорость (*вбегали, набирал скорость*); ориентацию относительно определенной прос-

трансивной точки (*вбегали, возвращались удаляется*). Движение субъекта представлено как основное действие, а каузированное им движение объекта — как сопутствующее. Данные примеры демонстрируют, что анализируемые каузативные ДДв могут выступать с разными ГДв при условии, если их семы не отражают несовместимые денотативные признаки.

Таким образом, в ситуации одновременности процессов в срединных фиксируемых периодах полная одновременность некаузативного и каузативного движения выражается наиболее характерным для русского языка способом — с помощью форм НСВ. НСВ позволяет представить движение в динамике, акцентируя внимание на его срединной фазе.

1.2. Проспективная одновременность процессов движения

Ситуация проспективной одновременности процессов является особой разновидностью ситуации одновременности, где ГДв СВ с семантикой начинательности / аналитическая конструкция начинательности с ГДв выражает начало движения, а ДДв НСВ — его продолжение. ГДв СВ с семантикой начинательности, взаимодействуя с ДДв НСВ, имплицитно семантику процесса движения. Одновременность передается за счет взаимодействия ДДв НСВ и ГДв СВ, в результате которого ГДв СВ не только эксплицитно выражает начало движения, но и имплицитно последующий процесс. Таким образом, ситуация создается за счет особой семантики ГДв СВ и ее взаимодействия с семантикой ДДв НСВ. Видовые формы ГДв и ДДв выражают разные этапы движения: СВ ГДв — начало движения, НСВ ДДв — его процесс.

Хронологическое начало движения может обозначаться тремя основными средствами:

1) ГДв СВ начинательного способа действия: с приставкой *по-* (*пойти, поехать, побежать, поплыть* и т.п.); с приставкой *за-* (*запрыгать, зашагать* и т.п.), напр.: (10) *Шумно вбил на место последний ящик и пошел назад, неся в руках изящную лаковую шкатулочку ...* (В. Рыбаков. Трудно стать Богом); (11) *И покатались колеса-бублики прочь от каменной горы, вниз, увозя синеглазую горянку в долину, к берегам большой реки.* (А. Генатулин. Золото Колчака); (12) *Незнайка вылез из ящика и зашагал по дорожке, бережно неся перед собой в руках палочку* (Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе);

2) аналитическими конструкциями с глаголами СВ, обозначающими начало действия (*начали выходить, стали эвакуироваться*), напр.: (13) *К 12 часам паровики стали отходить, увозя подгулявшую и повеселившуюся вдоволь публику* (Москва. Первое мая); (14) *Когда немцы стали постепенно эвакуироваться, увозя какие-то склады, никто не удивился* (И. Ратушинская. Одесситы); (15) *Батальон быстро перестроился и неторопливым шагом начал отступать, никем не преследуемый, унося всех своих раненых и убитых* (Ф.Ф. Тютчев. На скалах и долинах Дагестана);

3) ГДв СВ, лексически обозначающими начало движения (*отправиться, тронуться, двинуться* и др.), напр.: (16) *Трамвай уже тронулся, увозя кричащих и махающих пассажиров* (В. Кин. Записные книжки); (17) *На платформе было полутемно, когда поезд наконец двинулся, увозя Ваву и Сергея Павловича*

после свадьбы, бывшей в деревне, в Ялту (Е.М. Шаврова. Жена Цезаря); (18) *К моему приезду был закончен сбор урожая яблок, и вскоре Яша отпра- вился домой, унося очередную дань с нашего сада* (Б. Вронский. Дневник).

Исходная точка движения может выражаться приставочными деепричастиями (*унося, увозя*) или оставаться неактуализированной при использовании бесприставочных деепричастий (*неся*).

Таким образом, в рассматриваемой аспектуально-таксисной ситуации передается: 1) начинательность; 2) процессность; 3) одновременность; 4) перспективность.

1.3. Ретроспективная одновременность процессов движения

Ретроспективная одновременность является особой разновидностью ситуации одновременности, где ГДв СВ с семантикой движения по направлению к конечной точке (*прийти, приехать* и т.д.) выражает завершение движения, а ДДв НСВ — предшествующий завершению процесс. Одновременность реализуется за счет взаимодействия ДДв НСВ и ГДв СВ, в результате которого ГДв СВ не только эксплицитно выражают завершение движения, но и имплицитно предшествующий ему процесс. Предпосылками импликации такой семантики выступают свойства отображаемой экстралингвистической ситуации, предполагающей некую длительность движения, а также лексические особенности глаголов, выражающих, как правило, достижение конечной точки в результате движения, занимающего какое-либо время (напр., *приехать, прилететь, добраться* и др.). Как и в ситуации перспективной одновременности, видовые формы ГДв и ДДв выражают разные этапы движения: НСВ ДДв — процесс, СВ ГДв — его завершение.

(19) *Прилетел он в Россию, везя в чемодане русскую ушанку, которую одолжила ему Джин Стайн, но, увы, дороги наши развезло, в феврале шпарило солнце — художнику так и не удалось пофорсить в русских мехах* (А. Вознесенский. На виртуальном ветру); (20) *Католикос Ефрем II приехал, везя с собой для представительских целей целый ящик грузинского вина* (митрополит Питирим (Нечаев). Русь уходящая); (21) *В пятницу 14 августа, когда Бейль догнал Великую армию, везя в маленькой венской коляске зеленый сафьяновый портфель с донесениями парижских министров, он сделал первый свой визит Пьеру Дарю* (А.К. Виноградов. Три цвета времени); (22) *Он дошёл до меня, неся две рюмки водки, как в светском собрании* (Н. Мордюкова. Казачка); (23) *А Дерябин, ведя в поводу коня, приблизился к лесу и подал свою команду* (С. Залыгин. Комиссия).

В (19)–(23) ГДв СВ *прилетел, приехал, догнал, дошел, приблизился* выражают семантику достижения конечной точки, бесприставочные ДДв НСВ — процесс каузативного движения. В каждом из высказываний отображена ситуация, в которой некаузативное и каузативное движение занимают какое-либо время. В (19) и (20) длительность движения имплицитно обозначена с помощью ГДв СВ *прилетел, приехал*, обозначающих движение на транспорте, которое, как правило, не бывает моментальным. В (21) ГДв СВ обозначает преследование объекта, которое также занимает определенное время. В (22) длитель-

ность у ГДв СВ *дошёл* имплицирована приставкой *до-*, обозначающей пространственный предел движения, что, как правило, необходимо в случаях, когда имеется путь с какой-либо протяженностью. В (23) длительность имплицуруется ГДв СВ *приблизиться*, выражающем движение к конечной точке, занимающем время.

Таким образом, в анализируемой аспектуально-таксисной ситуации выражается: 1) целостность; 2) процессность; 3) одновременность; 4) ретроспективность.

2. Одновременность целостных фактов некаузативного и каузативного движения

Ситуация одновременности целостных фактов в русском языке обычно выражается деепричастиями СВ и финитными глаголами СВ. Ее спецификой является то, что семантика одновременности реализуется за счет параллелизма видовых форм. Тем не менее, анализ материала показал, что в высказываниях с ДДв и ГДв, в силу лексически и экстралингвистически обусловленной одновременности, параллелизм в видовых формах может отсутствовать. В зависимости от наличия / отсутствия параллелизма в видовых формах ГДв и ДДв было выделено две разновидности ситуации: одновременность результатов целостных фактов движения и одновременность целостных фактов движения при неактуализированности результата каузативного движения.

2.1. Одновременность результатов целостных фактов некаузативного и каузативного движения

Ситуация одновременности результатов целостных фактов реализуется в высказываниях, где функционируют приставочные ГДв СВ и ДДв СВ с общей семантикой прибытия в конечную точку / удаления из исходной точки. ГДв СВ и ДДв СВ обнаруживают параллелизм не только в видовых формах, но также и в приставке. СВ ГДв и ДДв выражает семантику результата движения (прибытие в конечную точку / покидание исходной точки). В этой ситуации эксплицируется результат движения не только субъекта, но и объекта.

(24) *Однажды он долго не являлся, наконец пришёл, принеся* куль картошки и капусты, и рассказал, что великий гетман снова встретил Скопина и снова молодой князь разгромил его свежие войска (Ф.Е. Зарин-Несвицкий. Скопин-Шуйский); (25) *Она, впрочем, заметив его в танцевальной зале, смолкла, сделалась серьезна и скоро уехала, увезя* своё сокровище. (З.Н. Гиппиус. Победители); (26) *В 8.00. улетел* самолёт на Ленинград, *увезя* 10–15 специалистов группы усиления и до 10 раненых. (М.М. Кириллов. Дневник).

В (24)—(26) ДДв СВ *принеся*, *увезя* обозначают движение объекта, результат которого полностью совпадает с результатом движения субъекта, выраженного ГДв СВ *пришел*, *уехала*, *улетел*. В приведенных высказываниях ГДв и ДДв имеют тождественные приставки.

Таким образом, в данной ситуации реализуется: 1) целостность; 2) результативность; 3) одновременность.

2.2. Одновременность целостных фактов движения при неактуализированности результата каузативного движения

Особую разновидность одновременности целостных фактов представляет собой ситуация, где выражается целостный факт — результат движения субъекта, при отсутствии результата движения объекта. В этой ситуации вместо ДДв СВ в конструкции выступает ДДв НСВ. ДДв НСВ как средство зависящего таксиса передает второстепенное, сопутствующее действие, результат которого не является важным для говорящего.

Нейтрализации семантики процессности у ДДв НСВ способствует семантическое согласование ДДв НСВ с ГДв СВ. У бесприставочных однопавленных ДДв НСВ в силу отсутствия приставки, конкретизирующей направление движения, направление задается ГДв. У приставочных ДДв НСВ для нейтрализации необходима общность семантики приставок с ГДв СВ.

ГДв СВ с семантикой прибытия, имеющие приставку, обозначающую пересечение границы (например, *в-*), не имплицитно процессности: субъект либо пересекает границу, либо не пересекает ее. Этим они отличаются от ГДв СВ, у которых приставки не предполагают обязательного пересечения границы. Напр.: (27) *В землянку вошёл Грицко, неся под мышкою термос, а в руках накрытые одна другой глубокие тарелки.* (К. Симонов. Случай с Польшинным); (28) *Люся вбежала, неся пальто с серым мерлушковым воротником* (В.Ф. Панова. Времена года. Из летописей города Энска). В данных высказываниях ГДв СВ с приставкой *в-* *вошел*, *вбежала* обозначают пересечение границы, в результате которого субъект оказывается в новом пространстве. В этой связи у ДДв НСВ *неся* исключается процессное значение. ГДв СВ обозначают основное действие, ДДв НСВ — сопутствующее.

ГДв СВ с семантикой удаления обозначают покидание исходной точки как целостный факт. С ними используются как бесприставочные ДДв НСВ, так и приставочные. Нейтрализация процессности у бесприставочных ДДв НСВ происходит за счет двух факторов: с одной стороны, отсутствия приставки, конкретизирующей направление, с другой — выражения ими семантики обладания, обусловленной взаимодействием с другими единицами в высказывании. Напр.: (29) *Он ушёл, неся на плечах мешок с ворованной кожей* (В. Швец. Дневник); (30) *Уехали, везя бумажку с подписью и печатью райкома* (Н. Богданов. Враг); (31) *В марте 1554 г. тем же трактом мореплавателем отбыл с почетным эскортом на родину, везя послание английскому монарху от русского с уверениями в дружбе и готовности принять британских купцов и послов* (О. Борисова. «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль...»).

В (29)–(31) финитные глаголы СВ *ушел*, *уехали*, *отбыл*, репрезентируют покидание исходной точки как целостный факт. Для говорящего основным является результат движения субъекта — покидание исходной точки. ДДв НСВ выражают сопутствующее действие, результат которого не важен. Обороты с данными ДДв допускают синонимическую замену на конструкции с семантикой обладания, ср.: *ушел, неся на плечах мешок — ушел с мешком на плечах; уехали, везя бумажку — уехали с бумажкой; отбыл, везя послание — отбыл с посланием.*

ГДв СВ с семантикой удаления могут выступать с ДДв НСВ условия при общности семантики приставки. Общность семантики приставки (направления от конечной точки) и экстралингвистических свойств обуславливает нейтрализацию значения процессности у ДДв НСВ. Напр.: (32) *Уехали они, увозя с собой Дашутку* (К. Седых. Даурия); (33) *Когда гость ушёл, уводя на поводке своего «кавказца», один из соседей решил исправить положение.* (Г.А. Сванидзе. Кавказская овчарка) (ср.: *гость ушел, уведя на поводке своего «кавказца»*); (34) *А она, откинув на огромный дурилаг макароны, вышла из кухни, унося с собою кофейник* (Н.Б. Черных. Язва, или русский панк 1989-го года) (ср.: *вышла из кухни, унося с собою кофейник*).

В (32)–(34) ГДв СВ и ДДв НСВ имеют приставки с общей семантикой удаления из исходной точки. Использование приставочных ДДв НСВ обусловлено отсутствием у говорящего необходимости выражения результата движения объекта. При замене на ДДв СВ эта семантика актуализируется, ср.: *уехали, увозя с собой Дашутку — уехали, увезя с собой Дашутку; гость ушел, уводя на поводке своего «кавказца» — гость ушел, уведя на поводке своего «кавказца»; вышла из кухни, унося с собою кофейник — вышла из кухни, унеся с собою кофейник*.

Таким образом, в данной ситуации реализуется: 1) целостность; 2) одновременность. Выражается только результат движения субъекта, результат движения объекта не актуализируется.

Заключение

В исследовании деепричастных конструкций как средств выражения категории таксиса в русском языке до сих пор внимание в основном уделялось роли видовых форм деепричастия и финитного глагола. При том, что взаимодействие видовых форм действительно играет важную роль в выражении таксисных значений, внимания заслуживает и лексическая семантика: в первую очередь, членов таксисной конструкции, а также их окружения.

Анализ русских высказываний с деепричастиями и глаголами с общей семантикой движения, противопоставленными по каузативности / некаузативности, позволил выявить спектр аспектуально-таксисных ситуаций одновременности, где грамматическая семантика таксиса и лексическая семантика движения вступают во взаимодействие. При общей семантике одновременности в данных ситуациях по-разному представлено движение: возможна как однородная аспектуальная характеристика движения (как процессов / целостных фактов), так и комплексная, где глагол эксплицитно выражает целостный факт (этап движения — начало / завершения), деепричастие — процесс.

Анализ также установил, что в 4 из 5 выявленных ситуаций функционирует одна и та же конструкция — финитный глагол СВ и деепричастие НСВ. Этот факт подтверждает большую роль лексической семантики членов таксисной конструкции в аспектуально-таксисных ситуациях.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в расширении представления о возможностях выражения одновременности в высказываниях с деепричастиями. Результаты исследования могут быть использованы в курсе морфологии.

Перспективы исследования заключаются, с одной стороны, в дальнейшем исследовании роли лексической семантики в русских таксисных конструкциях, а с другой — в изучении таксисных конструкций с семантикой движения в сопоставительном аспекте. Особый интерес представляет сопоставление с языками, где отсутствует деепричастие, которое позволит увидеть специфику выражения сходной семантики разными языковыми средствами.

Список литературы

- Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М. : Наука, 1976. 328 с.
- Акимова Т.Г., Козинцева Н.А.* Зависимый таксис (на материале деепричастных конструкций) // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л. : Наука, 1987. С. 257–274.
- Блягоз З.У.* Глаголы перемещения в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1964. 25 с.
- Бондарко А.В.* Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л. : Наука, 1987а. С. 5–40
- Бондарко А.В.* Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л. : Наука, 1987б. С. 234–242.
- Бондарко А.В.* Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М. : Языки славянской культуры, 2017. 336 с.
- Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. : Высшая школа, 1972. 614 с.
- Гак В.Г.* К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М. : Наука, 1985. С. 6–15.
- Дремов А.Ф.* Зоны и таксис : локативная семантика русских падежей с позиций современной системной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 789–809. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-789-809>
- Ибрагимова В.Л.* Семантическое поле глаголов движения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1975. 25 с.
- Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Т. II. М. : Языки славянской культуры, 2003. 570 с.
- Зорихина-Нильссон Н.В.* Таксисные деепричастные конструкции с глаголами стандартного положения в пространстве в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10. № 3. С. 273–298.
- Корди Е.Е.* Ментальные глаголы: валентностный таксис (на материале французского языка) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. 2. № 16. С. 509–543. <https://doi.org/10.30842/alp2306573716218>
- Коцкова Я.* Неличные формы глагола как средства выражения таксиса в русском и чешском // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 3. № 15. С. 87–110. <https://doi.org/10.30842/alp2306573716218>
- Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука в конце XX века. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1995. С. 144–238.
- Кудинова Н.Л.* Реализация таксисной семантики одновременности средствами зависимого таксиса в русском и английском языках // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 5. С. 73–79. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-5-86-8>
- Ляшенко Н.А.* Функционально-семантическое поле таксиса в русском языке // Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2019. С. 229–246.
- Миллареси Т.В.* Эвиденциальное и модальное употребление прошедшего времени в русском языке в контексте таксисной одновременности действий // Acta Linguistica Petropolitana.

Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 3. № 15. С. 59–86. <https://doi.org/10.30842/alp2306573715303>

Русская грамматика. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 783 с.

Уржа А.В. Прагматический потенциал русских деепричастий в нарративе: корпусное исследование сквозь призму переводов // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2024. Т. 67. № 1-2. С. 147–160. <http://doi.org/10.1556/060.2023.00109>

Храковский В.С. Таксис : семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций. М. : Знак, 2009. С. 11–113.

Jakobson R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb // *Russian and Slavic Grammar Studies 1931–1981*. Berlin : Walter de Gruyter & Co, 1984. Pp. 41–58.

Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the flesh : the embodied mind and its challenge to western thought*. Chicago : University of Chicago Press, 1999.

Сведения об авторах:

Иванова-Жданова Елена Юрьевна, преподаватель кафедры русского языка, Новосибирский государственный технический университет, Российская Федерация, 630073, г. Новосибирск, пр. Карла Маркса, д. 20. *Сфера научных интересов*: функциональная грамматика русского языка, сопоставительная грамматика. ORCID: 0009-0009-4898-8058. SPIN-код: 4896-6613. E-mail: elenaivanova-zhdanova@yandex.ru

Матханова Ирина Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания, Новосибирский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28. *Сфера научных интересов*: функциональная грамматика, морфология, словообразование, синтаксис. ORCID: 0000-0002-3400-6713. SPIN-код: 8360-9050. E-mail: matkhanova@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-465-479

EDN: TMJIEB

Research article

Taxis in utterances with verbs of motion in the Russian language: non-standard simultaneity situations

Elena Yu. Ivanova-Zhdanova¹✉, Irina P. Matkhanova²

¹Novosibirsk State Technical University, *Novosibirsk, Russian Federation*

²Novosibirsk State Pedagogical University, *Novosibirsk, Russian Federation*

✉ elenaivanova-zhdanova@yandex.ru

Abstract. The relevance of the work is determined by the necessity in: 1) studying the interaction of lexical and grammatical semantics in characterizing situations that have a common conceptual basis of movement (chronological and spatial); 2) studying non-central grammatical phenomena, their semantics largely depending on the linguistic environment; 3) creating a system of subcategorization of non-standard taxis situations. The aim of the work is to identify the range of simultaneity situations expressed with finite verbs and adverbial participles with the semantics of movement contrasted in non-causativeness / causativeness. The material was literary texts of the XX–XXI centuries from the main subcorpus of the Russian National Corpus. Utterances with non-causative verbs of movement and causative adverbial participles of movement were analyzed. The material under study is peculiar due to the fact that the meaning of simultaneity is determined by the interaction of the lexical meanings of non-causative verbs of movement and causative adverbial participles of movement and extralinguistic factors. The main research method is functional analysis based on the theory of categorial situations by A.V. Bondarko. As a result of the study, two main types of aspectual-taxis situations were identified: the simultaneity of movement processes and the simultaneity of integral facts of movement. The simultaneity of movement processes

includes 3 situations: 1) simultaneity of movement processes in the middle fixed periods; 2) prospective simultaneity of movement processes; 3) retrospective simultaneity of movement processes. The simultaneity of integral facts of movement includes 2 situations: 1) simultaneity of the results of integral movement facts; 2) simultaneity of integral movement facts when the result of causative movement is not actualized. The prospects for the work are to continue studying the role of lexical semantics in Russian taxis constructions and to compare utterances with adverbial participles.

Key words: taxis semantics, aspectual-taxis situations of simultaneity, Russian adverbial participle, non-finite forms, semantics of movement

Authors' contribution: *Ivanova-Zhdanova E.Yu.* — conceptualization: formulation of the research goals and aims; methodology: creation of the research model; conducting the research; creating the original draft; creating the draft and editing; *Matkhanova I.P.* — conceptualization: formulation of the idea; methodology: development of the methodology; creating the draft and editing; commentary and revision of the draft; supervision of the research.

Conflict of interests. The authors declare that they have no conflict of interests.

Article history: received 10.02.2024, accepted 18.05.2024.

For citation: Ivanova-Zhdanova, E.Yu., & Matkhanova, I.P. (2024). Taxis in utterances with verbs of motion in the Russian language: non-standard simultaneity situations. *Russian Language Studies*, 22(3), 465–479. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-465-479>

References

- Avilova, N.S. (1976). *Verbal aspect and semantics of the verb*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
- Akimova, T.G., & Kozintseva, N.A. (1987). Dependent taxis (on the material of adverbial participial constructions). *Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.).
- Blyagoz, Z.U. (1964). *Verbs of movement in the modern Russian literary language* [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Gorky. (In Russ.).
- Bondarko, A.V. (1987b). General characteristics of semantics and structure of the taxis field. *Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.).
- Bondarko, A.V. (1987a). Introduction. Foundations of functional grammar. *Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.).
- Bondarko, A.V. (2017). *Verbal categories in the system of functional grammar*. Moscow: Languages of Slavic culture Publ. (In Russ.).
- Dremov, A.F. (2019). Zones and taxis: Locative semantics of Russian cases in terms of modern systems linguistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 789–809. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-789-809>
- Gak, V.G. (1985). On typology of functional approaches to the study of language. *Problems of functional grammar*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
- Jakobson, R. (1984). Shifters, verbal categories and the Russian verb. *Russian and Slavic Grammar Studies 1931–1981*. Berlin: Walter de Gruyter & Co Publ.
- Ibragimova, V.L. (1975). *Semantic field of verbs of motion in modern Russian*. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Ufa. (In Russ.).
- Isachenko, A.V. (2003). *The grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak. Morphology. Vol. II*. Moscow: Languages of Slavic culture Publ. (In Russ.).
- Khrakovsky, V.S. (2009). Taxis: semantics, syntax, typology. *Typology of taxis constructions*. Moscow: Znak Publ. (In Russ.).
- Kockova, J. (2019). Non-finite forms of verbs as means of expression of the taxis in Russian and Czech. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research*, (15), 87–110. (In Russ.).
- Kordi, E.E. (2020). Mental verbs: valency taxis (French evidence). *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research*, 2(16), 509–543. (In Russ.). <https://doi.org/10.30842/alp2306573716218>

- Kubriakova, E.S. (1995). Evolution of linguistic ideas in the second half of XX century (experience of paradigmatic analysis). *Language and science at the end of XX century*. Moscow: Russian State Humanitarian University Publ. (In Russ.).
- Kudinova, N.L. (2018). The realization of the taxis semantics of simultaneousness by means of dependent taxis in the Russian and English languages. *Cherepovets State University Bulletin*, (5), 73–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-5-86-8>
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1999). *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought*. Chicago: University of Chicago Press Publ.
- Lyashenko, N.A. (2019). Functional-semantic field of taxis in the Russian language. *Functional-semantic fields of different types in English and Russian languages*. Rostov-on-Don: Foundation for Science and Education Publ. (In Russ.).
- Milliaressi, T. (2019). Evidentiality and modality: past tense for actions' simultaneity. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research*, 3(15), 59–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.30842/alp2306573715303>
- Shvedova, N.Yu. (Ed.). (1980). *Russian grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
- Urzha, A.V. (2024). Pragmatic potential of Russian adverbial participles in narrative: corpus research through the prism of translations. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 67(1–2), 147–160. (In Russ.). <http://doi.org/10.1556/060.2023.00109>
- Vinogradov, V.V. (1972) *The Russian language. Grammatical study of the word*. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russ.).
- Zorikhina-Nilsson, N.V. (2014). Taxis participial constructions with verbs of standard position in space in the Russian language. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research*, 10(3), 273–298. (In Russ.).

Bio notes:

Elena Yu. Ivanova-Zhdanova, lecturer of Russian language department, Novosibirsk State Technical University, 20 Karla Marksa Av, Novosibirsk, 630073, Russian Federation. *Research interests*: functional grammar of the Russian language, comparative grammar. ORCID: 0009-0009-4898-8058. SPIN-code: 4896-6613. E-mail: elenaivanova-zhdanova@yandex.ru

Irina P. Matkhanova, Doctor of Philology, Professor of modern Russian language and methodology of its teaching department, Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Viluiskaya St, Novosibirsk, 630126, Russian Federation. *Research interests*: functional grammar, morphology, word-formation, syntax. ORCID: 0000-0002-3400-6713. SPIN-code: 8360-9050. E-mail: matkhanova@mail.ru

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
РУССКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ON CULTURAL HERITAGE OF RUSSIAN PHILOLOGY

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-480-494

EDN: UUVCXL

Научная статья

**Аксиология стилистических помет
в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова
и новая лексикографическая реальность**

Т.В. Маркелова¹, М.Л. Новикова²

¹ Институт современного искусства, Москва, Российская Федерация

² Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 novikova-ml@rudn

Аннотация. Важность решения теоретических и прикладных задач лексикографии в процессе овладения, накопления и передачи знаний, объективирующихся в языке, не подлежит сомнению. Актуальность исследования обусловлена непреходящим интересом к проблемам развития академических традиций российской лексикографии. Цель исследования — аксиологический анализ стилистических помет, важной составляющей метаязыка лексикографии, и их систематизация, что служит методологической основой в этой сфере для дальнейшей научной деятельности ученых, поскольку опирается на лексикографическую традицию, заложенную выдающимся лингвистом Д.Н. Ушаковым в нормативном академическом «Толковом словаре русского языка» (1935–1940), гармоничный последовательный подход к лексикографической параметризации русского языка, характеризующий стилистический статус слова. Применены общенаучные методы наблюдения, сравнения, анализа, контекстуальный — при оценке стилистических девиаций нормативно-стилистических помет. Последовательно проводится мысль о том, что полученные результаты дают основание свидетельствовать о прозорливости Д.Н. Ушакова как лингвиста, предвидевшего развитие аксиологической проблематики в русистике и особую роль стилистической квалификации слова, его теснейшую взаимосвязь с оценочной природой слова в отрицательной и положительной семантике. Перспективы исследования системы стилистических помет как важной составляющей метаязыка лексикографии очевидны, они указывают на положение слова в системе литературного языка, его экспрессивно-оценочные коннотации. Современная картина изучения стилевого расслоения лексики остается значимым объектом исследования на современном этапе развития русского языка в многообразии перспективных методов лексикографической стилистики.

Ключевые слова: лексикография, словарь как текст культуры, лексикографические традиции, лексикографические инновации, слово как лексикографический объект, аксиография, лексикографическая параметризация языка, оценочная семантика, эмоционально-экспрессивная помета

Вклад авторов: *Маркелова Т.В.* — концептуализация, разработка методологии исследования, написание-рецензирование и редактирование рукописи; *Новикова М.Л.* — формальный анализ, написание-рецензирование и редактирование рукописи, валидация.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Маркелова Т.В., Новикова М.Л., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 15.01.2024; принята к печати 28.03.2024.

Для цитирования: Маркелова Т.В., Новикова М.Л. Аксиология стилистических помет в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова и новая лексикографическая реальность // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 480–494. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-480-494>

Введение

«Зерно невидимо в земле, а только из него вырастает огромное дерево. Так же незаметна мысль, а только из мысли вырастают величайшие события жизни человеческой», — проникновенно писал Л.Н. Толстой (Толстой, 2023: 246). Можно с уверенностью сказать, что посеянные выдающимся русским языковедом Дмитрием Николаевичем Ушаковым семена дали хорошие всходы. Они бурно растут на ниве отечественной науки, побуждая вновь и вновь обращаться к его научному наследию.

Д.Н. Ушаков — выдающийся русский языковед и педагог, известен трудами по орфографии, истории русского языка, орфоэпии, лексикографии. Научные идеи Д.Н. Ушакова, гармонизирующие теорию и практику, объединили коллектив единомышленников и последователей: Р.И. Аванесова, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, С.И. Ожегова, А.А. Реформатского, В.Н. Сидорова и других ученых.

В жизни ученого главные биографические факты — книги, и с этим нельзя не согласиться. Д.Н. Ушаков опубликовал «Введение в языковедение», «Русское правописание», «Краткое введение в науку о языке», «Русский литературный язык», «Орфографический словарь: для учащихся средней школы» и многие другие труды.

Язык, изучению которого Дмитрий Николаевич Ушаков отдал всю свою жизнь, — не только средство общения, но и тончайший инструмент самовыражения личности. В творческом наследии «одного из самых ярких, интересных и по-человечески притягательных ученых из когорты славистов дореволюционного пантеона отечественной науки» (Никитин, 2018: 88) заключается неустанный исследовательский поиск талантливого творца. Л.В. Щерба справедливо отмечал, что работа по составлению словаря «как основанная исключительно на семантике, требует особо тонкого восприятия языка... совершенно особого дарования, которое по какой-то линии, вероятно, родственно писательскому дарованию» (Щерба, 1958: 76). В многогранной деятельности Д.Н. Ушакова отражены неутомимая научная мысль, системность в языковых исследованиях, созидательный талант выдающегося ученого с мировым именем. Прозревая сущность, ученые разных поколений пытаются проникнуть в лабораторию его творческой мысли, разгадывая и развивая его замыслы (Филин, 1963; Караулов, 1988; Ожегов, 2001; Нефёдов, Нефёдова, 2013; Круглов и др., 2015; Козырев, Черняк, 2015; Никитин, 2018; Базаров и др., 2021 и др.).

Особое место в русской лексикографической традиции занимает нормативный академический «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940) (далее — Словарь / Словарь Д.Н. Ушакова), в котором представлен последовательный подход к лексикографической параметризации русского языка. Это первый советский словарь, по праву именуемый академическим, в котором дается лексика русского литературного языка с грамматическими, орфографическими, орфоэпическими и стилистическими норма-

тивными указаниями. Словарь заложил основы акцентологической, грамматической, семантико-стилистической нормализации русского литературного языка, «подвел итоги всей русской лексикографии» (Ожегов, 2001: 450–451). Лексикографический труд Ушакова, основанный на достижениях академической традиции и подлинных научных ценностях, представляет собой «синтез филологии и культуры в широком смысле слова, в которых отражены стремительные перемены социокультурных процессов эпохи первой половины XX столетия» (Апресян, 2014: 453).

На составителе словаря лежит большая ответственность — представить оптимальные решения, основывающиеся на его собственном языковом провидении, важные для носителей языка. «Стилистическая классификация слов является неотъемлемой заслугой Словаря и заслугой прежде всего Дмитрия Николаевича, тонкого ценителя и знатока стилистических нюансов литературной русской речи. Широкое проведение стилистической классификации слов, расширяющей границы литературного словоупотребления, было новшеством как в русской, так и в иностранной словарной практике и отражало в сущности специфическую сложность лексики русской литературной речи» (Никитин, 2018: 90).

Цель исследования — проанализировать взаимодействие стилистических и эмоционально-экспрессивных помет, «погруженное» в контекст лексической семантики слова, создающее аксиологическую «картину» Словаря Д.Н. Ушакова как текста культуры в его хронологической данности человеку и предтечи, предвестника аксиографии — перспективного направления лингвистической науки в новой реальности.

Методы и материалы

Стилистическая оценка слова или его значения в словаре обусловлена различными факторами, связанными с разными свойствами слова. В их числе — экспрессивно-эмоционально-оценочные и функциональные свойства, дополнительные к предметному и грамматическому значению языковой единицы. В соответствии с поставленными задачами использованы методы анализа, описания, обобщения, а также лексико-семантический, контекстуальный, лингво-концептологический анализ.

Стилистические пометы детерминированы спецификой слова как лексикографического объекта в его совокупности лексико-семантических вариантов. Материалом исследования послужили выборки словарных статей на буквы «В» и «Д». Указана маркировка стилистических помет — (разг.) и (книжн.). В работе со Словарем Д.Н. Ушакова использовался прием сплошной выборки.

Результаты

Специфика аксиологической «картины» Словаря Д.Н. Ушакова, ее оригинальность и уникальность состоят в неразличении стилистической окраски и эмоционально-оценочной, репрезентируемой лексическим значением — оценочной семемой или семой в его семантической структуре. Под стилистическим содержанием пометы «скрывается», имплицитно оценивается оценочное

(положительное или отрицательное, одобрительное или неодобрительное) — либо эмоционально-оценочное (ласкательное, уменьшительно-ласкательное, похвальное или пренебрежительное, презрительное, уничижительное, порицательное значение).

Проиллюстрировано, что лексикографическое толкование слова — важное средство демонстрации системности лексики и в словарных дефинициях, и в комплексном представлении слова в грамматике и словаре. Охарактеризовано различие между эмоционально-экспрессивной и собственно стилистической (функциональной) окрашенностью слова.

Исследовано пространство оценочной лексики и специфика ее словарной репрезентации в контексте развития эмоционально-оценочных помет, проанализированы тенденции создания и разработки словарей оценочной лексики.

В связи с рассмотрением и восприятием себя и окружающего мира с точки зрения аксиологической значимости отмечается высокая степень воздействия оценочной работы сознания в культуре и дискурсе на современное общество.

Обсуждение

Стилистические пометы как важная составляющая метаязыка лексикографии

Помета как словарное уточнение стилистического уровня, функционально-профессиональной сферы употребления, семантической характеристики языковых единиц представлена в сокращенной или условной (символической) записи. Важным лексикографическим средством является словарная помета, которая содержит информацию о том, что «языковая единица (или языковое явление) относится к определенной совокупности однородных в каком-либо отношении единиц или явлений» (Морковкин, 1986: 110). Разновидность словарной пометы — «стилистическая помета, важный лексикографический приём разъяснения стилистических особенностей словарной единицы» (Емельянова, 2006: 444) — принадлежит слову как лексикографическому объекту, т.е. лексеме, как совокупности лексико-семантических вариантов. С помощью стилистической пометы как разновидности словарной пометы выделяются признаки языковой единицы, определяющие позицию по отношению к другим, сопоставляемым с ней. Стилистические пометы — важная составляющая метаязыка лексикографии, они указывают на положение слова в системе литературного языка, на его экспрессивно-оценочные коннотации.

Стилистические пометы в Словаре Д.Н. Ушакова системно и точно отражают лексико-стилистические процессы в русском языке первой трети XX в., «лексика денотативна ... стилистика же релятивна, она регулирует функциональное распределение языковых средств в текстах в соответствии со сложившейся в культуре иерархией типов общения; это языковое отображение структурных особенностей культуры» (Мечковская, 1996: 58–59).

Величие лексикографического труда Словаря Д.Н. Ушакова, где «...самый анализ значений и оттенков значений слов, бывший предметом особой заботливости составителей и более детальный, чем в старых академических словарях и словаре Даля...» (Филин, 1963: 178) и специфика его стилистических помет свидетельствуют о ментальной прозорливости ученого, предви-

девшего развитие аксиологической проблематики в русистике, особую роль стилистической квалификации слова, его теснейшую взаимосвязь с оценочной природой слова в отрицательной и положительной семантике.

Как отмечал Ю.Н. Караулов, «важно довести словарь до человека, соотнести структуру, содержание словаря с теми потребностями, с которыми к словарю обращается носитель языка (Караулов, 1988: 3–18)» (Тихонова, 2016: 18). Таким образом, словарь можно рассматривать как когнитивно-коммуникативную ментальную деятельность.

Исследование словарных изданий новейшего времени, «настроенность» современной лексикографии на потребности пользователя крайне важны для решения и «теоретических проблем лексикографии (объем словника, объект лексикографического описания, зоны словарной статьи, филиация значений, метаязык словаря и др.), и практических аспектов текстовой коммуникации с потенциальным пользователем словаря» (Лексикография цифровой эпохи, 2021: 12).

***Пространство оценочной лексики и особенности
ее словарной репрезентации в контексте развития
эмоционально-оценочных помет***

Осознание себя как языковой личности и конструктора мира, носителя языковой картины мира и ее реализатора побуждает обратиться к пространству оценочной лексики в любом словаре и специфике ее репрезентации. С этим процессом связана тенденция создания и разработки словарей оценочной лексики (см., например, В.Ю. Меликян «Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи» (Меликян, 2001), Л.К. Байрамова «Аксиологический фразеологический словарь русского языка: словарь ценностей и антиценностей» (Байрамова, 2011), модель «Словаря оценочной лексики русского языка» М.А. Тихоновой (Тихонова, 2015) — новая реальность представления аксиографии как отдельной важнейшей области лексикографии.

Маркером этой реальности и ее катализатором считаем систему стилистических и эмоционально-экспрессивных помет, «работающих» на лексикографическое описание оценочно маркированной лексики. Актуальность их систематизации, неразработанность помет, особенно с положительной оценочной коннотацией, отличает словарную картину русского языка, наблюдаемую и в объекте нашего исследования — Словаре Д.Н. Ушакова.

Охарактеризуем существенное различие между эмоционально-экспрессивной и стилистической (функциональной) окрашенностью слова и высказыванием В.В. Виноградова: «Языковеды обычно различают два ряда стилистических окрасок или «тональностей»: стилистические окраски экспрессивно-эмоционального характера и стилистические окраски, связанные с ограниченной речевой областью применения соответствующих языковых средств» (Виноградов, 1955: 69). Эмоционально-экспрессивная окраска — один из компонентов семантической структуры слова, относящийся к его коннотации. Функционально-стилистическая окраска существенно не влияет на семантику слова (Тихонова, 2016).

Основная сложность лексикографической ситуации состоит либо в корреляции пометы, в нашем случае «разговорное» и «книжное», и оценочной

коннотации — «одобрение» и «неодобрение», либо в отсутствии одного из этих явлений, либо в разночтениях: в каждом словаре используется собственная система стилистических и эмоционально-экспрессивных помет и их сочетания.

Подчеркнем, что Словарь Д.Н. Ушакова прокладывает путь между традицией стилистических помет словарей дореволюционных и новацией словарей XX–XXI вв. Многие словари дореволюционного периода не богаты стилистическими пометами. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля применяются только терминологические и диалектные пометы: «Словарь составляется для русских, поэтому я почти не делаю отсылок о том, насколько слово в ходу, не опошлело ли оно, в каком слое общества живет и проч. ... при шаткости неустановившегося языка нашего тут строгой черты или грани провести нельзя» (Даль, 1956: 36), а в «Словаре Академии Российской» ограниченно присутствуют стилистические пометы — *простор.*, *умалит.* и *унич.* Словарем-предшественником Словаря Д.Н. Ушакова в каком-то смысле можно назвать «Словарь русского языка» Я.К. Грота (Грот, 1895), где впервые приведено большое количество эмоционально-оценочных помет (без использования данного термина): *груб.*, *бран.*, *шутка*, *иронич.*, *ласкат.*, *презрит.*, *уменьш.*, *униз.*, *уничижит.*, *шуточ.*, *шутл.* Традиции именно этого словарного произведения, обращенного к началу систематизации оценочной лексики, оказали, на наш взгляд, влияние на Словарь Д.Н. Ушакова и систему его стилистических и эмоционально-оценочных помет (см. материал ниже), представляющих пользователю больше оценочных возможностей для поиска оценочной характеристики, степени и уровня ее квалификации:

- ВЕРЗИЛА. ... (разг. фам. неодобрит.). Человек очень высокого роста и нескладного телосложения¹;
- ДЕКЛАМИРОВАТЬ ... 2. Говорить торжественно, напыщенно, непросто (книжн., ирон.)².

В лексикографии последующего времени продолжала формироваться система стилистических и эмоционально-оценочных помет, но они употреблялись не во всех словарях и не представляли собой логической системной организации.

Новации в лексикографии второй половины XX — начала XXI в. показывают развитие системы эмоционально-экспрессивных и оценочных помет — *ирон.*, *бран.*, *ласк.*, *неодобр.*, *уменьшит.-унич.*, *шутл.* и др. Отметим, что в словаре «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой оценочная лексика, объединяющая неэкспрессивные лексемы, находит место в виде уникального лексического дерева в макрокласе «Слова именующие». Наряду со словами, именующими конкретные предметы — вещи, явления, людей, животных, растительные организмы, появляется лексическое множество «Собственно оценка» (например, наряду с «Лицо, человек»). В его структуре типологизированы оценки, которые, несомненно, коррелируют с системой эмоционально-экспрессивных помет. Это дерево включает градацию коммуникативных оценок: «похвалу», «одобрение», «ласку» // «насмешку», «ироническое отношение»,

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова, 1935, I:251.

² Там же, I:676.

«ласковое сочувствие» // осуждение», «неодобрение», «неприятие» // «брань» «хулу». Отметим также факт непоследовательности помет: ОЧАРОВАШКА (разг.) — «милый, обаятельный, приятный человек» (т.е. отсутствие эмоционально-экспрессивной пометы)³, а словарная статья НИЧТОЖЕСТВО — «ничтожный, мелкий и пустой человек»⁴ не снабжена вообще ни одной пометой. Тем не менее близкое расположение множеств «Лицо человека» и «Собственно оценка» делает значимой мысль В.Г. Гака о том, что семантическое поле оценки является «ближайшим соседом «ментального поля» человека, демонстрируя взаимосвязь оценки, мысли и эмоции» (Гак, 1998: 28).

Подтверждением «оценочного преобразования» лексики и усиления тенденции к аксиологизации менталитета российского общества является «Большой толковый словарь русского языка» (Кузнецов, 2000), в котором словарные пометы впервые ориентированы «на коммуникативную природу оценки «ОДОБРЕНИЕ» / «НЕОДОБРЕНИЕ» на разных элементах шкалы» (Тихонова, 2016). Термин «пометы оценочной характеристики» впервые появляется в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под редакцией Г.Н. Скляревской (Толковый словарь... 2006). Пометы последовательно демонстрируют устойчивость эмоциональной или оценочной окраски слова, подчеркивают его аксиологический функционал: *ирон.* (добровольно-принудительный, слухмейкер), *неодобр.* (воротила, долгострой), *презрит.* (коммуняка, попсытник), *пренебр.* (лохануться), *шутл.* (прихватизировать, трудоголизм).

В Национальном корпусе русского языка отмечается следующая специфика: глаголы не снабжены оценочными пометами, а оценка характерна для предметных и непредметных имен, прилагательных и наречий. К содержанию помет относится только положительная или отрицательная оценка, а также неопределенная, контекстуальная оценка, *которая может быть как положительной, так и отрицательной*. Все это не позволяет в полной мере говорить о представлении возможностей градации помет по оценочной шкале (*очень хорошо, довольно хорошо, хорошо / плохо, довольно плохо, очень плохо*) для читателя словаря.

Анализ инновационных словарей в контексте развития эмоционально-оценочных помет позволяет отметить усиление аксиологических тенденций в новой лексикографической реальности и возвратиться к мысли о том, что система помет в Словаре Д.Н. Ушакова (в осмыслении взаимосвязи между традицией и новаторством) позволяет смотреть на оценочное слово и его словарную статью как текст культуры в конкретном временном пространстве развития лексикографии.

Система стилистических помет в Словаре Д.Н. Ушакова

В Словаре система помет базируется на общем лексико-стилистическом подходе:

1) пометы, указывающие на разновидности устной речи (*разг., простореч., фам., детск., вульг., арго, школьн., обл.*);

³ См. Русский семантический словарь. 1998, 1:343.

⁴ Русский семантический словарь. 1998, 1:345.

2) пометы, указывающие на разновидность письменной речи (*книжн., науч., тех., спец., газет., публиц., канц., офиц., поэт., нар.-поэт.*);

3) пометы, устанавливающие историческую перспективу в словах современного языка (*нов., церк.-книжн., старин., устар.*);

4) пометы к словам, обозначающим предметы и понятия чуждого быта (*истор., дореволюц., загр.*);

5) стилистические пометы, указывающие на эмоционально-оценочные и экспрессивные выразительные оттенки слов (*презрит., пренебр., уничиж., ирон., неодобрит., бран., шутл., укор., ласкат., торж., ритор., эвф.*⁵)⁶.

Лингвистические наблюдения за текстом аксиологической и стилистической культуры в Словаре Д.Н. Ушакова демонстрируют особенную картину соотношения помет, репрезентирующую «сильный» аксиологический контекст стилистики, показывающий наглядно новый импульс развития стилистической окраски слова как разновидности устной и письменной форм речи. Взаимосвязь стилистических и эмоционально-экспрессивных помет создает аксиологическую «картину» Словаря Д.Н. Ушакова как текста культуры.

Сущность этой аксиологической картины, ее специфика, оригинальность и уникальность состоят в неразличении стилистической окраски и эмоционально-оценочной, подтверждаемой лексическим значением — оценочной семемой или семой в его семантической структуре. Под стилистическим содержанием пометы «скрывается», имплицитно оценочное (положительное или отрицательное, одобрительное или неодобрительное) — либо эмоционально-оценочное (ласкательное, уменьшительно-ласкательное, похвальное или пренебрежительное, презрительное, уничижительное, порицательное) — либо экспрессивное (высокое, шутливое, ироническое, бранное).

Сплошная выборка лексики со стилистическими пометами устной и письменной речи — (разг.) и (книжн.) — на буквы «В» и «Д», частичная — «Б» и «Е» в Словаре Д.Н. Ушакова демонстрирует следующие тенденции:

Преобладание отрицательной эмоционально-оценочной семантики (окраски) у слов с пометой разговорное (разг.):

- ВАВИЛОНЫ, ов, ед. нет (разг. устар.). Извилины, вычурный узор;
- ВДОЛБИТЬ, олблю, олбишь, сов. (к вдалбливать), что (разг.). С усилием, долго объясняя, втолковать...;
- ВЕЛИЧАТЬСЯ, аюсь, аешься, несов. 3. Кичиться, превозноситься, тщеславиться (разг.);
- ВЕРЕЩАТЬ, щу, щищ, несов. (разг.). Визгливо и надоедливо кричать, пищать...;
- ВЕРЗИЛА, ы, м. и ж. (разг. фам. неодобрит.). Человек очень высокого роста и нескладного телосложения;
- ДРЮЧИТЬ, чу, чишь; несов., кого-что (простореч.). Бить, воздействовать на кого-н. строгостью и побоями;
- ДУШОК, шка, мн. нет, м. (разг.). 1. Запах от загнивающей вещи. 2. Перен. Намеки, проявления какой-н. идеологии, учения, направления (ирон.);

⁵ См. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова, 1935, I:XXV–XXVIII.

⁶ Тихонова М.А. Аксиология в контексте лексикографии : модель «словаря оценочной лексики русского языка» : дис. ... канд. фил. наук. М., 2016.

• ЕГОЗА, *ы, м. и ж.* (разг. фам.). Вертлявый, подвижной, беспокойный человек⁷.

Преобладание положительной эмоционально-оценочной семантики (окраски) у слов с пометой «книжное» (книжн.):

- ДЕВСТВЕННЫЙ, *ая, ое ...* (книжн.). 1. Целомудренный, невинный...;
- ДЕЕСПОСОБНЫЙ, *ая, ое ...* (книжн.). 1. Имеющий право на совершенные действия юридического характера и несущий ответственность за свои поступки (право);
- ДЕЙСТВОВАТЕЛЬ, *я, м.* (книжн. устар.). То же, что деятель;
- ДРАПИРОВАТЬСЯ, *рюсь, руешься, несов. во что* (книжн.). 1. Надевать на себя одежду так, чтобы она лежала красивыми складками;
- ДРУЖЕСТВО, *а. мн. нет ср.* (книжн. устар.). То же, что дружба;
- ДУШЕПОЛЕЗНЫЙ, *ая, ое ...* (книжн. устар. церк.). Наставительный, морально поучительный;
- ДУШЕЧКА, *и, м. и ж.* (разг. фам.). 1. Красотка. 2. То же, что душенька;
- ЕДИНЕНИЕ, *я, мн. нет, ср.* (книжн.). Приведение к единству; тесная связь, сплочение, солидарность;
- ЕДИНОДУШИЕ, *я, мн. нет, ср.* (книжн.). Согласие, единение в мыслях, чувствах или действиях⁸.

Под стилистическим содержанием пометы «(разг.)» также обнаруживается положительная эмоционально-оценочная семантика, но в значительно меньшем количестве случаев по сравнению с отрицательной:

- ВАЖНЕЦКИЙ, *ая, ое* (простореч.). Хорошего качества;
- ВАТКА, *и, ж.* (разг.). 1. *Ласкат.* к вата;
- ДУХОВИТЫЙ, *ая, ое ...* (разг. обл.). Пахучий, душистый, ароматный;
- ДЮЖИЙ, *ая, ее ...* (простореч.). Сильный, крупного телосложения;
- ДЯДЕНЬКА, *и, м.* 1. *Ласкат.* к дядя (разг. фам.)⁹.

Стилистическое содержание пометы «(книжн.)» также «скрывает» отрицательную эмоционально-оценочную семантику, но в значительно меньшем количестве случаев по сравнению с положительной:

- БЮРОКРАТИЗАЦИЯ, *и, мн. нет, ж.* (книжн.). *Действие по глаг.* бюрократизировать;
- ВАЛИТЬ, *валю, валишь, несов. к повалить* (разг.);
- ВВЕРНУТЬ, *ну, нешь, сов. (к ввертывать), что. ... 2.* Вставить, вклеить в беседу (слово; разг. фам.);
- ВВЯЗАТЬ, *яжу, яжешь, сов. (к ввязывать). ... 2. перен., кого-что.* вовлечь, впутать (разг., фам.);
- ВЕЛЕРЕЧИВЫЙ, *ая, ое ...* (книжн. устар. или ирон.). Высокопарный, напыщенный;
- ДВОЙСТВЕННЫЙ, *ая, ое ...* (книжн.). ... 2. Двуличный, непрямодушный;
- ДРОЖАТЬ, *жу, жишь, несов.* 1. Сотрясаться, колебаться ... 3. Трепетать. бояться (книжн.);

⁷ См. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова, 1935, I:218–826.

⁸ См. Там же, 1935, I:668–828.

⁹ Там же, I:219–824.

• ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ, ая, ое (книжн.). Страдающий психическим расстройством¹⁰.

Наблюдаемое взаимодействие стилистической окраски и аксиологической природы содержания слова демонстрирует становление стилистической системы русского языка, восходящей к учению М.В. Ломоносова о «трех штилях» — высоком, среднем и низком: «Простой или низкий стиль целиком складывается из элементов живой *разговорной* (выделено нами. — Т.М., М.Н.) русской речи, даже с примесью просторечных выражений. Средний стиль состоит из слов и форм, общих славяно-русскому и русскому языкам. В высокий слог входят славянизмы и выражения, общие русскому и славяно-русскому языкам» (Виноградов, 2007: 351–352).

Однако в системе стилистических помет остаются такие, которые нейтральны по отношению к оценке. Лингвистические наблюдения демонстрируют незначительное количество «безоценочных» слов с пометой разговорное (разг.) или книжное (книжн.):

1) ДВУГРИВЕННЫЙ, ого, м. (разг.). Серебряная монета в 20 коп.;

ДРЫГАТЬ, аю, аешь (к дрыгнуть), чем. (разг.). Делать резкие, отрывистые движения...;

ВДОВЕТЬ, ею, еешь, несов. (разг.). Жить вдовою или вдовцом;

ДУХОВКА, и, жс. Железная коробочка для приготовления пищи, вделанная в кухонную плиту, согреваемая со всех сторон пламенем, шкаф;

2) ДАННЫЙ, ая, ое ... (книжн.). 1. *Прич. страд. прош. вр. от* дать ... || Сейчас совершающийся, нынешний;

ДВУКРАТНЫЙ, ая, ое (книжн.). Произведенный два раза;

ДЕКЛАМАЦИОННЫЙ, ая, ое (книжн.). *Прил. к* декламация;

ДЕКЛАРАЦИЯ, и, жс. ... (книжн.). 1. Официальное или торжественное заявление;

ДРИАДА, ы, жс. ... (книжн.) В греч. мифологии — лесная нимфа;

ДУЭНЬЯ, и, р. мн. -ний, жс. ... (книжн.). В Испании — пожилая женщина, наблюдающая за кем-н. или ведущая хозяйство;

ЕВАНГЕЛИСТ, а, м. (книжн., церк.). 1. Автор евангелия;

ЕДИНИЧНЫЙ, ая, ое, (книжн.). 1. ... Единственный, один¹¹.

Наблюдаемая диспропорция между содержанием стилистических помет как интерпретации оценочных смыслов и «безоценочных» стилистических помет для «безоценочных» по содержанию слов (условно назовем их пометы с «чистой» стилистической окраской) свидетельствует о тенденции к потере в Словаре Д.Н. Ушакова первичной значимости стилистической окраски слова в устной (разг.) и письменной (книжн.) речи и активном развитии у пометы *разговорное* оценочной семантики «неодобрение», преобладающей в исследованном материале, а у пометы *книжное* — оценочной семантики «одобрение». К перспективе проведенного исследования относится статистический подсчет стилистической и оценочной характеристики знаков лексикографического пространства Словаря Д.Н. Ушакова.

¹⁰ См. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова, 1935, I:216–820.

¹¹ См. Там же, I:651–827.

На «внутреннюю», имплицитную аксиологизацию словарной стилистической пометы в Словаре Д.Н. Ушакова накладывается процесс совмещения стилистических и эмоционально-оценочных помет. Этот синкретизм не только усиливает приближение словаря к человеку и его прагматическим потребностям, но и свидетельствует о перспективности мышления ученого-лексикографа. Приведем примеры синкретических словарных статей, количество которых в общем объеме словарных помет невелико, но отличается особенной значимостью.

Совмещение стилистических и эмоционально-оценочных помет с семантикой отрицательной оценки (двойные пометы):

- ВЕРТЛЯВЫЙ ... (разг. неодобрит.). 1. Суетливый, излишне подвижной. ... 2. Легкомысленный, ветреный;
- ВЕРТИХВОСТКА ... (разг. вульг. неодобрит.) Легкомысленная и кокетливая женщина;
- ВЕРТУШКА ... 3. Легкомысленный, ветреный человек, преимущ. о женщине (разг., с оттенком шуточного порицания)¹²;
- ДАРМОЕД ... (разг., презрит.). Живущий на чужие средства, бездельник, тунеядец;
- ДРЯННЫЙ ... (пренебр.). Плохой, нестоящий, никуда не годный;
- ДРЫХНУТЬ ... (простореч. неодобрит.). Спать слишком много¹³.

Двойных помет с семантикой положительной оценки в обследованном материале обнаружено мало:

- ДАР (книжн.) 1. Приношение, подарок (торж.)¹⁴.

Предполагаем, что это связано с непропорциональностью числа эмоционально-оценочных помет положительной и отрицательной оценки: 3 пометы — *ласк.*, *ритор.*, *торж.* из общего числа 12 выражают весьма опосредованную положительную оценку (семами *любви*, *нежности*, *приветливого отношения* — «ласк»; семами *искусство речи*, *красивая речь* — «ритор.»; семами *важный*, *величавый*, *священный* — «торж.»). Такая ситуация детерминирует некоторую семантическую бедность положительной зоны лексики в русском языке и нуждается в дальнейшем исследовании.

Анализ словарных статей обнаруживает также явление совмещения стилистических и эмоционально-оценочных помет с семантикой положительной и отрицательной оценки, что свидетельствует о развитии *аксиологических тенденций в толковании слова*:

- ВЕЛИКОДЕРЖАВНЫЙ, ая, ое. 1. Свойственный великой державе (книжн.) ... 2. Подражающий поведению великой державы, заносчивый в государственных и политических делах (публиц. неодобрит.);
- ВЕЛИКОВОЗРАСТНЫЙ ... (книжн. устар.; теперь с оттенком насмешки). Вышедший из юношеского возраста, старше, чем полагается для данного состояния¹⁵.

¹² См. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова, 1935, I:251–256.

¹³ Там же, I:652–807.

¹⁴ Там же, I:652.

¹⁵ См. Там же, 1935, I:243.

Лингвистические наблюдения показывают, что эмоционально-оценочные пометы крайне редко употребляются самостоятельно в словарных статьях, чаще это происходит в одном из значений многозначного слова:

• ДРЯНЬ ... 1. *только ед.* Хлам, негодная вещь (пренебр.) ... || Пустяки, ерунда, гадость (разг.) ... 2. *только ед.* Низменный, ничтожный человек (пренебр.) ... 3. Мерзкая женщина (бран. вульг.)¹⁶.

Очевидная палитра помет с семантикой отрицательной оценки в пространстве одной словарной статьи отражает *аксиологизацию* описания, стремление лексикографов реализовать гамму отношений к оцениваемому объекту, подготовить базу для оценочной коммуникации. Это преимущественно пометы с *отрицательной оценочной семантикой*, несущие смыслы, связанные с коммуникативной природой оценки — неодобрением на разных элементах оценочной шкалы, например:

Пренебр. (пренебрежительное) — для слов, содержащих оценку снисходительного порицания с оттенком высокомерия («плохо»);

Уничиж. (уничижительное) — для слов, передающих оттенок крайней пренебрежительности, уязвляющих адресата высокомерной презрительностью («очень плохо»);

Презрит. (презрительное) — для слов, содержащих резкое порицание, презрение («довольно плохо») и др.¹⁷

Эта картина, несомненно, мотивирована субъективно-объективным характером оценочных смыслов, их многочисленными основаниями: эстетическим, этическим, утилитарным, психологическим, сенсорно-вкусовым, нормативным, телеологическим (Арутюнова, 1999: 198–199). Одновременно она делает наглядной проблему асимметрии отрицательного (преобладающего) и положительного оценочных значений, обращает к фундаментальному значению «отношение» как основе взаимосвязи *оценки и модальности*, «неразрывность» которых до сих пор являет собой лингвистическую тайну.

Заключение

Словарь Д.Н. Ушакова — образец отечественной лексикографии, вызывающий большой интерес разных поколений исследователей. Словарь по праву признан бесценным памятником советской эпохи, где каждая словарная единица представлена в ее индивидуальности и неповторимости. Каждая словарная статья — синтез логической стройности лексикографической науки в неразрывном единстве художественной выразительности и образности, бесценный дар ее создателей в целостности лексикографической теории и практики искусства слова.

Анализ «жизни» стилистической и эмоционально-экспрессивной пометы в Словаре Д.Н. Ушакова демонстрирует яркую тенденцию к аксиологизации менталитета лексикографов, отражающую оценочные преобразования в мышлении членов общества. Новая реальность, пронизанная глобальным оценива-

¹⁶ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова, 1935, I:807.

¹⁷ Тихонова М.А. Аксиология в контексте лексикографии: модель «словаря оценочной лексики русского языка»: дис. ... канд. фил. наук. М., 2016.

нием любых объектов, привела к увеличению числа оценочных помет, реализации одобрительных и неодобрительных интенций в словарных статьях, к образу *человека оценивающего* в лексикографическом пространстве. Великим предшественником этого процесса был, несомненно, Дмитрий Николаевич Ушаков и «Толковый словарь русского языка» под редакцией выдающегося ученого, проложивший лингво-ментальный «мостик» к аксиографии — перспективному направлению лингвистической науки в новой реальности.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Активный словарь русского языка : в 2 томах. М. : Языки славянской культуры, 2014.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Базаров Е.Э., Кулева А.С., Пестова А.Р., Шестакова Л.Л.* Стилистически сниженная лексика в современном толковом словаре : изменения в употреблении просторечной лексики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 1. С. 42–61. <https://doi.org/10.31857/S241377150014007-0>
- Байрамова Л.К.* Аксиологический фразеологический словарь русского языка: словарь ценностей и антиценностей. Казань : Центр инновационных технологий, 2011. 371 с.
- Виноградов В.В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.
- Виноградов В.В.* Основные этапы истории русского языка // Прямая речь. Мысли великих о русском языке. М. : Российский Фонд культуры, 2007. С. 304–376.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. М. : Языки русской культуры, 1998. 768 с.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. М. : Иностранские и национальные словари, 1955–1956.
- Емельянова О.Н.* Стилистическая помета // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М. : Флинта, 2006. С. 444–447.
- Караулов Ю.Н.* Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. М. : Русский язык, 1988. С. 3–18.
- Козырев В.А., Черняк В.Д.* Лексикография русского языка : век нынешний и век минувший. СПб. : РГПУ, 2015. 631 с.
- Круглов В.М., Истратий В.В., Гамирова Д.Р., Каплан Е.Д.* Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка. СПб. : Нестор-История, 2015. 442 с.
- Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- Лексикография цифровой эпохи / отв. ред. Е.А. Юрина, С.С. Земичева. Томск : Томский государственный университет, 2021. 420 с.
- Меликян В.Ю.* Словарь : Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М. : Флинта : Наука, 2001. 240 с.
- Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М. : Аспект Пресс, 2000. 207 с.
- Морковкин В.В.* О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному. М. : Русский язык, 1986. С. 102–117.
- Нефёдов И.В., Нефёдова Т.П.* Отражение системности лексики русского языка в первом толковом словаре советской эпохи // Мир русского слова. 2013. № 1. С. 8–13.
- Никитин О.В.* Из истории отечественного языкознания XX века : к 145-летию со дня рождения Д.Н. Ушакова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1 (170). С. 88–95. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.15>
- Ожегов С.И.* Памяти Д.Н. Ушакова. 10 лет со дня смерти // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М. : Индрик, 2001. С. 448–452.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : т. 1. / ИРЯ РАН; под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998. 807 с.

- Грот Я.К. Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1895.
- Тихонова М.А. Словарь оценочной лексики русского языка как способ лексикографической интерпретации аксиологической семантики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 3. С. 131–140.
- Тихонова М.А. Аксиология в контексте лексикографии : модель «Словаря оценочной лексики русского языка» : автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2016. 26 с.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складчиковой. М. : Эксмо, 2006. 1136 с.
- Толстой Л.Н. Круг чтения. М. : Эксмо, 2023. 1056 с.
- Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
- Филин Ф.П. О новом толковом словаре русского языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1963. Т. 21. № 3. С. 177–189.
- Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л. : Ленинградский ун-т, 1958. 182 с.

Сведения об авторах:

Маркелова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, первый проректор — проректор по учебной работе, АНО ВО «Институт современного искусства», Российская Федерация, 121309, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27а. *Сфера научных интересов*: аксиологическая лингвистика, прагмакоммуникация, синтаксическая семантика, лингвокультурология. ORCID: 0000-0003-4400-6175. SPIN-код: 4862-5769. E-mail: tvmarkelova@mail.ru

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Сфера научных интересов*: лингвистическая поэтика, семиотическое и семантическое моделирование, язык как семиосфера, лингвокультурология, когнитивистика. ORCID: 0000-0002-4673-067X. SPIN-код: 1502-9636. E-mail: novikova-ml@rudn.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-480-494

EDN: UUVVXL

Research article

Stylistic marks axiology in the “Explanatory dictionary of the Russian language” edited by D.N. Ushakov and the new lexicographic reality

Tatyana V. Markelova¹, Marina L. Novikova²

¹ Institute of Modern Art, Moscow, Russian Federation

² RUDN University, Moscow, Russian Federation

 novikova-ml@rudn.ru

Abstract. The importance of addressing both theoretical and practical challenges of lexicography in the process of mastering, accumulating, and transmitting knowledge, which is materialized in language, is unquestionable. The relevance of the study is fueled by the enduring interest of researchers in the problems associated with developing academic traditions of Russian lexicography. The aim of the study is axiological analysis of stylistic markers, an important component of the lexicography metalanguage, and their systematization, which forms a methodological basis for further scholarly work in this field. This is because the research is based on the lexicographic tradition established by the prominent linguist D.N. Ushakov in the normative academic “Explanatory Dictionary of the Russian Language” (1935–1940), a harmonious and sequential approach to the

lexicographic parameterization of the Russian language, characterizing the stylistic status of words. The methodology of comprehensive research included general scientific methods of observation, comparison, analysis, and the contextual method in assessing stylistic deviations of normative stylistic markers. The consistent idea in the study is that the results of the conducted research testify to the foresight of D.N. Ushakov as a linguist, who anticipated the development of axiological issues in Russian language studies and the special role of stylistic qualification of words, their close connection with the evaluative nature of words in negative and positive semantics. The prospects for studying the system of stylistic markers as an important component of lexicography metalanguage are clear; they highlight the position of the word in the system of literary language, its expressive-evaluative connotations. The modern picture of studying the stylistic stratification of the lexicon remains a significant research object at the current stage of the Russian language in the diversity of prospective methods of lexicographic stylistics.

Keywords: lexicography, dictionary as a cultural text, lexicographic traditions, lexicographic innovations, word as a lexicographic object, axiography, lexicographic parameterization of language, evaluative semantics, stylistic label, emotional-expressive label

Authors' contributions: *Markelova T.V.* — Conceptualization, methodology development, writing-review and editing of the manuscript; *Novikova M.L.* — Formal analysis, writing-review and editing of the manuscript, validation

Conflict of interests. The authors declare that they have no conflict of interests.

Article history: received 15.01.2024; accepted: 28.03.2024.

For citation: Markelova, T.V., & Novikova, M.L. (2024). Stylistic marks axiology in the “Explanatory dictionary of the Russian language” edited by D.N. Ushakov and the new lexicographic reality. *Russian Language Studies*, 22(3), 480–494. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-480-494>